

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (57)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2020

ББК С
УДК 5+3
В 38

- В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 1 (57). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 166 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский –
д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 1 (57)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2020

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 1 (57). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2020. – 166 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyayeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienè – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Антонова И.С., Чистякова Н.О., Татарникова В.В.</i> Оценка эффективности развития муниципалитета: валовый продукт и предприятия-флагманы	7
<i>Гавриленко Н.Г.</i> Моделирование механизмов формирования показателей стратегического развития автотранспортной системы РФ.....	14
<i>Мизиковский И.Е.</i> Методические основы управленческого учета и анализа возвратных отходов предприятий по производству автомобильных компонентов	21
<i>Кузнецов Ю.А., Перова В.И.</i> Динамика развития малого предпринимательства России в контексте гармонизации стратегий государства и бизнеса	28

Социологические науки

<i>Силласте Г.Г.</i> Витостратификация населения мегаполиса и социальные ресурсы увеличения продолжительности его жизни	37
<i>Иудин А.А., Ситникова И.В., Тюнтяев А.С.</i> Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов (часть 2)	42
<i>Ивашевский С.Л.</i> Социальные проблемы цифровизации гуманитарного знания	52
<i>Савченко И.А., Устинкин С.В.</i> Векторы профилактики коррупции в фокусе общественного мнения: опыт компаративного исследования	58
<i>Вялых Н.А.</i> Социальное неравенство потребителей медицинской помощи в современном российском обществе: социальная сущность и способы сокращения	65
<i>Ермилова А.В., Шеншин А.С.</i> Несовершенство государственной системы реабилитации как причина суицидальных настроений лиц с ампутациями конечностей и иными нарушениями опорно-двигательного аппарата	74
<i>Куликова А.В.</i> Механизмы развития конкуренции в Нижегородской области: социологический анализ	82
<i>Кильдеев М.В.</i> Применение электронно-вычислительной техники в советской социологии религии	89
<i>Исакова И.А.</i> Трансформация родительства в эпоху гаджетизации практик взаимодействия школьников	95
<i>Карпунина А.В.</i> Результативность фандрейзинга в государственных организациях социального обслуживания (по результатам социологического исследования)	102
<i>Левкина В.Н.</i> Социальное развитие персонала посредством внедрения инновационных технологий подготовки и обучения сотрудников	109
<i>Докучаев Д.С.</i> Социальное измерение исторической политики на региональном уровне (на примере Ивановской области)	117
<i>Барашкова К.Д.</i> Поведенческие и ценностные установки пожилой семьи	124

Педагогические науки

<i>Бельдягина Е.Ю., Родионов М.А., Куприяшина Л.А.</i> Содержательно-методические особенности организаций диалогового взаимодействия студентов непрофильных специальностей на занятиях по математике на основе использования программных средств образовательного назначения	130
<i>Пурышева Н.С., Крысанова О.А.</i> Понимание информационных текстов при освоении физики современными обучающимися как система регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий	141
<i>Христолюбова А.А.</i> Особенности преподавания профессионально-ориентированного перевода студентам экономических специальностей в неязыковом вузе	148
<i>Яблочникова И.О.</i> Особенности подготовки магистров в области финансов в странах Восточной Европы	156

CONTENTS

Economic sciences

<i>Antonova I.S., Chistyakova N.O., Tatarnikova V.V.</i> Assessment of the municipal development effectiveness: gross municipal product and flagship enterprises	7
<i>Gavrilenko N.G.</i> Modeling of mechanisms for forming indicators of strategic development of the motor transport system in the Russian Federation	14
<i>Mizikovsky I.E.</i> Basic procedures for managerial accounting and analysis of recyclable waste of companies producing automotive components	21
<i>Kuznetsov Yu.A., Perova V.I.</i> Dynamics of small business development in Russia in the context of harmonization of state and business strategies	28

Sociological sciences

<i>Sillaste G.G.</i> Vitostratification of population in a metropolis and social resources for increasing longevity	37
<i>Iudin A.A., Sitnikova I.V., Tyuntyaev A.S.</i> Influence of value orientations on university applicants' choice of future profession (Part 2)	42
<i>Ivashevsky S.L.</i> Social problems of digitalization of the humanities	52
<i>Savchenko I.A., Ustinkin S.V.</i> Vectors of corruption prevention in public opinion focus: an experience of comparative research	58
<i>Vyalykh N.A.</i> Social inequality of medical care consumers in Russian society today: social essence and ways of reducing inequality	65
<i>Ermilova A.V., Shenshin A.S.</i> Imperfection of the state rehabilitation system as a cause of suicidal moods of persons with amputations of limbs and other disorders of the musculoskeletal system	74
<i>Kulikova A.V.</i> Mechanisms for competition development in the Nizhny Novgorod region: a sociological analysis	82
<i>Kildeyev M.V.</i> Application of computers in Soviet sociology of religion	89
<i>Isakova I.A.</i> Transformation of parenthood in the era of gadgetization of schoolchildren's interaction practices	95
<i>Karpunina A.V.</i> Fundraising effectiveness in state social service organizations (based on the results of sociological research)	102
<i>Levkina V.N.</i> Social development of personnel by means of implementation of the innovative training and education technologies	109
<i>Dokuchaev D.S.</i> Social dimension of historical politics at the regional level (the case of the Ivanovo region)	117
<i>Barashkova K.D.</i> Behavioral and value attitudes of elderly families	124

Pedagogical sciences

<i>Beldyagina E.Yu., Rodionov M.A., Kupryashina L.A.</i> Some features of content and methodology in the organization of dialogue interaction of students of non-core specialties in mathematics classes based on the use of educational software	130
<i>Purysheva N.S., Krysanova O.A.</i> Understanding information texts in the acquisition of physics knowledge by modern students as a system of regulatory, cognitive and communicative universal learning actions	141
<i>Khristolyubova A.A.</i> Specialized translation teaching for students of economic specialities in a non-linguistic university	148
<i>Yablochnikova I.O.</i> Some features of training masters students in the area of finance in Eastern Europe	156

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.146:330.55:336(571.1)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТА: ВАЛОВЫЙ ПРОДУКТ И ПРЕДПРИЯТИЯ-ФЛАГМАНЫ

© 2020 г.

И.С. Антонова, Н.О. Чистякова, В.В. Татарникова

Антонова Ирина Сергеевна, к.э.н.; доц.; доцент Школы инженерного предпринимательства
Национального исследовательского Томского политехнического университета
antonova_is@mail.ru

Чистякова Наталья Олеговна, к.э.н.; доц.; доцент Школы инженерного предпринимательства
Национального исследовательского Томского политехнического университета
worldperson@mail.ru

Татарникова Валерия Владимировна, ассистент Школы инженерного предпринимательства
Национального исследовательского Томского политехнического университета
tvv0907@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Статья принята к публикации 14.02.2020

Оценка валового муниципального продукта открывает широкие перспективы анализа эффективности функционирования территории, одним из ключевых факторов которой является наличие предприятий-флагманов. В исследовании на основе совершенствования методики оценки валового муниципального продукта в рамках подхода «сверху вниз» проводится сравнительная характеристика муниципальных образований Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, а также оценка степени влияния предприятий-флагманов на уровень данного показателя. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что, хотя основными лидерами по величине валового муниципального продукта остаются административные центры регионов Новосибирск, Кемерово и Томск, валовый муниципальный продукт в пределах регионов распределется крайне неоднородно. Новосибирская область представлена однополярной моделью концентрации ВМП с более высоким индексом концентрации, Томская и Кемеровская области – полиполярной моделью с тремя и более центрами концентрации ВМП. При этом решающую роль в развитии муниципалитета играют наличие и развитие предприятий-флагманов, формирующих свыше половины валового продукта муниципалитета, что подтверждается полученными в исследовании регрессионными моделями.

Ключевые слова: валовый муниципальный продукт, муниципальные образования, развитие территории, предприятия-флагманы.

Введение

Традиционными показателями оценки социально-экономического развития территории являются валовый внутренний продукт (ВВП), оценивающий масштабы развития страны, валовый региональный продукт (ВРП), характеризующий уровень такого развития для субъекта РФ. При этом в качестве агрегированного показателя оценки развития муниципального образования может быть использован показатель валового муниципального продукта (ВМП), на что указывают, в частности, В. Макаров и М. Глазырин [1, с. 56]. Однако применение данного показателя крайне ограничено отсутствием единой методики расчета валового продукта на муниципальном уровне, что обусловлено проблемами формирования муниципальных счетов в рамках действующей системы национальных

счетов [2, с. 92]. Напротив, в странах Евросоюза предусмотрен расчет добавленной стоимости согласно методике ESA-95 на различных уровнях, включая местный. Следуя международным стандартам, некоторые субъекты РФ проводят оценку ВМП руководствуясь собственными методическими разработками. К числу таких регионов относятся Красноярский край, Челябинская и Новгородская области, республики Татарстан, Карелия и Коми [3, с. 67]. Естественное стремление региональных органов оценить ВМП объясняется тем, что данный показатель представляет собой наиболее комплексную, емкую и одновременно простую в сравнении и интерпретации оценку эффективности развития территории на практике.

В теории регионального развития ВМП открывает перспективы выявления и оценки базовых факторов, определяющих развитие муни-

Таблица 1

Методики оценки ВМП «снизу вверх»		
№	Элементы оценки	Автор / источник
1	1) Нефинансовые корпорации; 2) гос. управление; 3) домашние хозяйства; 4) некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства	Д.В. Колечков [8, с. 134].
2	Укрупненно по 5 секторам: 1–4) из п.1, 5) финансовые корпорации	В.Л. Пуляевская [9, с. 160]
3	1) Заработка плата; 2) отчисления во внебюджетные фонды; 3) валовая прибыль; 4) чистые налоги на продукты	А.Н. Чекавинский, Е.А. Гутникова [10, с. 37]
4	1) Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами; 2) оборот розничной торговли; 3) оборот общественного питания; 4) объем платных и бытовых услуг населению	Г.Я. Белякова, А.И. Фролова [11, с. 44]

ципалитета. На основе данных о добавленной стоимости на уровне NUTS-3 (номенклатура территориальных единиц для целей статистики ЕС, в Бельгии соответствует округам, в Германии – районам, в Испании – провинциям) Я. Клюджен предполагает комплексную меру промышленной диверсификации территории на уровне NUTS-3 (районы Германии) и оценивает способность региона обеспечить общий рост валовой добавленной стоимости района с применением портфельной теории [4, с. 204–223]. Схожий подход эффективно реализуется в отечественной теории, однако на уровне региона с применением данных ВРП. Так, М.Ю. Малкина на основе соотношения сальниченко финансового результата к ВРП по 11 видам экономической деятельности оценивает вклад отраслей в общую нестабильность в рамках портфельного подхода Г. Марковица и У. Шарпа [5, с. 88–114]. Одним из ключевых показателей развития территории на уровне NUTS-3 является производительность труда, оцениваемая как соотношение валовой добавленной стоимости на час работы занятого. Построение регрессионных моделей, где данный показатель выступает в качестве зависимой переменной, открывает огромные перспективы оценки факторов повышения производительности труда. Р. Капелло и С. Сирисола успешно выделяют и оценивают влияние основных стратегических ресурсов на рост производительности труда на уровне NUTS-3, что позволяет выделить конкурентные преимущества на региональном уровне (Альпийский регион) [6]. Таким образом, отсутствие общепринятой методики оценки ВМП крайне ограничивает развитие и применение научного подхода к управлению развитием муниципалитета, а также выявлению и оценке факторов развития.

Помимо традиционных факторов развития территории (труд и капитал), описываемых моделью Кобба–Дугласа, на уровень развития му-

ниципалитета влияет наличие крупных предприятий – локомотивов экономики. В рамках данного исследования выдвинута гипотеза о том, что значимую роль в развитии муниципалитета играет наличие предприятия-флагмана. Под предприятием-флагманом в целях данного исследования будем понимать лидирующую предприятие в пределах муниципального образования с наибольшими объемами годовой выручки [7]. Целью данного исследования является оценка ВМП муниципальных образований Томской, Новосибирской и Кемеровской областей и подтверждение гипотезы о влиянии на их развитие предприятий-флагманов.

Анализ методик оценки валового муниципального продукта

Анализ методик оценки ВМП показал, что существует два основных подхода к оценке данного показателя:

- 1) «снизу вверх», как суммирование различных показателей муниципального уровня;
- 2) «сверху вниз», посредством нахождения ВМП как доли в ВРП или ВВП.

Подход к оценке ВМП «снизу вверх» заключается в суммировании различных показателей муниципального уровня. Данный подход представляется наиболее трудозатратным и напрямую зависит от качества данных, собранных и агрегированных на уровне муниципалитета. Анализ существующих методик оценки ВМП в рамках подхода «снизу вверх» представлен в табл. 1.

Подход к оценке ВМП «сверху вниз» является наиболее простым и распространенным ввиду того, что получается путем распределения долей в ВРП или ВВП на муниципальном уровне. Глобальной городской обсерваторией (Global Urban Observatory) Организации Объединенных Наций в рамках программы по населенным пунктам (UN-Habitat) предложено два метода расчета ВМП: метод А и метод В [12, с. 94]. Метод А позволяет оценить ВМП на основе количествен-

ных данных о численности занятых и размере средней заработной платы в разрезе отраслей экономики на основе формул (1) и (2):

$$BMP_{ij} = \frac{BHP_j}{Z_j} \times Z_{ij} \times \frac{CZP_{ij}}{CZP_c}, \quad (1)$$

где BMP_{ij} – оценка ВМП i -му муниципальному образованию j -й отрасли; BHP_j – валовый национальный продукт j -й отрасли страны; Z_j – количество занятых в экономике j -й отрасли страны; Z_{ij} – количество занятых в экономике i -го муниципального образования j -й отрасли; CZP_c – средняя заработка по стране; CZP_{ij} – средняя заработка i -го муниципального образования j -й отрасли.

При этом показатель валового национального продукта может быть заменен показателем валового регионального продукта и, соответственно, количества занятых в экономике страны – на занятых в регионе, а средняя зарплата по стране – на среднюю в регионе, что позволит также оценить ВМП территории на основе региональных данных.

Далее из формулы (1) получаем показатель валового муниципального продукта BMP_i , путем суммирования результатов BMP_{ij} , полученных по отраслям:

$$BMP_i = \sum_{j=1}^n BMP_{ij}, \quad (2)$$

где BMP_i – оценка ВМП i -му муниципальному образованию; n – количество отраслей в экономике.

Метод В предполагает наличие данных о численности домохозяйств и их доходах в муниципальном образовании:

$$BMP_i = BHP_c \times \frac{\Delta_i \times CDD_i}{\Delta_c}, \quad (3)$$

где BHP_c – валовый национальный продукт страны; Δ_i – число домохозяйств i -го муниципального образования; Δ_c – общий национальный доход домохозяйств; CDD_i – средний доход домохозяйств i -го муниципального образования.

В российской практике данные о числе домохозяйств в муниципальном разрезе не публикуются, поэтому для расчета ВМП приемлемым следует считать метод А. Так, данный метод для расчета используют А.В. Шевандрин [12, с. 95–97], Е.А. Гафарова, И.А. Лакман [13, с. 57]. Однако результаты данных исследований позволяют оценить развитие муниципальных образований лишь в Республике Башкортостан и Волгоградской области. В условиях ограниченной статистики Н.Б. Косаревой, Т.Д. Полиди предложен подход по оценке средней компоненты оплаты труда наемных работников в ВГП (валовый городской продукт) между долей оплаты труда в ВВП и долей опла-

ты труда в ВРП [14, с. 9–11]. Оценка оплаты труда работникам осуществляется на основании показателей о среднесписочной численности работников организаций и среднемесячной заработной плате. Кроме того, производится дооценка на сумму средств, уплачиваемых в государственные внебюджетные фонды, и сумму «серых» заработных плат.

Популярность среди исследователей завоевал метод факторной оценки, предполагающий использование регрессионных моделей, основным преимуществом которого является отсутствие необходимости прямого счета [15]. Данный метод впервые был применен российскими учеными в 2005 году. Методика основана на учете теории размещения факторов производства, в соответствии с которой производство материальных благ с использованием базовых факторов производства (труд, земля, капитал) находит отражение в количественной оценке экономического развития муниципального образования. В данном методе важным положением является наличие тесной связи между ВМП и ВРП и вытекающей из данного положения возможности оценки валового муниципального продукта с использованием региональных данных. В текущем исследовании воспользуемся данным методом для оценки ВМП.

Методы исследования

В рамках данного исследования для оценки ВМП предлагается использовать основные факторы производства, учитываемые в модели Кобба–Дугласа. Оценка ВМП проводится по следующим этапам:

1. Определение факторов и данных для регрессионного уравнения по модели Кобба–Дугласа

$$BPP_t = A \times K_{Pt}^\alpha \times L_{Pt}^\beta, \quad (4)$$

где K_{Pt} – значение фактора капитала в момент времени t ; L_{Pt} – значение фактора труда в момент времени t ; A – константа уравнения;

2. Регрессионный анализ факторов и определение коэффициентов α и β ;

3. Расчет весового коэффициента p_i , отражающего долю i -го муниципального образования:

$$p_i = \left(\frac{K_{Mi}}{K_{Pt}} \right)^\alpha \times \left(\frac{L_{Mi}}{L_{Pt}} \right)^\beta, \quad (5)$$

где K_{Mi} – значение фактора капитала для i -го муниципального образования в момент времени t ; L_{Mi} – значение фактора труда для i -го муниципального образования в момент времени t ;

4. Расчет ВМП для i -го муниципального образования в момент времени t :

$$BMP_{it} = p_i \times BPP_t, \quad (6)$$

Таблица 2

Результаты оценки регрессионной модели ВРП

Наименование показателя	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	2.48134	0.56075	4.424996102	0.000061
Переменная X1 (α)	0.78108	0.04276	18.26753666	0.000000
Переменная X2 (β)	0.22040	0.07254	3.038176575	0.003954
Множественный R		0.951931915		
R^2		0.906174371		
Нормированный R^2		0.902004343		
Стандартная ошибка		0.216788824		
Наблюдения		48		

Рассчитано авторами в программном продукте Microsoft Excel на основе данных Росстата [16].

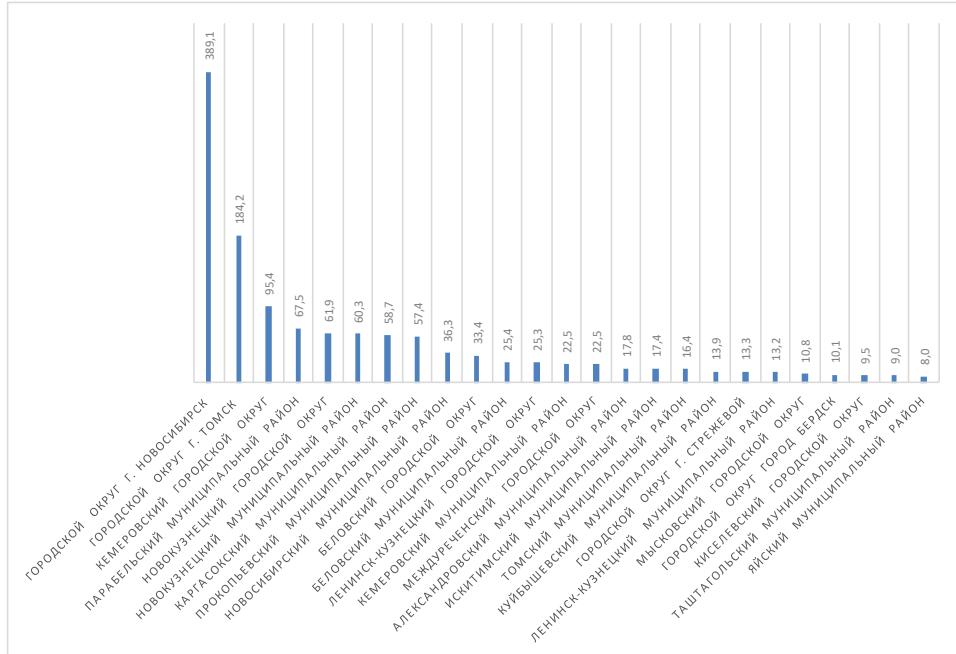

Рис. 1. Результаты оценки 25 крупнейших муниципалитетов Кемеровской, Томской и Новосибирской областей по ВМП в 2016 г., млрд руб.

Для исследования в качестве базы данных принято решение взять 3 региона СФО: Томскую, Новосибирскую и Кемеровскую области. Исследуемый период составляет 2002–2016 гг. и включает 48 наблюдений. В качестве факторов капитала и труда применяются данные об инвестициях в основной капитал (млн рублей) и среднегодовая численность занятых в экономике (тыс. человек). В результате проведенной оценки проводится анализ полученных значений ВМП за 2016 г., а также влияния на данный показатель числа и выручки предприятий-флагманов, что позволяет обосновать выдвинутую гипотезу исследования.

Результаты исследования

Результаты оценки регрессии d в соответствии с формулой (4), сформированной по заданным в исследовании критериям, указаны в таблице 2.

Следующим этапом расчета является нахождение взвешивающего множителя p_i для муниципальных образований исследуемых регионов по формуле (5) на основании полученных коэффициентов α и β таблицы 2. После производился расчет ВМП для муниципальных образований с учетом взвешивающего множителя p_i в соответствии с формулой (6). На рис. 1 представлены результаты оценки ВМП муниципалитетов-лидеров [17–19].

Муниципалитеты-лидеры по величине ВМП – городской округ г. Новосибирск (389 млрд руб.), г. Томск (184 млрд руб.), Кемеровский городской округ (95 млрд руб.). Минимальное полученное значение муниципального продукта принадлежит Верхнекетскому муниципальному району Томской области (295 млн руб.). Анализ полученных величин ВМП по 86 муниципальным образованиям Томской, Кемеровской и Новосибирской областей показывает высокую неоднородность данных показателей, что под-

Таблица 3

**Описательная статистика величины ВМП
Томской, Кемеровской и Новосибирской областей в 2016 г.**

	Томская область	Кемеровская область	Новосибирская область	Общее
Средневзвешенная (выборочная средняя), млрд руб.	20.76	15.14	23.89	20.17
Мода, млрд руб.	—	—	—	—
Медиана	1.996	5.995	2.465	3.233
Размах вариации, млрд руб.	183.87	94.93	388.73	388.799
Среднее линейное отклонение, млрд руб.	29.03	15.75	37.46	26.58
Дисперсия	2052.79	4781.96	6417.74	3160.34
Среднеквадратическое отклонение, млрд руб.	45.31	21.87	80.11	56.22

Составлено авторами на основе данных по запросам в Кемеровостат [17–19].

Рис. 2. Распределение показателя ВМП по муниципальным образованиям Новосибирской, Кемеровской и Томской областей

тверждают показатели вариации, представленные в табл. 3.

Анализ неоднородности показателя ВМП в региональном аспекте свидетельствует о том, что, с одной стороны, в каждом из регионов традиционно основная доля ВМП концентрируется в административном центре. С другой стороны, если Новосибирская область характеризуется моноцентричностью распределения ВМП, то Томская и Кемеровская области представлены поликентричной моделью (3 точки создания ВМП в Томской области: городской округ г. Томск, Парабельский и Каргасокский муниципальные районы; 8 точек в Кемеровской области), что отражено на рис. 2. Индекс Херфиндаля–Хиршмана для Новосибирской области составляет 0.626, для Томской – 0.059, для Кемеровской – 0.033, подтверждая вывод о большей однородности ВМП в Кемеровской

области по сравнению с другими рассматриваемыми областями.

Для обоснования гипотезы исследования проведен корреляционный и регрессионный анализ зависимости ВМП от числа предприятий-флагманов и выручки предприятий-флагманов по муниципалитетам. Коэффициент корреляции (0.888) показателей ВМП и числа предприятий-флагманов на территории показал прямую линейную связь между рассматриваемыми показателями. Коэффициент корреляции для показателей ВМП и выручки предприятий-флагманов (0.731) также подтверждает полученный результат. Регрессионный анализ показывает, что выручка предприятий-флагманов более чем на 50% влияет на результирующий показатель ВМП, а их число – более чем на 70%. При этом ввод дамми (фиктивной) переменной «наличие предприятий-флагманов» снижает

Таблица 4

**Результаты оценки регрессионной модели ВМП
и выручки предприятий-флагманов**

	ВМП, млн руб.	ВМП, млн руб.
Число предприятий-флагманов (<i>b</i>)		5 505.034
Выручка предприятий-флагманов по муниципалитету, млн руб. (<i>b</i>)	0.373	
Свободный член (<i>a</i>)	6 513.186	3 743.404
Множественный <i>R</i>	0.73	0.73
<i>R</i> ²	0.53	0.53
Нормированный <i>R</i> ²	0.53	0.53
Стандартная ошибка	33 028	33 028
<i>F</i> (1.84)	96.375	96.375
<i>p</i> -значение	<0.00000	<0.00000
Наблюдения	86	86

значение R^2 до 0.095 и не позволяет сделать вывод о том, что наличие предприятий-флагманов является основным фактором развития муниципалитета. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 4.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о сильном влиянии предприятий-флагманов на развитие муниципалитета подтверждена как по выручке предприятий-флагманов, так и по их численности и наличию в муниципалитете.

Заключение

В исследовании применяется подход к оценке ВМП «сверху вниз» на основе регрессионной модели, учитывающей основные факторы производства – инвестиции в основные средства и среднесписочную численность занятых. Проведенное исследование дает возможность сделать следующие наиболее важные выводы.

Полученные результаты оценки ВМП позволяют выделить три муниципальных образования-лидера: городской округ г. Новосибирск, городской округ г. Томск, Кемеровский городской округ. Данные территории представляют собой административные центры регионов Новосибирской, Томской и Кемеровской областей соответственно.

Распределение полученных результатов ВМП по трем анализируемым регионам Сибирского федерального округа неоднородно. Новосибирская область представлена однополярной моделью концентрации ВМП с более высоким индексом концентрации, Томская область и Кемеровская область – полиполярной моделью с тремя и более центрами концентрации ВМП.

Решающую роль в развитии муниципалитета играют наличие и развитие предприятий-флагманов. Данные предприятия формируют свыше половины валового продукта муниципалитета.

Таким образом, в статье на основе оценки ВМП выявлены особенности концентрации

ВМП на территории трех областей – Томской, Новосибирской и Кемеровской, а также обоснована гипотеза о влиянии предприятий-флагманов на показатель валового муниципального продукта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Роль флагманских предприятий в экономическом развитии регионов: Экономико-математический анализ панельных данных на примере России и США», проект № 18-010-01123 а.

Список литературы

1. Макаров В., Глазырин М. Новая экономическая самоорганизация муниципальных образований // Экономист. 2003. № 4. С. 53–60.
2. Гафарова Е.А. Валовой муниципальный продукт как показатель уровня экономического развития муниципальных образований региона (на материалах Республики Башкортостан) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 4. С. 91–103.
3. Климова Н.И. Валовой муниципальный продукт: зарубежный и российский опыт оценки и применения // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 4 (138). С. 65–68.
4. Kluge J. Sectoral diversification as insurance against economic instability // Journal of Regional Science. 2018. V. 58. Issue 1. P. 204–223.
5. Малкина М.Ю. Нестабильность финансовой доходности региональных экономик и ее детерминанты // Пространственная экономика. 2018. № 3. С. 88–114.
6. Capello R., Cerisola S. Development patterns and their sources of competitiveness in the EUSALP macro-region // Regional Studies. 2019. P. 1–14.
7. Анохин С.А., Спицын В.В., Антонова И.С., Чистякова Н.О., Спицына Л.Ю. Флагманские предприятия как драйверы социально-экономического развития муниципальных образований Сибирского федерального округа // Векторы благополучия. 2018. № 4 (31). С. 189–202.
8. Колечков Д.В. Валовой муниципальный продукт в управлении экономикой (на примере Республики Коми) // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5 (146). С. 132–139.

9. Пуляевская В.Л. Валовой муниципальный продукт как показатель оценки экономического потенциала районов и городов // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 159–166.
10. Чекавинский А.Н., Гутникова Е.А. Оценка валового продукта города и направления его увеличения // Проблемы развития территории. 2012. Вып. 2 (58). С. 36–44.
11. Белякова Г.Я., Фролова А.И. Совершенствование методики расчета обобщающего показателя благосостояния муниципальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 33. С. 42–48.
12. Шевандрин А.В. Оценка социально-экономического развития муниципальных районов Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Право. 2012. № 2. С. 92–100.
13. Гафарова Е.А., Лакман И.А. Эконометрическое моделирование развития муниципальных образований региона с учетом их неоднородности (на примере Республики Башкортостан) // Вопросы статистики. 2017. № 4. С. 54–63.
14. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д. Оценка валового городского продукта в российских городах и его вклада в ВВП России в 2000–2015 гг. // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 5–23.
15. Колечков Д.В., Гаджиев Ю.А., Тимашев С.А., Макарова М.Н. Валовой муниципальный продукт: методы расчета и применение // Экономика региона. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/valovoy-munitsipalnyy-produkt-metody-rascheta-i-primenie> (дата обращения: 18.07.2019).
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. Данные официальных сборников Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 18.07.2019).
17. Муниципальные образования Кузбасса: Статистический ежегодник. Кемерово, 2017. 175 с.
18. Муниципальные образования Томской области: Статистический сборник. Томск: Томскстат, 2018. 276 с.
19. Основные показатели социально-экономического положения городских округов и муниципальных районов Новосибирской области. 2016 год: Статистический сборник / ТERRиториальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2017. 180 с.

ASSESSMENT OF THE MUNICIPAL DEVELOPMENT EFFECTIVENESS: GROSS MUNICIPAL PRODUCT AND FLAGSHIP ENTERPRISES

I.S. Antonova, N.O. Chistyakova, V.V. Tatarnikova

Tomsk Polytechnic University

The assessment of gross municipal product offers broad prospects for analyzing the effectiveness of territorial development, where one of the key factors is the presence of flagship enterprises. The study, based on improved methodology for assessing gross municipal product as part of the top-down approach, compares the municipalities of Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions. The extent to which flagship enterprises have an impact on the level of this indicator is also assessed. The results of the study suggest that despite the fact that the main leaders in terms of gross municipal product are the administrative centres of the Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions, the gross municipal product distribution within the regions is extremely uneven. The Novosibirsk region has a unipolar model of gross municipal product concentration with a higher concentration index, while the Tomsk and Kemerovo regions feature a multipolar model with three or more centres of gross municipal product concentration. At the same time, the presence and development of flagship enterprises, which form more than half of the municipality's gross product, play a crucial role in the municipality's development. The obtained regression models confirm our hypothesis regarding the strong influence of flagship enterprises on the development of the municipality both in terms of revenue of flagship enterprises, and in their number and availability in the municipality.

Keywords: gross municipal product, municipal entities, territory development, flagship enterprises.

УДК 656.135

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВТОТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РФ

© 2020 г.

Н.Г. Гавриленко

Гавриленко Наталья Геннадьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики и управления персоналом
Омской гуманитарной академии
gng1978@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 11.01.2020
Статья принята к публикации 20.02.2020*

Рассматриваются автотранспортная система РФ и индикаторы её развития, отраженные в целевом инновационном варианте Транспортной стратегии РФ. Проведенные ранее автором исследования говорят о сложности достижения установленных Транспортной стратегией показателей, следовательно, целью данной работы явилась разработка механизма, позволяющего увеличить эффективность деятельности автотранспортной системы. Использование методов анализа и синтеза, сравнения и обобщения, математического моделирования, а также применение кибернетического подхода позволили изучить структуру автотранспортной системы и построить модель формирования показателей её развития. Результаты и выводы: автотранспортная система рассматривается как трехуровневая система, в которой каждый уровень включает субъект и объект управления. Кибернетический подход в исследовании процессов управления системами, использованный в данном исследовании, предполагает акцентирование внимания на функционировании субъекта управления. Научная новизна исследования отражена в представленной математической модели достижения индикатора. Модель механизма формирования показателей Транспортной стратегии РФ, построенная с использованием ориентированного графа, включает оценку уровня квалификации и мотивированности человеческого ресурса субъектов управления автотранспортной системы на разных уровнях, а также оценку эффективности выполнения человеческим ресурсом ключевых функций, участвующих в формировании индикаторов развития. Представленная модель облегчает принятие управленческих решений по устранению несоответствий в процессе достижения автотранспортной системой целевых индикаторов.

Ключевые слова: автотранспортная система, субъект управления, кибернетический подход, индикаторы развития.

Введение

Развитие автомобильного транспорта до 2030 года описано Транспортной стратегией РФ (ТС) [1]. В рамках данной стратегии установлены индикаторы, отражающие необходимость обеспечения доступности и качества автотранспортных услуг в сфере грузовых перевозок, увеличение объема услуг (транспортной работы), интеграцию в мировое транспортное пространство, реализацию транзитного потенциала, снижение негативного воздействия транспорта на окружающую среду и повышение уровня безопасности автотранспортной системы. Целевой инновационный вариант развития существующей автотранспортной системы является сложно реализуемым. Данный факт подтверждается результатами прогнозирования показателей до 2030 года [2].

Вопросы стратегического планирования в России достаточно серьезно начали рассматриваться с 1920 г. (план ГОЭЛРО), в 1922–1925 гг. Н.Д. Кондратьевым был предложен проект Генерального плана восстановления и развития сельского хозяйства России [3], в 50–60-х годах

получил своё развитие балансовый метод планирования народного хозяйства [4–6], наконец, в 2014 году нормативно-правовая база стратегического планирования пополнилась Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в котором был сформирован перечень требований к системе стратегического планирования на федеральном и региональном уровне [7]. Но в данном документе не нашел отражения тот факт, что выполнение установленных целевых показателей стратегического развития требует структурного понимания их формирования, которое начинается с микроуровня. Эффективное стратегическое планирование возможно при условии описания механизмов воздействия со стороны федерального и регионального уровня управления на предприятия, наличия понимания относительно ответной реакции микроуровня на механизмы воздействия мезо- и макроуровня.

На сегодня в литературе представлено множество подходов к решению вопросов стратегического планирования развития экономических систем, в рамках которых однозначной

является лишь необходимость наличия двух основных этапов: анализ системы и план преобразования (синтез новой) системы [8–14]. В рамках реализации этих этапов можно обратить внимание на рекомендации М.Э. Осеевского по разработке административного механизма реализации стратегии [15], О.В. Бережной касаемо моделирования оптимальной стратегии и методических основ мониторинга [16] (при этом для моделирования, на наш взгляд, необходимо выбрать и адаптировать математический инструментарий с перечнем параметров), а также на необходимость определения перечня инновационных продуктов, необходимых для стратегического развития системы (С.Р. Халтаева, А.А. Синельников [17, 18]). Но большое количество подходов и методов стратегического планирования, предложенных различными авторами, имеют разрозненный характер и решают локальные проблемы на различных уровнях систем.

По мнению известного ученого Г.Б. Клейнера, в стратегический процесс постепенно вовлекаются все уровни экономики, что, несомненно, должно рано или поздно привести к объединению стратегического планирования в единую многоуровневую и охватывающую всю территорию страны систему [19]. Решение данной задачи требует разработки общего подхода к моделированию механизмов формирования показателей стратегического развития – как прикладного инструмента, позволяющего значительно повысить эффективность стратегического планирования.

Теоретико-методологические подходы

Автотранспортная система (АТС) РФ представляет собой трехуровневую систему, включающую макро-, мезо- и микроуровень. Каждый уровень включает управляющую и управляемую системы. Показатели макроуровня в целом формируются путем агрегирования показателей системы нижестоящих уровней управления, следовательно, автотранспортная система рассматривается нами как иерархическая структура, элементы которой принадлежат определенному множеству и определенному уровню иерархии, уровень иерархии определяет функции элемента. Автотранспортная система относится к многоуровневым системам, которые отличает наличие метаэлемента – управляющего органа, в нашем случае – управляющей системы макроуровня, устанавливающей «правила игры» (индикаторы развития АТС).

Внутренним критерием эффективности функционирования подсистемы микроуровня является получение прибыли (за счет роста доходной части или снижения расходной части), внешним – максимизация показателя стремления к достижению индикаторов Транспортной стратегии; для мезо- и макроуровней критерии эффективности определяются как максимизация показателя роста эффективности стимулирования микроуровня к достижению индикаторов Транспортной стратегии (что возможно, главным образом, за счет создания условий для роста прибыли микроуровня при выполнении показателей, способствующих достижению индикаторов ТС):

$$\mathcal{E}_{\text{микро}} \rightarrow \max \{ln, \Pi\}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{\text{микро}}$ – показатель эффективности системы на микроуровне; Π – прибыль; ln – индикаторы Транспортной стратегии;

$$\mathcal{E}_{\text{макро, мезо}} \rightarrow \max \{\mathcal{E}_{\text{С микро}}\{ln\}\}, \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_{\text{макро, мезо}}$ – показатели эффективности системы на макроуровне и мезоуровне; $\mathcal{E}_{\text{С микро}}\{ln\}$ – показатель эффективности стимулирования микроуровня к достижению индикаторов ТС.

Эффективность функционирования АТС представляет собой суммарную эффективность подфункций системы:

$$\mathcal{E}_{\text{макро}} = \sum \mathcal{E} \Phi_{\text{макро}} \{ \mathcal{E} \Phi_{\text{мезо}} \{ \sum \mathcal{E} \Phi_{\text{микро}} \} \}, \quad (3)$$

где $\mathcal{E} \Phi$ – эффективность функций.

Рассмотрим данное понятие в рамках АТС с позиции кибернетического подхода. Данный подход отличает приданье первостепенного значения управляющей системе, которая, совершая определенные действия (функции), заставляет систему двигаться к установленной цели. Данный подход можно характеризовать как «силовой», искусственно выстраивающий систему под определенные цели. Кибернетический подход исследует сложные динамические системы, выявляя прямые и обратные связи, изучает процесс управления, рассматривая элементы системы в виде «черных ящиков», внутреннее устройство которых может быть неизвестно.

Для механизма моделирования была выбрана теория графов. Теория графов представляет собой достаточно наглядный инструмент современной математики для исследования разнообразных систем. Использование графов упрощает и придает наглядность решению многих экономических задач. Многие доказательства с их помощью приобретают большую убедительность. Полученная на основе ориентированного графа модель АТС предоставит возможность моделировать (прогнозировать) возможность достижения индикатора системой при изменении того или иного показателя.

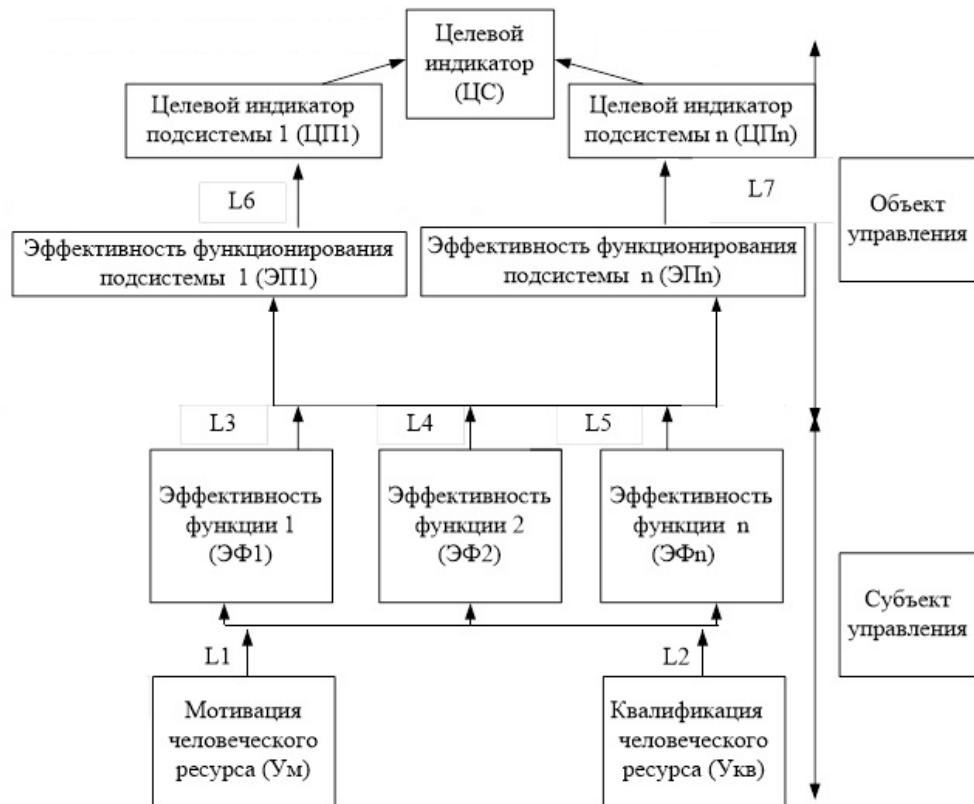

Рис. Модель механизма формирования показателей ТС РФ
(разработано автором)

Моделирование производится шагами в виде импульсов. Сущность данного процесса состоит в том, что одной вершине можно задать некоторое изменение. Данная вершина актуализирует всю систему показателей. Таких вершин может быть несколько. В представленной модели к таким вершинам относятся U_m и U_{kv} . Необходимо указать шаг (размер) изменений в них, а также первоначальные значения показателей во всех вершинах. Значения в вершинах будут меняться с каждым шагом имитации, итог этого изменения определяется выражением

$$(P_j)_t = (P_j)_{t-1} + \sum_{ij} e_{ij} l_{ij} \{ (p_j)_t - (p_j)_{t-1} \} \quad (4)$$

где $(p_j)_t$ и $(p_j)_{t-1}$ – величины показателей в вершине i при шагах имитации соответственно t и $(t-1)$; e_{ij} и l_{ij} – коэффициенты, характеризующие знак и степень влияния показателя вершины i на показатель вершины j .

Полученная для реализации поставленной задачи модель отражает следующее суждение: автотранспортная система относится к числу социально-экономических систем, следовательно, её центральным элементом является человеческий ресурс, обладающий определенной квалификацией и мотивированный к выполнению определенных действий (реализации функций), вследствие чего осуществляется движение системы к установленным целевым индикаторам

(рис.). Для моделирования механизма формирования целевых показателей ТС рассматривается функционал субъектов управления только макро- и мезоуровней, поскольку стремление к достижению индикаторов ТС на микроуровне возникает как ответная реакция на действия субъектов управления более высоких уровней.

Результаты

В рамках Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года представлено два варианта развития АТС: базовый и инновационный, при этом инновационный вариант является целевым. Целевой вариант развития АТС устанавливает улучшение показателей по следующим направлениям (целям, выделенным Транспортной стратегией): увеличение объема услуг (транспортной работы); обеспечение доступности и качества автотранспортных услуг в области грузовых перевозок; интеграция в мировое транспортное пространство, реализация транзитного потенциала; повышение уровня безопасности автотранспортной системы; снижение негативного воздействия системы на окружающую среду. По каждому направлению для системы грузового автомобильного

Таблица 1

Индикаторы реализации инновационного варианта Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года (разработано автором по данным источника [1])

Показатель	Условное обозначение	Базовый показатель 2011 года	Целевой показатель на 2030 год
Увеличение объема услуг (транспортной работы): объем перевозки грузов, млн. т, из них транспортом общего пользования	V	5829.3 542.6	12594.1 917.7
грузооборот, млрд. т·км, из них транспортом общего пользования	Q	222.8 84.2	509.6 204.1
Обеспечение доступности и качества автотранспортных услуг в области грузовых перевозок: Средняя коммерческая скорость товародвижения на автомобильном транспорте (по скоростным автомагистралям), км/сут	U	550	1100
Доля отправок, доставленных в нормативный (договорной) срок на автомобильном транспорте, %	N	30	55
Доля контейнерных и контрейлерных перевозок в общем объеме перевозок грузов, %	K	0.8	3
Средний возраст грузовых автотранспортных средств (общего пользования), лет	Y	11	8.5
Доля парка грузовых автомобилей, оснащенных навигационными системами ГЛОНАСС, %	G	19	100
Интеграция в мировое транспортное пространство, реализация транзитного потенциала Перевозки транзитных грузов через территорию России: млн. т.	T	1	3.5
Доля российских перевозчиков в объеме международных автомобильных перевозок грузов, %	M	39.4	50
Повышение уровня безопасности автотранспортной системы Социальный риск гибели в дорожно-транспортных происшествиях, число погибших в ДТП на 100 тыс. населения	D1	19.6	7.0
Снижение транспортных рисков на автомобильных дорогах (уменьшение числа погибших в ДТП на 10 тыс. автотранспортных средств, принадлежащих юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям) (к уровню 2011 года), %	D2	100	37
Доля автотранспортных средств юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих разрешительные документы на перевозочную деятельность, %	R	40	100
Снижение негативного воздействия системы на окружающую среду Объем выбросов СО ₂ на 1 приведенный т·км (к уровню 2011 года), %	O	100	75
Доля альтернативных видов топлива в общем топливопотреблении автотранспортных средств, % в том числе доля газомоторного топлива	A AG	4 4	30 24
Доля парка транспортных средств с гибридными, электрическими двигателями и двигателями на альтернативных видах топлива, %	GT	<1	54
Средний удельный расход топлива/электроэнергии на единицу транспортной работы, выполненной транспортными средствами (к уровню 2011 года), %	E	100	85
Доля организаций, внедривших в свою деятельность системы экологического менеджмента управления качеством окружающей среды и обеспечения экологической безопасности на транспорте, %	S	<1	79

транспорта установлены 18 индикаторов (табл. 1), следовательно, моделирование процесса реализации Транспортной стратегии АТС требует формирования как минимум десяти моделей (по каждому направлению (цели) для макро- и мезоуровня) и как максимум 36 моделей (по каждому индикатору).

На макроуровне управляемая система (объект управления) представлена региональными

автотранспортными системами. Управляющая система (субъект управления) представлена исполнительным органом государственной власти – Министерством транспорта (ключевые департаменты Минтранса – Департамент государственной политики в области дорожного хозяйства, Департамент государственной политики в области автомобильного и городского пассажирского транспорта, а также агентство авто-

мобильного транспорта и федеральное дорожное агентство), входящим в состав правительства. Правительство подотчётно президенту Российской Федерации и подконтрольно Федеральному собранию. Также включены в систему управления и другие министерства (Министерство природных ресурсов и экологии, Минэкономразвития, Министерство финансов, Министерство науки и высшего образования и прочие).

Мезоуровень АТС представлен региональными автотранспортными системами доставки грузов. Под управляемой системой мезоуровня понимаются предприятия, подразделения и индивидуальные предприниматели (микроуровень) региона, осуществляющие грузовые автомобильные перевозки. Управляющая система представлена исполнительным органом – министерством, отвечающим за работу транспорта и дорожного хозяйства, а также прочими министерствами региона, оказывающими воздействие на систему автомобильного транспорта региона. Также включены в систему управления

губернатор как глава региона, законодательное собрание как законодательный орган.

Формирование моделей индикаторов стратегии требует рассмотрения существующих функций субъектов управления, направленных на достижение целевых показателей на макро- и мезоуровне. На основании данных официальных документов, регламентирующих деятельность субъектов, был получен перечень функциональных направлений (областей) субъектов управления (табл. 2).

Оценка существующего и требуемого уровня эффективности выполнения каждой функции человеческим ресурсом субъекта управления, достаточность указанного набора функций, а также оценка уровня его квалификации и мотивированности требует проведения экспертной оценки. Экспертами могут выступать представители научного мира, субъекта управления более высокого уровня системы, субъекта управления микроуровня и другие специалисты в сфере грузовых автотранспортных перевозок.

Таблица 2

**Функциональные направления субъектов управления
(разработано автором по данным источников [20–24])**

Элементы субъекта управления	Функции	Целевые показатели
Макроуровень		
Министерство транспорта	Выработка государственной политики, проектов федеральных законов, документов по стратегическому развитию отрасли и нормативно-правовых актов	Все показатели
	Обустройство государственной границы, создание, развитие и обеспечение деятельности в пунктах пропуска через государственную границу	Т
	Проведение организационно-правовых мероприятий по управлению движением на автомобильных дорогах	D1, D2
	Осуществление мер по защите и поддержке российских транспортных организаций на внешнем рынке	М
	Координация транспортной деятельности, включая вопросы развития и функционирования международных мультимодальных транспортных коридоров и узлов	M, K, T, V, Q
	Осуществление деятельности по строительству и ремонту дорожного полотна	V, Q, U, N, D1, D2, T
Министерство природных ресурсов и экологии	Выработка НПА по вопросам экологии	O, A, GT, S
Министерство экономического развития	Разработка мероприятий по поддержке малого и среднего бизнеса, саморегулирования профессиональной и предпринимательской деятельности, статистического учета, инвестиционной деятельности и государственных инвестиций, программ социально-экономического развития, осуществления приграничного и межрегионального сотрудничества	Все целевые показатели
Министерство финансов	Формирование налоговой и бюджетной политики	V, Q, Y
Министерство науки и высшего образования	Развитие системы образования	Все целевые показатели
Федеральное собрание	Осуществление законодательной деятельности, утверждение бюджета, утверждение программ и планов развития, утверждение размеров налогов и сборов и других платежей	Все целевые показатели
Президент	Обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, формирование основных направлений внутренней и внешней политики	Все целевые показатели

Окончание таблицы 2

Мезоуровень		
Министерство, отвечающее за работу транспорта и дорожного хозяйства	Осуществление контроля исполнения нормативно-правовых актов	G, R,O,S
	Осуществление транспортно-логистической деятельности	U, N, T
	Проведение мероприятий по БДД: система фотовидеофиксации, пропаганда БДД, система оказания экстренной медицинской помощи пострадавшим в ДТП, обучение детей правилам безопасности, устранение очагов аварийности на муниципальных и региональных дорогах	D1, D2
	Деятельность по строительству и ремонту дорожного полотна	V, Q, U, N, D1, D2, T
Министерство экологии	Осуществление контроля исполнения нормативно-правовых актов, подготовка предложений по изменению НПА по вопросам экологии	O,A,GT,S
Министерство экономики (финансов)	Формирование налоговой и бюджетной политики, анализ и разработка мероприятий по поддержке малого и среднего бизнеса, деятельность по планированию и расходованию областного бюджета	V, Q, Y
Министерство, отвечающее за НТР области	Разработка и реализация комплекса мероприятий по развитию научно-технического потенциала в области автомобилестроения, транспортно-логистической деятельности, строительства инфраструктуры	U, N, T, E, A
Министерство, отвечающее за образование	Развитие системы образования региона	Все целевые показатели
Законодательное собрание	Осуществление законодательной деятельности, утверждение бюджета, утверждение программ и планов развития, утверждение размеров налогов и сборов и других платежей	Все целевые показатели
Губернатор	Организация взаимодействия органов исполнительной власти с федеральными органами исполнительной власти, организациями местного самоуправления и др., определение стратегии развития, в т. ч. в сфере грузового автомобильного транспорта	Все целевые показатели

Заключение

Представленная выше модель формирования целевых индикаторов ТС РФ отражает механизм их достижения, включает оценочные показатели человеческого ресурса субъектов управления макро- и мезоуровней АТС, а также показатели эффективности реализации ими функций. Объективно, достижение ряда индикаторов, главным образом касающихся целей роста объема услуг (транспортной работы) и снижения негативного воздействия системы на окружающую среду, в большей мере зависит от внешних факторов: общего состояния экономики РФ, развития автомобилестроения и др. Поэтому в рамках данного исследования ставится задача максимизации эффективности деятельности субъектов управления, направленной на реализацию Транспортной стратегии РФ. Данный факт требует при превалирующем в процессе исследования кибернетическом подходе включать элементы сбалансированного подхода, отражающего необходимость исследования бифуркационного (циклического) способа развития систем. Рост эффективности системы управления возможен за счет роста показателей качества человеческого ресурса субъекта управления (что наглядно отражает представленная выше модель), а также за счет устранения неопределенности в процессе моделирования: увеличение информированности относи-

тельно происходящих процессов, касающихся рассматриваемых индикаторов.

Список литературы

1. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mintrans.ru/documents/de tail.php?ELEMENT_ID=13008 (дата обращения: 02.03.2018).
2. Гавриленко Н.Г., Бородулина С.А. Состав и структура автотранспортной системы Российской Федерации // Наука о человеке. 2020. № 1.
3. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
4. Бор М.З. Очерки по методологии и методике планирования. М.: Экономика, 1964. 279 с.
5. Расширенное социалистическое воспроизводство и баланс народного хозяйства / Под ред. Ш.Я. Турецкого. М.: Мысль, 1964. 373 с.
6. Эйдельман М.Р. Межотраслевой баланс общественного продукта: теория и практика его составления. М.: Статистика, 1966. 375 с.
7. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 03.07.2014. № 6418. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 08.09.2017).
8. Акофф И. Планирование в больших экономических системах / Пер. с англ. Г.Л. Рубальского. М.: Советское радио, 1972. 223 с.
9. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер, 1999. 415 с.
10. Steiner G.A. Strategic Planning: What every manager must know. NY: Free Press, 1979.

11. Егоров П.В., Лысенко Ю.Г., Овчеко Г.С., Тимохин В.Н. Экономическая кибернетика / Донецкий национальный университет. Донецк, 2003. 516 с.
12. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2000. 336 с
13. Портер Е.М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
14. Свиридова С.В. Формирование организационно-экономического механизма реализации стратегии инновационного развития предприятия // Организатор производства. 2016. № 1. С. 94–97.
15. Осеевский М.Э. Современная система государственного планирования Санкт-Петербурга – основа социально-экономического развития города // Стандарты и качество. 2009. № 11. С. 8–11.
16. Бережная О.В. Формирование стратегии развития региональной транспортной системы в социально-экономическом пространстве субъекта Федерации. М.: Изд-во «Миракль», 2013. 229 с.
17. Синельников А.А. Основы формирования многоэтапного процесса принятия стратегических решений // Нефть, газ и бизнес. 2014. № 2. С. 9–7.
18. Халтаева С.Р. К вопросу стратегического планирования инновационно ориентированного развития социально-экономической системы // Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление. 2014. Вып. 23. № 1. С. 274–281.
19. Клейнер Г.Б. Развитие теории экономических систем и ее применение в корпоративном и стратегическом управлении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kleiner.ru> (дата обращения: 02.03.2018).
20. Положение о Министерстве транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 395 (ред. от 16.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 11.11.2015 № 1219 (ред. от 26.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
22. Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 05.06.2008 № 437 (ред. от 09.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
23. Положение о Министерстве финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 329 (ред. от 18.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
24. Положение о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 17.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

MODELING OF MECHANISMS FOR FORMING INDICATORS OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE MOTOR TRANSPORT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

N.G. Gavrilenko

Omsk Humanitarian Academy

The article discusses the motor transport system of the Russian Federation and its development indicators, as reflected in the target innovative version of the Transport Strategy of the Russian Federation. The studies conducted by the author earlier indicate the difficulty in achieving the indicators set forth in the Transport Strategy; therefore, the goal of this work was to develop a mechanism to increase the efficiency of the motor transport system. Using the methods of analysis and synthesis, comparison and generalization, mathematical modeling, as well as the application of the cybernetic approach, allowed us to study the structure of the motor transport system and build a model for producing its development indicators. Results and conclusions: the motor transport system is considered as a three-level system where each level includes a subject and a control object. The cybernetic approach to the study of systems management processes used in this research involves focusing on the functioning of the control subject. The novel elements of the research are reflected in the proposed mathematical model of indicator achievement. The model of the mechanism for producing the indicators of the Russian Federation's Transport Strategy is constructed using a directed graph. It includes an assessment of the level of qualification and motivation of the human resource involved in the management of the motor transport system at different levels, as well as an assessment of the effectiveness of the human resource performing the key functions involved in the formation of development indicators. The proposed model facilitates managerial decision-making and contributes to eliminating inconsistencies in the process of achieving the target indicators by the motor transport system.

Keywords: motor transport system, control subject, cybernetic approach, development indicators.

УДК 657

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА И АНАЛИЗА ВОЗВРАТНЫХ ОТХОДОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ПРОИЗВОДСТВУ АВТОМОБИЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

© 2020 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 10.09.2019
Статья принята к публикации 07.02.2020*

Целью статьи является улучшение используемых методологических инструментов управлеченческого учета возвратных отходов предприятий по производству автомобильных компонентов. В задачи исследования входит формирование набора инструментов такой конфигурации, которая способствует системному отражению сведений о возникновении возвратных отходов, определению их соответствия. Автором использованы теоретические и эмпирические методы исследования, обобщения и сравнения данных, формализации (структурированного описания) характеристик объекта исследования (SWOT-анализ), эвристические подходы и графоаналитический метод, а также эмпирические методы наблюдения и описания предметной области. Результатом исследования явились предложенные положения регламента учета возвратных отходов, позволяющие улучшить результаты работы предприятий по производству автомобильных компонентов, повысить уровень точности учетных данных.

Ключевые слова: возвратные отходы, управлеченческий учет, автомобильные компоненты, директ-костинг, нормативный учет, «котловой» способ.

Введение

Структурирование эффективного экономического пространства предприятий по производству автомобильных компонентов (ПАК) требует существенного фокусирования усилий менеджмента на создании устойчивых условий, обеспечивающих рациональное использование производственных ресурсов. В [1] понятие «автокомпонент» определяется так: «автокомпонент – это специфический товар, для удовлетворения потребностей производственных, торговых, ремонтных предприятий (заводов-изготовителей, оптовых торговых компаний, станций сервисного обслуживания), физических лиц, объединяющий в себе все особенности продукции автомобильной отрасли, обладающий рядом логистических особенностей (транспортировка, хранение)». Для г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, где автомобилестроение занимает ведущее место в региональной экономике, производство автокомпонентов вполне обоснованно считается одним из важнейших направлений обрабатывающей промышленности.

Исследования, проведенные автором на ряде предприятий ПАК нижегородского промышленного кластера, показали, что наибольший удельный вес в стоимости производственных ресурсов составляют материальные ценности.

Особенностью изготовления автокомпонентов является наличие значительного объема отходов производства: их удельный вес в себестоимости материальных ценностей, в зависимости от вида продукции, места возникновения и используемой технологии, колеблется в диапазоне от 12 до 25%. В [2] сказано, что к отходам производства относят «остатки сырья, материалов, веществ, изделий, предметов, образовавшиеся в процессе производства продукции, выполнения работ (услуг) и утратившие полностью или частично исходные потребительские свойства».

Отходы производства принято разделять на 3 сегмента: используемые отходы, неиспользуемые отходы и потери [2]. В состав используемых отходов входят «возвратные отходы (ВО), которые используют повторно в производстве» [2]. Они образуются из остатков сырья, материалов, полуфабрикатов, теплоносителей и других видов материальных ресурсов, использованных в процессе производства, утративших полностью или частично потребительские качества исходного ресурса (химические или физические свойства) и, в силу этого, используемых с повышенными затратами (понижением выхода продукции) или не используемых по прямому назначению.

Следует отметить, что к ВО не относят остатки материально-производственных запасов, которые, в соответствии с установленной

технологией производства, передаются в другие подразделения в качестве полноценного сырья и материалов для выпуска других видов товаров (работ, услуг); попутную (сопряженную) продукцию, получаемую в соответствии с технологическим процессом в ходе производства (выполнения работ, оказания услуг). Номенклатура попутной продукции отражена, как правило, в отраслевых методических рекомендациях по планированию, учету затрат и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг).

На предприятиях ПАК, как и во многих отраслях, принято две модели применения ВО:

- передача в другие производственные подразделения по цене возможного использования;
- реализация на сторону (в том числе по текущим рыночным ценам).

Проведенные исследования показали негативную тенденцию при использовании первой из вышеперечисленных моделей, выраженную в передаче ВО подразделениям миняя склад. Процесс первичного документирования осуществляется на довольно низком уровне (например, при оформлении требований не указывается номенклатурный номер и (или) наименование исходного материала, в отдельных случаях единица измерения не соответствует исходному материалу или просто отсутствует, не «проставляется» цена и т.п.). Зачастую не ведется документирование каждого факта передачи, вместо этого производится «закрытие» документа – аналога лимитно-заборной карты в конце месяца или даже квартала. Оформление документов в конце календарного периода характерно (но не оправданно) также и при отсутствии в структуре предприятия складского хозяйства. Все эти факты не только приводят к существенному снижению важной технологической составляющей бухгалтерского учета – первичного учета, но и в целом отрицательно влияют на конечные результаты производственного менеджмента.

Исследования позволили выявить наличие существенных проблем складского учета ВО, «пересортицу», отсутствие инвентаризации, неприменение или некачественное применение измерительных приборов (весового оборудования), например складских весов с низкой точностью измерений. Учет ВО на складе нередко ведется по тем же номенклатурным номерам, что и исходного материала, что приводит к ошибкам в определении цены данной материальной позиции.

Проведенные исследования на предприятиях рассматриваемого отраслевого сегмента позволили выявить еще одну проблему: преобладание «котлового» способа учета и калькулирования себестоимости ВО. Много раз раскритикованый метод, показывающий чудеса «живучести» в бухгалтерской среде, концептуально несовместим с принципами управлеченческого учета и эффективного менеджмента в целом, прежде всего реализуемого в условиях ресурсосбережения [3, 4]. Применение «котлового» учета, не предполагающего детализации данных, привело к невозможности адаптации учетно-информационного пространства ВО к принятию эффективных управлеченческих решений, что заметно снижает качество производственного менеджмента в целом.

Другим негативным свойством системы учета ВО, общим для исследуемых предприятий, является полное или частичное отсутствие нормирования данного вида ресурсов. В тех случаях когда оно ведется, имеет место использование сводных (укрупненных, нередко – необоснованно, без проведения комплексного и всестороннего технико-экономического анализа условий потребления материалов) норм. Применяется не всегда экономически оправданный опытный метод на данных, определяемых в лабораторных условиях или непосредственно в условиях производства. Остается нерешенным вопрос учета ВО в разрезе продуктов производства, по местам возникновения и видам производственных процессов, локализованных начиная от рабочих мест и заканчивая структурными подразделениями в целом. Материалы исследования показали, что на многих предприятиях отсутствует локальный акт, регламентирующий управлеченческий учет ВО.

Рациональное использование ВО возможно путем построения транспарентного учетно-информационного пространства, в условиях которого становится возможным генерирование сведений о формировании, движении и потреблении рассматриваемого вида ресурсов. Это является основной **целью** проводимого исследования, излагаемого в данной статье. **Задачами исследования**, вытекающими из данной цели, являются структурирование эффективного метода управлеченческого учета ВО, способствующего их рациональному использованию, минимизации потерь, созданию условий для перманентного обновления и тщательного применения нормативной базы затрат, формированию информационной базы принятия управлеченческих решений.

Таблица 1

Результаты SWOT-анализа использования системы «директ-костинг» в управленческом учете ВО		
Среда	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренняя	Преимущества: низкая трудоемкость, повышение качества расчетов и внутреннего контроля	«Ослабляющие» свойства: дополнительные затраты на разработку и контроль исполнения норм
Внешняя	Дополнительные возможности: нормирование в разрезе исходных материалов и технологических процессов	Факторы, которые могут осложнить достижение стратегической цели: перманентная актуализация нормативной базы, мониторинг отклонений от норм, некоторое усложнение форм документов и повышение документационной нагрузки на бухгалтерскую службу и цеховой административно-управленческий персонал

Анализ существующей теоретико-методологической базы данной проблематики, проведенный автором статьи, показал, что, согласно общепринятым калькуляционным методам, сумма ВО сторнируется из статей калькуляции, отражающих в количественном выражении основные сырье и материалы, а также полуфабрикаты [5–11]. Этот факт подтверждает постулат о том, что рассматриваемый ресурс относится к классу прямых материальных затрат, что, в свою очередь, делает правомерным применение инструмента, методологически ориентированного на калькуляцию прямых расходов. По мнению многих авторов [12–18], таким инструментом является «директ-костинг», представляющий собой универсальный и многофункциональный инструмент внутрихозяйственного учета затрат на производство, предусматривающий полное исключение из калькуляции себестоимости статей косвенных расходов.

Применение директ-костинга в бухгалтерской практике должно быть предусмотрено учетной политикой для целей управленческого учета и отражаться во внутренней отчетности. Информационная потребность в использовании системы «директ-костинг» очевидна: для успешного ведения бизнеса необходимо иметь объективное представление о том, какие ресурсы непосредственно формируют потребительную стоимость продукта (прямые затраты), а какие лишь косвенно используются в этом процессе (косвенные затраты).

Существует подход, предполагающий, что наиболее эффективным способом применения системы «директ-костинг» является его сочетание с нормативным методом [19–25] на основе строгого документирования норм и фактического «выхода» ВО в разрезах исходных материалов, технологических процессов и производственных подразделений, оперативного выявления отклонений фактических ВО от их нормативного значения, выяснения причин возникновения отклонений, определения их «виновников». В этом случае предварительно, до возник-

новения отходов производства, рассчитывается норма ВОн по формуле:

$$\text{Вон} = \text{Нр} - \text{ПР} - \text{П} - \text{ППр}, \quad (1),$$

где Нр – норма расхода материала, ПР – полезный расход материала на продукт (деталь, полуфабрикат, готовое изделие), П – потери, ППр – побочный продукт.

В таблице 1 представлены результаты SWOT-анализа использования системы «директ-костинг» в управленческом учете ВО.

Запрос менеджмента на формирование набора инструментальных средств, позволяющих учитывать и контролировать движение ВО в условиях производственного процесса предприятий ПАК, ориентированного на рациональное использование и максимальное снижение потерь рассматриваемого ресурса, безусловно, подчеркивает важность проводимого исследования. Очевидна необходимость поиска решений, направленных на повышение продуктивности методологической базы управленческого учета ВО, обеспечивающих создание условий для позиционирования данного ресурса в качестве точки роста экономики предприятия, его адаптации к быстро меняющимся условиям хозяйствования и конъюнктуры рынка. Анализ теоретико-методологической базы исследуемой проблемы показал, что наиболее приемлемым вариантом управленческого учета ВО в этих целях является система «директ-костинг» в сочетании с нормативным методом. Особую роль в постановке задачи играет декомпозиция ВО в разрезе их групп и носителей (драйверов), что, безусловно, позволит повысить уровень аналитичности и контролируемости их состояния.

Теоретико-методологические подходы

В ходе проведенного исследования автором использованы теоретические методы обобщения и сравнения данных, эвристический подход, формализация (структурированное описание) объекта и предмета исследования, SWOT-анализ, граffоаналитический метод, а также эм-

Рис. Структура возвратных отходов предприятия по производству автомобильных компонентов

Таблица 2
Отчетная калькуляция возвратных отходов
по цеху за месяц год

Наименование структурных элементов (групп)	Сумма (тыс. руб.)
Стружка металлическая	180
Пластмассы	52
Автоэмали, грунты и лаки	59
Текстиль	17
Упаковочный картон	2
Итого	310

тические методы наблюдения и описания предметной области. Для формирования номенклатуры статей калькуляции ВО использован графоаналитический метод исследования их структуры (рис.), основанный на результатах регулярного мониторинга структуры ВО на предприятиях ПАК нижегородского промышленного кластера.

Согласно материалам проведенных автором исследований, представленная на рисунке структура имеет устойчивый во времени характер для всех предприятий ПАК нижегородского промышленного кластера. Поэтому предлагается в качестве статей затрат в условиях применения системы «директ-костинг» использовать наименования структурных элементов (групп) ВО (пример приведен в табл. 2).

Предлагается разработать и внедрить типовой регламент по нормированию, оперативному (операционному), аналитическому и управлению видам учета ВО, основанный на следующих положениях.

1. Нормирование ВО должно осуществляться заранее, до начала производственного процесса, в разрезе продуктов производства и технологических процессов; результатом этого должен быть информационный массив специфицированных норм на производство единицы продукции (работы) конкретных видов сырья и материалов в ассортименте, т.е. по типо-сорт-размерам, маркам, профилям, составу на предстоящий год.

2. В течение года в специфицированных нормах расхода следует оперативно отражать текущие изменения ВО, которые необходимо учитывать в нормах на производство единицы продукции (работы) при их пересмотре на планируемый год.

3. В качестве метода генерирования норм применять расчетно-аналитический метод, ориентированный на формирование специфицированных норм.

4. В течение установленного календарного периода производить мониторинг исполнения норм и актуализацию их состояния, вести управлениемский учет и анализ отклонений от них и вносимых изменений, их причины и «виновников».

5. Предусмотреть поступление ВО из производственных подразделений на склады предприятия и отпуск со складов в производство с обязательным документированием данных процессов (при отсутствии предусмотреть адаптированную к данным условиям схему документооборота).

6. Аналитический складской учет вести в карточках складского учета раздельно с исходными материалами; ежемесячно, ежеквартально, ежегодно и по запросам пользователей формировать отдельную ведомость движения ВО по местам их возникновения, видам (сортам, наименованиям), технологическим процессам и т.п.; согласно [26], «в ведомостях отражаются обороты и остатки по каждому номенклатурному номеру ... по количеству и сумме. Ведомости составляются в двух экземплярах – для бухгалтерской службы и склада (подразделения)».

7. Управленческий учет ВО вести методом «директ-костинг» на основании утвержденных номенклатуры статей калькулирования в сочетании с нормативным методом.

8. В учетной политике необходимо предусмотреть методику стоимостной оценки ВО на основании двух общепринятых моделей:

– по пониженной цене исходного материала (цене возможного использования);

– по цене реализации (если отходы продаются на сторону).

9. В рабочем плане счетов организации к счету 10 «Материалы» открыть субсчет «Отходы производства» для учета наличия и движения ВО.

Предлагается, в целях решения задачи повышения качества информационной базы принятия управлеченческих решений по рациональному использованию производственных ресурсов, вести раздельный учет ВО по группам, формируемым в зависимости от причин их возникновения:

– отступления от установленных технологических процессов и организации производства и снабжения (например, потери материала при транспортировании и хранении);

– отступления от предусмотренного сорта-мента, требований стандартов и технических условий;

– связанные с браком, испытанием образцов, ремонтом зданий и оборудования, изготовлением оснастки, инструмента, средств механизации и автоматизации, наладкой оборудования, упаковкой готовой продукции.

Для оценки эффективности использования ВО в рамках решения вышеуказанной задачи предлагается использовать коэффициенты эффективности ВО (ЭВО) и извлечения ВО (ИВО). Первый из них определяет уровень «выхода» готовой продукции (полуфабриката), изготовленных из ВО:

$$\text{ЭВО} = \Pi_n / \text{ВО}_f, \quad (2),$$

где Π_n – количество произведенного продукта (полуфабриката) из ВО; ВО_f – количество фактически израсходованных ВО на производство продукта n .

Коэффициент извлечения ВО из исходного сырья (материала) характеризует степень их наличия в соответствующем виде исходного сырья (материалов) и определяется отношением количества ВО из исходного сырья к их общему количеству:

$$\text{ИВО} = \text{ВО}_c / K_c, \quad (3),$$

где ВО_c – количество ВО, извлеченных из данного объема исходного материального ресурса c ; K_c – общее количество исходного материального ресурса c .

Внедрение системы управленческого учета и анализа ВО на предприятиях ПАК позволит в значительной степени сократить уровень непроизводительных затрат, повысить эффективность использования материальных ресурсов, сделать серьезный шаг в сторону системного ресурсосбережения, внедрения безотходных технологий, позволит найти новые точки роста.

Заключение

Проведенные исследования показали новые возможности производственного менеджмента, ориентированные на поиск точек роста предприятий ПАК и в целом машиностроения. Управление материальными потоками является одним из важных направлений производственного менеджмента. Ценным подспорьем в решении этой задачи является управленческий учет с его многообразием инструментов и имманентной многофункциональностью. В этой связи чрезвычайно важно направить его потенциал в сторону поиска точек роста бизнеса обрабатывающих предприятий, прежде всего составляющих региональной экономики. В число таких предприятий, как отмечалось выше, вхо-

дят заводы по производству автокомпонентов, составляющие основу нижегородского промышленного кластера.

Применение средств управленческого учета к решению комплекса проблем, связанных с формированием учетно-информационного пространства ВО, позволит в значительной степени повысить продуктивность использования данного вида материальных ресурсов. Улучшение внутренней логистики (внутризаводских перемещений и складирования), повышение качества документирования позволит упорядочить движение ВО на предприятии, установить должный контроль со стороны менеджмента. Решительный отказ от «котлового» метода, повсеместное и комплексное внедрение системы «директ-костинг» в сочетании с нормативным методом создаст необходимые условия для структурирования оптимального набора инструментальных средств, максимально адаптированного к особенностям учета ВО и оценки его стоимости на предприятиях ПАК.

Продуктивное применение средств калькуляционного учета возможно на основе предлагаемого автором обязательного нормирования ВО, что также способствует укреплению системы внутреннего контроля материальных ресурсов. На основе расчетно-аналитического метода становится возможным формирование специфицированных норм ВО, что, в свою очередь, позволит повысить уровень мониторинга их состояния.

Предлагаемый автором набор инструментальных средств позволит значительно улучшить методологию управленческого учета материальных затрат в целом. Совершенствование управленческого учета ВО создает устойчивые условия для эффективного применения данного ресурса в производстве, позволяет обосновать стратегию и тактику организации и комплекс специфических приемов, воздействуя на которые можно эффективно достичь целей стратегического управления предприятиями ПАК. Результаты исследований, представленных автором, полностью соответствуют поставленной цели и вытекающим из нее задачам, способствуют повышению эффективности управленческого учета, анализа и в целом корпоративного управления предприятий ПАК, являются ценным подспорьем дальнейших исследований в области улучшения работы бухгалтерской службы коммерческой организации.

Список литературы

1. Владимиров В.Н. Особенности деятельности предприятий по реализации автокомпонентов // Вопросы экономики и права. 2011. № 3. С. 271–274.

2. ГОСТ 30772-2001. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-30772-2001>.
3. Разумилов Р.Н. От ресурсосберегающих технологий к бережливому производству на машиностроительных предприятиях // Вестник ИрГУ. 2015. № 5. С. 267–270.
4. Балашова Е.С., Громова Е.А. Генезис и систематизация результатов внедрения бережливого производства в различных секторах российской экономики // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (26). С. 61–68.
5. Сорокина В.В., Шапарина С.В. Учет затрат и калькулирование себестоимости продукции в соответствии с РСБУ и МСФО на примере ОАО «АвтоВАЗ» // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 19. С. 134–146.
6. Харченко О.Н., Самусенко С.А. Методологические аспекты учета затрат и калькулирования себестоимости продукции при переходе на МСФО // Международный бухгалтерский учет. 2007. № 3 (99). С. 24–31.
7. Приказ Минсельхоза РФ от 14.12.2004 № 537 «Об утверждении Методических рекомендаций по учету затрат на производство и калькулированию себестоимости масложировой продукции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98331/ (дата обращения: 03.12.2017).
8. Методические рекомендации по вопросам планирования и учета затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) на предприятиях издательской деятельности (согласовано МПТР РФ 25.11.2002). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98759/33a675a36171635bc258e050437ed0fc1da5a546/ (дата обращения: 03.05.2018).
9. Приказ Мининформсвязи РФ от 21.03.2006 № 33 (ред. от 25.01.2007) «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению операторами связи раздельного учета доходов и расходов по осуществляемым видам деятельности, оказываемым услугам связи и используемым для оказания этих услуг частям сети электросвязи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61371 (дата обращения: 03.05.2018).
10. Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса (Извлечения) (утв. Минпромнаукой РФ 26.12.2002). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105793 (дата обращения: 03.12.2017).
11. Письмо Минфина РФ от 23.05.1994 № 66 «О Методических рекомендациях по составу и учету затрат, включаемых в себестоимость проектной и изыскательской продукции (работ, услуг) для строительства, и формированию финансовых результатов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4153/765e15c65b04370200eedb0701dd718178bb96/ (дата обращения: 03.05.2018).
12. Бехтерева Е.В. Себестоимость: рациональный и эффективный учёт расходов. 5-е изд., перераб. М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. 148 с.
13. Жарикова Л.А. Управленческий учет: Учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. 136 с.
14. Управленческий учет: официальная терминология СИМА. Словарь терминов / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 200 с.
15. Керимов В.Э., Сухов Р.Л. Учет затрат и калькулирование себестоимости услуг в туристических фирмах // Бухгалтерский вестник. 1999. № 11. С. 44–49.
16. Вахрушина М.А., Рассказова-Николаева С.А., Сидорова М.И. Управленческий учет-1. Учебное пособие по программе подготовки и аттестации профессиональных бухгалтеров. Базовый курс. М.: Издательский дом «БИНФА», 2011. 141 с.
17. Егорова Л.И. Бухгалтерский (управленческий) учет: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 111 с.
18. Карпова Т.П. Управленческий учет: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 351 с.
19. Ложкина С.Л. Формирование системы управленческого учета и отчетности для адаптации к международным стандартам финансовой отчетности на предприятиях швейной промышленности. Брянск: Ладомир, 2008. 123 с.
20. Николаева О.Е., Алексеева О.В. Стратегический управленческий учет. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 304 с.
21. Суйц В.П. Управленческий учет: Учебник. М.: Высш. образование, 2007. 370 с.
22. Управленческий учет: теория, практика и перспективы развития: Материалы XXXVI Междунар. науч.-практ. конф. «Татаровские чтения», 26–27 июня 2008 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова; Под ред. А.Д. Шеремета. М.: МАКС Пресс, 2008. 243 с.
23. Каверин М.М. и др. Управленческий учет: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по спец. «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / Под ред. Я.В. Соколова. М.: Магистр, 2010. 428 с.
24. Шеремет Д.А., Николаева О.Е., Полякова С.И. и др. Управленческий учет: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 428 с.
25. Юденков Ю.Н. Управленческий учет и внутренний контроль в коммерческом банке. М., 2008. 213 с.
26. Приказ Минфина России от 28.12.2001 № 119н (ред. от 24.10.2016) «Об утверждении Методических указаний по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.02.2002 № 3245).
27. Приказ Минтопэнерго РФ от 17.11.1998 № 371 (ред. от 12.10.1999) «Об утверждении Инструкции по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21779 (дата обращения: 03.05.2018).

**BASIC PROCEDURES FOR MANAGERIAL ACCOUNTING
AND ANALYSIS OF RECYCLABLE WASTE OF COMPANIES PRODUCING AUTOMOTIVE COMPONENTS**

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the article is to improve the methodological tools used for managerial accounting of recyclable waste of companies producing automotive components. One of the objectives of this study was to develop a set of tools having a configuration providing for the systematic reflection of information about the occurrence of return waste and determining the compliance of their quantitative parameters with the regulatory values. The author used the theoretical and empirical methods to study, summarize and compare the data, the methods of formalization (structured description) of the research object characteristics (SWOT-analysis), heuristic approaches and graph-analytical method, as well as empirical methods of observation and description of the subject area. As a result of the study, the author has proposed a number of provisions to the regulations concerning recyclable waste accounting with the aim to improve the results of the accounting work of companies producing automotive components, to ensure rational consumption of materials and to increase the level of accounting data accuracy.

Keywords: recyclable waste, managerial accounting, automotive components, direct costing, regulatory accounting, full cost method.

УДК 332.1 004.032.26

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

© 2020 г.

Ю.А. Кузнецов, В.И. Перова

Кузнецов Юрий Алексеевич, д.ф.-м.н., проф.; заведующий кафедрой математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kuznetsov_yua@iee.unn.ru

Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н., доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_v1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2019

Статья принята к публикации 19.02.2020

Исследована динамика показателей деятельности малого предпринимательства в регионах Российской Федерации с применением нейросетевого моделирования. Исследование обусловлено тем, что на устойчивое развитие и эффективность отечественной экономики существенное влияние оказывает гармонизация стратегий государства и бизнеса. Проведен кластерный анализ многомерных статистических данных при помощи самоорганизующихся карт Кохонена, реализованных в пакете ViscoverySOMine. Показано, что за 2010–2016 гг. регионы РФ разместились по 5 кластерам. Приведены состав кластеров и их характеристики. Исследование позволило определить особенности динамики показателей деятельности малого предпринимательства в регионах России. Результаты работы могут использоваться при определении путей повышения конкурентоспособности малых предприятий и формирования единого вектора в их развитии для получения максимально высоких социально-экономических результатов.

Ключевые слова: малое предпринимательство, регионы Российской Федерации, кластерный анализ, нейронные сети, самоорганизующиеся карты Кохонена, ViscoverySOMine.

Введение

В настоящее время считается, что малое предпринимательство относится к потенциально приоритетным факторам ускорения рыночных преобразований в экономике регионов Российской Федерации и является одной из основных движущих сил ее развития [1–8]. Малые предприятия имеют такие отличительные особенности, как мобильность, инновационный подход и гибкость, что позволяет им оперативно адаптироваться к изменениям потребительского спроса и осуществлять производство новой продукции. Малое предпринимательство – это деятельность, совершаемая субъектами рыночной экономики и являющаяся одним из ключевых секторов экономики. При этом оно оказывает влияние на темпы экономического роста и во многом характеризует состояние занятости населения регионов России [9; 10]. С экономической точки зрения практическая значимость этого сектора экономики приводит к необходимости разработки инструментов региональной политики, направленных на содействие развитию малого бизнеса [11–13]. Следует отметить, что среди малых предприятий максимальный процент в сфере их деятельности показывает оптовая и розничная торговля, а

минимальный – обрабатывающие производства и добыча полезных ископаемых. Распределение малых предприятий России по видам экономической деятельности в 2016 г. на основе данных Федеральной службы государственной статистики [14] приведено на рис. 1.

Рисунок 1 показывает, что развитие предпринимательской деятельности должно происходить во всех направлениях. Поэтому перед государством встает задача необходимости не только учета автономности предпринимательства, но и регулирования его деятельности. Оценивая весомость и роль малого бизнеса как одного из существенных резервов социально-экономического развития современной России, требуется поддержание в обеспечении предпринимательских инноваций по интенсификации его деятельности со стороны федеральных, и региональных, и муниципальных органов власти [2; 3].

В связи с этим представляет несомненный интерес анализ динамики развития малого предпринимательства в регионах Российской Федерации и дифференциации регионов по степени развития малого бизнеса, что отражает узловые моменты изменения экономической среды.

В настоящей работе исследована динамика деятельности малого предпринимательства в регионах РФ в контексте взаимодействия и

Таблица 1
Динамика количества регионов в кластерах в 2010–2016 гг.

Кластер \ Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	58	68	47	40	54	31	41
2	20	11	22	33	22	38	33
3	2	2	12	8	5	14	9
4	2	1	1	1	2	1	1
5	1	1	1	1	2	1	1

стратегического развития государства и бизнеса [15–19]. При этом использованы терминология и понятия официальной методологии определений, описанной Федеральной службой государственной статистики [14].

Для проведения исследований в качестве базы выбраны показатели по регионам России за 2010–2016 гг., которые размещены на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики [14]. Анализ проведен с использованием новых перспективных информационных технологий – методов нейросетевого моделирования [20–22]. Нейронные сети относятся к важнейшему направлению искусственного интеллекта, а нейросетевые методы – к интеллектуальному анализу многомерных статистических данных (DataMining) [23].

Для исследований в работе выбран особый тип нейронных сетей – самоорганизующиеся карты (СОК) Кохонена, воспроизведенные в программном пакете ViscoverySOMine. СОК Кохонена имеют отличительную особенность среди других типов нейронных сетей, поскольку они спроектированы для неуправляемого обучения. Алгоритм их работы – это один из вариантов кластеризации данных [24; 25]. Он учитывает проецирование многомерных векторов в двумерное пространство при сохранении топологического подобия.

Анализ СОК позволил продемонстрировать динамику деятельности малого предпринимательства в регионах Российской Федерации и выявить дифференциацию регионов по показателям его развития. Это является важным как с позиции констатации фактического развития малого предпринимательства, так и с позиции планирования и прогнозирования развития малого бизнеса в регионах России.

Нейросетевой анализ результатов деятельности малого предпринимательства в регионах Российской Федерации

В настоящей работе с помощью нейросетевого моделирования проанализирована деятельность малого предпринимательства в реги-

онах Российской Федерации за 2010–2016 гг. на основе данных Федеральной службы государственной статистики [14]: X1 – число малых предприятий (тыс. ед.); X2 – оборот малых предприятий (млрд руб.); X3 – инвестиции в основной капитал малых предприятий (млн руб.); X4 – сальнированный финансовый результат деятельности малых предприятий (млн руб.); X5 – объем субсидий, выделенный из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам субъектов Российской Федерации (млн руб.).

С учетом инфляции [26] используемые показатели были сведены нами к ценам 2016 г. С помощью компьютерной программы ViscoverySOMine, в которой воплощены самоорганизующиеся карты Кохонена, выполнена кластеризация 83 субъектов РФ в 2010–2013 гг. и 85 субъектов в 2014–2016 гг. Следует отметить важную особенность кластерного анализа, которая заключается в том, что он позволяет провести разбиение регионов на группы (кластеры) с учетом всех показателей одновременно.

Динамика числа регионов России в кластерах за период 2010–2016 гг. показана в табл. 1.

Из табл. 1 видно, в рассматриваемом периоде наибольшее количество регионов отмечено в кластерах № 1 и № 2, а наименьшее – в кластерах № 4 и № 5.

Динамика распределения регионов России по кластерам за исследуемый период отражена в табл. 2.

При этом на протяжении 2010–2016 гг. некоторые регионы Российской Федерации, не прерываясь, были в одном и том же кластере. В кластерах № 1 и № 3 образовались ядра с однородным составом. В ядро кластера № 1 входят регионы: Калининградская, Ленинградская, Саратовская области и Хабаровский край. К ядру кластера № 1 тяготеют 17 регионов: Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Калужская, Кировская, Липецкая, Оренбургская, Томская, Тульская области, Республика Крым, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Ставропольский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. В ядро кластера № 3 вошла Московская область.

Таблица 2
Динамика вхождения регионов Российской Федерации в кластеры за 2010–2016 гг.

Регионы РФ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	1	1	2	1	2	1	1
Брянская область	1	1	2	1	1	1	1
Владимирская область	1	1	2	1	1	1	1
Воронежская область	2	2	3	1	2	3	3
Ивановская область	2	1	2	1	1	1	1
Калужская область	1	1	1	2	1	1	1
Костромская область	1	1	1	2	1	2	2
Курская область	1	1	1	2	1	2	2
Липецкая область	1	1	1	1	2	1	1
Московская область	3	3	3	3	3	3	3
Орловская область	1	1	1	1	1	2	2
Рязанская область	1	1	2	1	1	2	2
Смоленская область	2	1	2	1	2	1	1
Тамбовская область	2	2	1	2	2	1	1
Тверская область	1	1	1	2	1	2	2
Тульская область	1	1	1	1	2	1	1
Ярославская область	1	1	2	1	1	2	1
г. Москва	5	4	5	5	5	5	5
Республика Карелия	1	1	1	2	1	2	2
Республика Коми	1	1	1	2	1	2	2
Ненецкий автономный округ	1	1	1	2	1	2	2
Архангельская область	1	1	2	1	1	2	2
Вологодская область	1	1	1	2	1	1	1
Калининградская область	1	1	1	1	1	1	1
Ленинградская область	1	1	1	1	1	1	1
Мурманская область	1	1	1	2	1	2	2
Новгородская область	1	1	1	2	1	2	2
Псковская область	1	1	1	2	1	2	2
г. Санкт-Петербург	3	3	4	4	5	4	4
Республика Адыгея	1	1	1	2	1	2	1
Республика Калмыкия	1	1	1	2	1	2	2
Республика Крым	-	-	-	-	1	2	1
Краснодарский край	4	5	3	3	3	3	3
Астраханская область	1	1	1	2	1	2	2
Волгоградская область	2	1	1	1	1	1	1
Ростовская область	2	2	3	3	3	3	3
г. Севастополь	-	-	-	-	1	2	2
Республика Дагестан	1	1	2	1	2	1	1
Республика Ингушетия	1	1	1	2	1	2	2
Кабардино-Балкарская республика	1	1	1	2	1	2	2
Карачаево-Черкесская Республика	1	1	1	2	1	2	2
Республика Северная Осетия – Алания	1	1	1	2	1	2	2
Чеченская Республика	1	1	2	1	1	1	1
Ставропольский край	1	1	2	1	1	1	1
Республика Башкортостан	2	2	3	3	4	3	3
Республика Марий Эл	1	1	1	2	1	2	2
Республика Мордовия	1	1	1	1	1	2	1
Республика Татарстан	2	2	3	3	4	3	3
Удмуртская Республика	1	1	2	1	1	1	1
Чувашская Республика	1	1	2	1	1	1	1
Пермский край	2	1	2	1	2	3	1
Кировская область	1	1	1	1	2	1	1
Нижегородская область	4	2	3	3	2	3	3
Оренбургская область	1	1	1	2	1	1	1
Пензенская область	2	1	2	1	2	3	1
Самарская область	2	2	2	1	2	3	1
Саратовская область	1	1	1	1	1	1	1
Ульяновская область	2	1	1	1	2	1	1

Окончание таблицы 2

Курганская область	1	1	1	2	1	2	2
Свердловская область	2	2	3	3	3	3	3
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1	1	1	1	2	1	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	1	1	1	2	1	2	2
Тюменская область	2	1	2	1	2	1	1
Челябинская область	1	1	1	1	2	3	1
Республика Алтай	1	1	1	2	1	2	2
Республика Бурятия	1	1	2	1	1	2	2
Республика Тыва	1	1	1	2	1	2	2
Республика Хакасия	1	1	1	2	1	2	2
Алтайский край	2	1	3	1	2	1	1
Забайкальский край	1	1	1	1	1	2	2
Красноярский край	2	2	3	1	2	3	1
Иркутская область	1	1	2	1	2	1	1
Кемеровская область	2	2	3	1	2	1	1
Новосибирская область	2	2	3	3	3	3	3
Омская область	2	1	2	1	2	1	1
Томская область	2	1	1	1	1	1	1
Республика Саха (Якутия)	1	1	2	1	1	2	1
Камчатский край	1	1	1	2	1	2	2
Приморский край	1	1	2	1	2	1	1
Хабаровский край	1	1	1	1	1	1	1
Амурская область	1	1	1	2	1	2	2
Магаданская область	1	1	1	2	1	2	2
Сахалинская область	1	1	1	2	1	2	2
Еврейская автономная область	1	1	1	2	1	2	2
Чукотский автономный округ	1	1	1	2	1	2	2

Таблица 3 иллюстрирует статистику средних значений показателей, характеризующих деятельность малого бизнеса в регионах Российской Федерации по кластерам, и общих средних по России значений показателей за 2010–2016 гг.

При анализе табл. 3 выяснилась следующая динамика средних значений показателей деятельности малого предпринимательства в Российской Федерации за 2010–2016 гг. По количеству малых предприятий (Х1) наблюдается их увеличение по 2013 г., затем в 2014 г. произошел небольшой спад данного показателя, а далее в 2015 и 2016 гг. отмечается тенденция их роста. Оборот малых предприятий (Х2) уменьшался до 2015 г., в 2015 г. произошло его возрастание, а затем в 2016 г. наблюдается опять его снижение. Инвестиции в основной капитал малых предприятий (Х3) увеличивались до 2015 г., в 2015 г. произошел резкий спад этого показателя практически в два раза, далее в 2016 г. наблюдается снова существенный рост инвестиций. Сальтированный финансовый результат деятельности малых предприятий (Х4) демонстрирует рост значений до 2014 г., в 2014 г. произошло снижение данного показателя, а в 2015 и 2016 г. отмечается тенденция его увели-

чения. Объем субсидий, выделенный из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам субъектов Российской Федерации (Х5), снижался до 2012 г., затем он резко вырос в 2012 г., а в 2013 г. снова началось его снижение до конца рассматриваемого периода.

Рисунки 2 – 6 показывают эволюцию во времени средних значений показателей деятельности малого бизнеса в регионах России по кластерам и соответствующих общих средних по РФ показателей за 2010–2016 гг.

На рис. 2 приведена динамика количества малых предприятий по кластерам за 2010–2016 гг.

Из рис. 2 видно, что в регионах кластера № 1 количество малых предприятий в исследуемом периоде находилось на уровне, не превышающем их средние значения по России. В регионах, составивших кластер № 2, данный показатель был выше его общего среднего по РФ значения лишь в 2010, 2011 и 2014 г., а в 2016 г. он снизился более чем в 4 раза по сравнению с общероссийским показателем. В регионах, вошедших в кластеры № 3 – № 5, в исследуемом периоде показатель числа малых предприятий был выше средних значений по РФ.

Таблица 3

**Статистика средних значений показателей
динамики деятельности малых предприятий в регионах России по кластерам
и общих средних по России показателей за 2010–2016 гг.**

Год	Номер кластера	Среднее значение				
		X1	X2	X3	X4	X5
2010	1	10378	173.4	2360	4040	78.9
	2	28111	494.0	14919	13697	133.7
	3	93720	2121.0	19993	71597	474.6
	4	45402	839.0	56830	20029	213.0
	5	201840	6919.0	12772	236152	667.5
	Среднее значение показателя по РФ	19810	395.0	7249	11177	111.9
2011	1	12476	196.2	4468	4343	65.6
	2	41212	725.0	23901	14865	145.6
	3	118041	2078.0	20466	59621	443.4
	4	243978	9469.0	20021	157114	468.8
	5	54654	1160.0	61383	21929	218.2
	Среднее значение показателя по РФ	22126	435.0	8302	9122	92.0
2012	1	10878	157.0	4925	4377	183.4
	2	21860	328.6	6424	9016	499.0
	3	49232	924.0	30976	25722	766.0
	4	211296	2154.0	4966	97998	391.3
	5	241282	7459.0	35817	619248	2124.0
	Среднее значение показателя по РФ	24525	425.0	9461	17229	377.1
2013	1	22700	330.8	10279	18909	383.3
	2	7161	102.3	3426	6197	112.5
	3	58015	1157.0	30968	54139	969.0
	4	212715	2045.0	9618	164181	184.9
	5	241973	7072.0	30044	470551	988.2
	Среднее значение показателя по РФ	24857	421.0	9779	24442	337.0
2014	1	11051	148.2	4450	7365	190.9
	2	27283	446.0	17653	19156	327.3
	3	70646	1237.0	33486	76449	672.0
	4	45199	903.1	29038	33654	2043
	5	231581	4591.0	13291	168283	362.6
	Среднее значение показателя по РФ	24750	412.0	10362	18885	302.0
2015	1	21196	405.3	6458	15616	281.1
	2	7913	132.2	1263	5369	105.5
	3	57412	1247.0	16370	44093	581
	4	165603	5993.0	3717	164435	143.7
	5	295153	11467.0	5904	305590	1045.0
	Среднее значение показателя по РФ	26144	618.0	5729	20888	259.4
2016	1	26456	335.2	9300	19547	141.2
	2	7990	88.1	1780	6525	44.2
	3	74599	984.0	29917	42114	341.4
	4	234387	3318.0	9169	262844	96.4
	5	516402	10054.0	83154	690986	705.3
	Среднее значение показателя по РФ	32595	457.0	9431	27643	131.0

Рисунок 3 демонстрирует изменение показателя оборота малых предприятий по кластерам и общих средних по России показателей за 2010–2016 гг.

Из графиков на рис. 3 следует, что в регионах кластера № 1 за рассматриваемый период средние значения оборота малого бизнеса были

ниже среднего показателя по стране. Оборот малых предприятий в регионах, распределенных в кластер № 2, превышал средний уровень по России только в 2010, 2011 и 2014 г. В регионах кластеров № 3 – № 5 этот показатель был выше средних по РФ значений за весь исследуемый период.

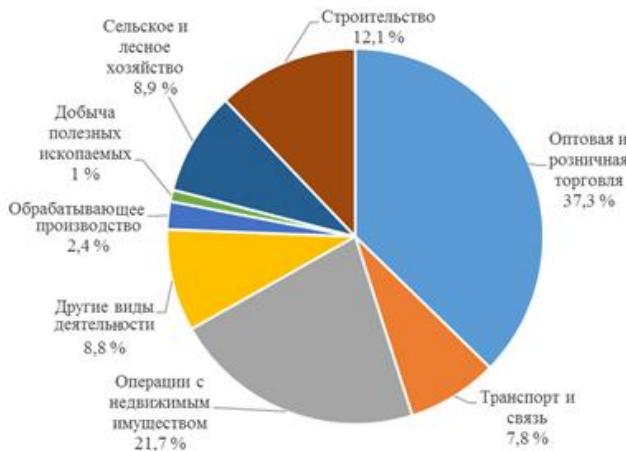

Рис. 1. Количество малых предприятий в РФ по видам экономической деятельности в 2016 г.

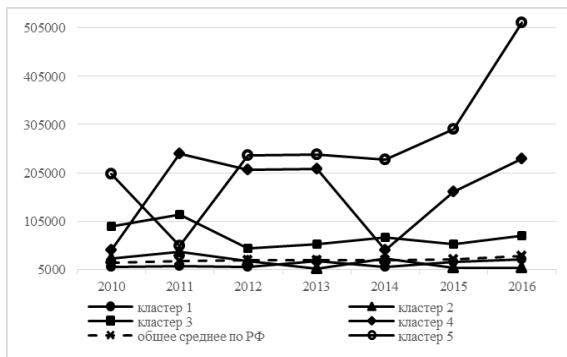

Рис. 2. Динамика числа малых предприятий по кластерам и общих средних значений по РФ за 2010–2016 гг. (тыс. ед.)

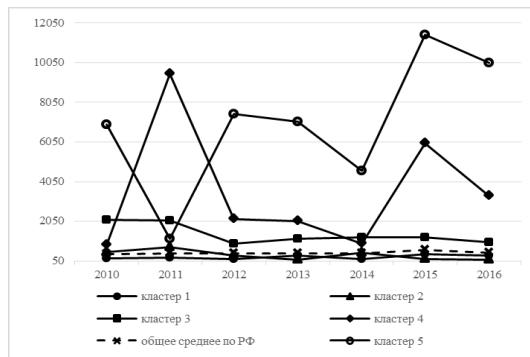

Рис. 3. Динамика оборота малых предприятий по кластерам и по РФ за 2010–2016 гг. (млрд руб.)

Рисунок 4 отображает динамику инвестиций в основной капитал малых предприятий по кластерам и в целом по Российской Федерации.

Рисунок 4 показывает, что с 2010 г. до 2013 г. инвестиции в основной капитал малых предприятий в регионах кластера № 1 были ниже средних значений по России. Далее в 2013 г. значения показателя превысили уровень среднего значения по стране, затем наблюдается тенденция его снижения. В 2016 г. этот показатель практически достиг уровня средних по РФ значений. В регионах кластеров № 2 и № 4 значения данного показателя были ниже средних значений по стране в 2012 и 2013 г., затем наблюдается его увеличение в 2014 г., а в последующие годы отмечается снижение. Инвестиции в основной капитал малых предприятий, вошедших в кластеры № 3 и № 5, на протяжении всего рассматриваемого периода были выше средних значений по Российской Федерации.

Динамика сальдинированного финансового результата деятельности малых предприятий за 2010–2016 гг. изображена на рис. 5.

Из рис. 5 следует, в регионах кластера № 1 сальдинированный финансовый результат деятельности малого предпринимательства демонстрирует в рассматриваемом периоде неравномерную динамику, оставаясь ниже общих средних значений показателей по России. В регионах кластера № 2 также имеет место неравномерная динамика данного показателя, при этом его значения тоже ниже средних значений по России за исключением 2010 г., 2011 г. и 2014 г. В регионах кластеров № 3–№ 5 в 2010–2016 гг. сальдинированный финансовый результат деятельности малого бизнеса превышал средние значения по Российской Федерации.

Динамика объема субсидий, выделенных из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам субъектов РФ, за 2010–2016 гг. приведена на рис. 6.

Из графиков на рис. 6 видно, что в регионах кластера № 1 показатель объема субсидий, выделенных из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства

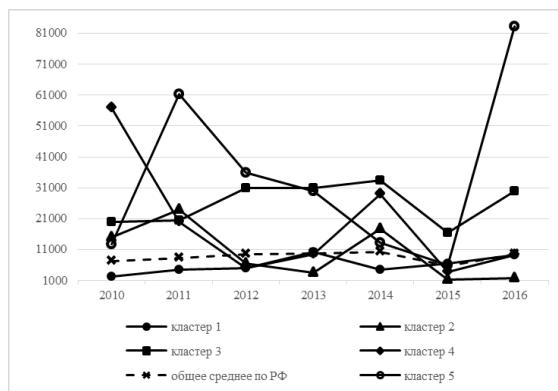

Рис. 4. Динамика инвестиций в основной капитал малых предприятий по кластерам и по РФ за 2010–2016 гг. (млн руб.)

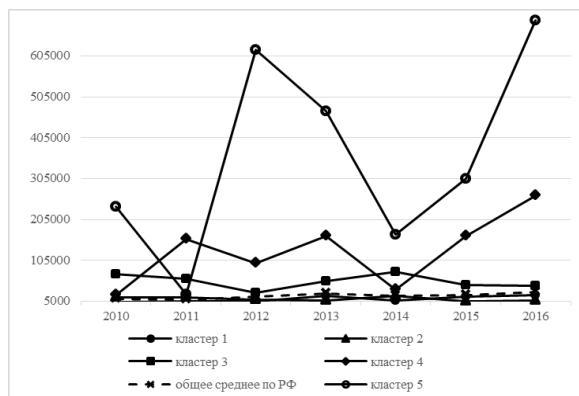

Рис. 5. Динамика сальдинированного финансового результата деятельности малых предприятий по кластерам и по РФ за 2010–2016 гг. (млн руб.)

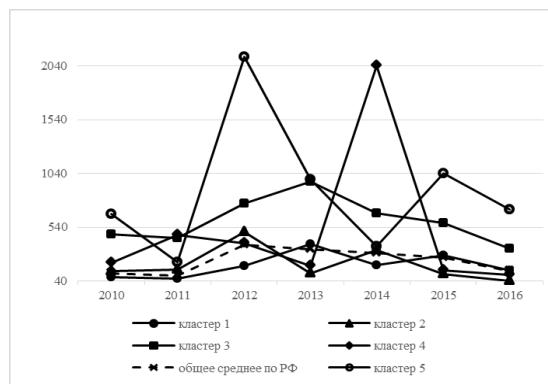

Рис. 6. Динамика объема субсидий, выделенных из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам субъектов РФ, по кластерам и по РФ за 2010–2016 гг. (млн руб.)

матерельства бюджетам субъектов РФ, превышает общие средние значения данного показателя по России в 2013, 2015 и 2016 г. В регионах, разместившихся в кластерах № 2 и № 4, этот показатель демонстрирует неравномерный характер эволюции, превысив средние значения по стране в 2010–2012 гг. и 2014 г. В регионах кластеров № 3 и № 5 в исследуемом периоде показатель объема субсидий, выделенных из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам РФ, был выше средних значений по Российской Федерации.

Заключение

На современном этапе социально-экономического развития малое предпринимательство играет существенную роль в развитии экономики регионов и Российской Федерации в целом, а также в решении социальных задач общества. Малый бизнес способствует насыщению рынка товарами и услугами, предоставляет новые рабочие места, что влечет повышение благосостояния населения. Малые предприятия приносят весомые доходы в бюджеты в результате

уплаты налогов. Они формируют позитивные условия для нормальной конкуренции на рынке. Для успешного и устойчивого развития отечественной экономики в контексте гармонизации стратегий государства и бизнеса необходимо взаимодействие государства и регионов, государства и бизнеса, крупного и малого бизнеса. При этом имеет большое значение исследование динамики деятельности регионов РФ в сфере малого предпринимательства, проведенное в настоящей работе.

При анализе динамики социально-экономических показателей деятельности малого бизнеса в субъектах РФ за период 2010 – 2016 гг. применен метод нейросетевого моделирования с использованием самоорганизующихся карт Кохонена, материализованных в программном пакете ViscoverySOMine. Исследования позволили определить значительные различия в численности регионов в кластерах, оценить состояние сектора малого предпринимательства в регионах РФ и выявить регионы с высоким и низким уровнем его развития.

Представленный метод анализа данных с применением нейронных сетей и полученные

результаты констатируют достаточную выраженность неравномерности в развитии малого бизнеса в регионах Российской Федерации. Учитывая принадлежность регионов России к федеральным округам, состав кластеров является дифференцированным. В рассматриваемом периоде самыми крупными кластерами являются кластеры № 1 и № 2. Среди лидеров по инвестициям в основной капитал малых предприятий и по объему субсидий, выделенных из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам субъектов РФ, следует отметить регионы, распределевшиеся в разные годы рассматриваемого периода в кластеры № 3 и № 5 (г. Москва, Московская, Новосибирская, Ростовская, Свердловская, Нижегородская области, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан).

Динамика развития малого бизнеса в регионах России имеет положительную тенденцию. Однако существуют проблемы, которые сдерживают развитие малого предпринимательства в регионах. К таким проблемам можно отнести, например, недостаточную квалификацию кадров, низкую предпринимательскую активность, слаборазвитую структуру малого бизнеса в некоторых регионах, недостаточность инвестиций в основной капитал малых предприятий и др.

Для улучшения социально-экономического состояния регионов РФ и прорывного развития в них малого предпринимательства, а также для повышения доли малого бизнеса в ВВП страны необходим комплекс мер, направленных на поддержку и развитие малого бизнеса в регионах страны. В настоящее время реализуются различные федеральные и региональные программы государственной поддержки для малых предприятий, ориентированные на создание оптимальных условий для их функционирования и привлечения инвестиций. Сектор малого бизнеса развивается активнее в тех регионах, которые практикуют льготные условия кредитования малого предпринимательства, создают бизнес-инкубаторы и технопарки, проводят обучение начинающих предпринимателей. Это приводит к росту числа малых предприятий и увеличению рабочих мест.

С точки зрения перспектив дальнейшего развития малого предпринимательства в Российской Федерации, повышения его конкурентоспособности и в контексте гармонизации стратегий государства и бизнеса значимыми являются: а) повышение доли малого бизнеса в ВВП страны, активизация внутренних факторов экономики; б) регулирование деятельности и развития малого бизнеса путем совершенство-

вания нормативно-правового законодательства; в) рост объема государственной финансовой поддержки; г) аннулирование административных барьеров, снижение налоговых ставок; д) урегулирование существующих проблем с помощью эффективного сотрудничества предпринимателей с местными органами власти; е)обретение долгосрочных кредитных средств для развития бизнеса, снижение процентных ставок; ж) оптимизация программы содействия малому бизнесу в сфере государственных закупок; з) создание малых инновационных предприятий и стимулирование их эффективной деятельности; и) совершенствование институциональной среды как фактора развития социально ответственного предпринимательства.

Проведенные исследования позволили проанализировать состояние сектора малого бизнеса в регионах РФ и показали необходимость интенсификации вклада малого предпринимательства в модернизацию с учетом передовых технологий и устойчивое развитие экономики Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 15.10.2019).
2. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 15.10.2019).
3. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/ (дата обращения: 15.10.2019).
4. Рубе В.А. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России: Учебное пособие для вузов. Серия: Учебники экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИНФРА-М, 2004. 78 с.
5. Боркова Е.А. Институциональные аспекты организации малого бизнеса в России: Учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. 110 с.
6. Никонец О.Е., Печурко Е.В., Филькина Е.А. Малое предпринимательство: понятие и место в экономике страны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970345.htm> (дата обращения: 15.10.2019).

7. Ореховский П., Широнин В. Малое и среднее предпринимательство в России // Общество и экономика. 2005. № 12. С. 49–85.
8. Шарыгин М.Д., Кротов И.И. Основные факторы территориальной организации малого предпринимательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Экономические и юридические науки. 2014. № 9. С. 155–168.
9. Вилисов В.Я., Вилисова А.В. Инфраструктура инноваций и малые предприятия: состояние, оценки, моделирование. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 137–153.
10. Саломатина М.Н. Современное состояние сектора малого и среднего предпринимательства в России // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 8. С. 1177–1192.
11. Зекин В.Н. Организация малого инновационного бизнеса в России (Система подготовки технических специалистов для малых инновационных предприятий в хозяйственных обществах вузов). Пермь: Изд-во ФГБОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2012. 128 с.
12. Шарыгин М.Д., Кротов И.И. Малое предпринимательство и региональная власть: проблемы отношений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/121-18006> (дата обращения: 15.10.2019).
13. Гранатова Ю.В., Косвинцев Н.Н. Малые инновационные предприятия ПГНИУ: от знаний к бизнесу // Инновации. 2014. № 2. С. 204–211.
14. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.10.2019).
15. Вилков И.Н. Гармонизация стратегий государства и бизнеса как инструмент устойчивого развития // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 23. С. 89–96.
16. Маньков В.С. Институциональные аспекты в государственном регулировании малого бизнеса // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2004. № 2. С. 20–44.
17. Головина А.С. Стратегическое управление деловой активностью субъектов малого и среднего предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 18 (240). С. 20–33. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/29801/> (дата обращения: 15.10.2019).
18. Бухвалльд Е.М., Валентик О.Н. Стратегическое планирование и законодательство о развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 1. С. 16–28.
19. Шишкун В.В., Маленков Ю.А., Кудрявцева Г.В., Шишкун В.И. Государственное стратегическое управление инновационно-антирецессионным развитием предпринимательства в условиях глобализации и регионализации // Креативная экономика. 2014. № 9 (93). С. 91–101. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/34073/> (дата обращения: 15.10.2019).
20. Дебок Г., Кохонен Т. Анализ финансовых данных с помощью самоорганизующихся карт: Пер. с англ. М.: Альпина, 2001. 317 с.
21. Перова В.И. Нейронные сети в экономических приложениях. Часть 2. Нейронные сети, обучаемые без учителя: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. 135 с.
22. Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Умилина А.Ю. Нейросетевое моделирование динамики применения ИКТ в предпринимательском секторе экономики Российской Федерации // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: Материалы Международной научно-практической конференции / Нижегородский гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород, 2018. С. 123–127.
23. Дюк В.А., Самойленко А.П. DataMining: Учебный курс. СПб.: Питер, 2001. 368 с.
24. Балабанов А.С., Стронгина Н.Р. Анализ данных в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 135 с.
25. Кузнецов Ю.А., Перова В.И. Кластерный анализ в экономических приложениях с применением ППП «STATISTICA». Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2009. 88 с.
26. <http://planetacalc.ru/250/> (дата обращения: 15.10.2019).

DYNAMICS OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF HARMONIZATION OF STATE AND BUSINESS STRATEGIES

Yu.A. Kuznetsov, V.I. Perova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this paper, by applying neural network modeling, we study the dynamics of activity indicators of small business in the Russian Federation regions. The relevance of this research is due to the fact that the harmonization of state and business strategies has a significant impact on the sustainable development and efficiency of the domestic economy. The cluster analysis of multidimensional statistical data using self-organizing Kohonen maps implemented in the package ViscoverySOMine shows that in 2010–2016 the regions of the Russian Federation were distributed in 5 clusters. The composition of clusters and their characteristics are presented. The study allowed us to determine the features of the dynamics of small business indicators in the regions of Russia. The results of the work can be used to determine the ways for improving the competitiveness of small enterprises and to form a single vector in their development for obtaining the highest socio-economic results.

Keywords: small business, regions of the Russian Federation, cluster analysis, neural networks, Kohonen self-organizing maps, ViscoverySOMine.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ВИТОСТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСА И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЕГО ЖИЗНИ

© 2020 г.

Г.Г. Силласте

Силласте Галина Георгиевна, д.филос.н., проф.;
научный руководитель Департамента социологии, истории и философии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва

*Статья поступила в редакцию 25.11.2019
Статья принята к публикации 03.02.2020*

Вводится и обосновывается новая социологическая категория *витостратификация* как вид социальной стратификации. Сущность категории раскрывается на конкретном исследовательском объекте – нетрудоспособном населении столичного мегаполиса. Анализируются социальная сущность данного объекта, критерии социального конструирования витостратификации, социальный потенциал витострат в ракурсе социологического портрета нетрудоспособного населения мегаполиса;дается характеристика столичного мегаполиса как мегасоциума высокой продолжительности жизни и занятости населения в целом и витострат в частности; анализируются детерминанты продолжительности жизни столичного мегаполиса.

Ключевые слова: витостратификация, нетрудоспособное население, витостраты, социальный потенциал, продолжительность жизни, люди с ограниченными возможностями, мегаполис, детерминанты.

В порядке преамбулы: социальная динамика времени и вечная проблема

Эпоха глобализации, цифровизации, перехода к ультрасовременному VI укладу развития экономики и производительных сил не только не уменьшает, не гасит силу социального звучания проблемы продолжительности жизни, а напротив – усиливает и усложняет ее. Оставаясь одной из самых сложных проблем человечества, продолжительность жизни давно вышла из орбиты фокусного внимания только демографов и медиков. Она захватывает все новые и новые исследовательские сегменты научного познания, расширяя теоретико-методологические подходы, объекты исследования при неизменности его предмета – продолжительности жизни. Он стал ключевым в нашем совместном с московским правительством социологическом проекте «Детерминантные факторы продолжительности жизни нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях рыночной экономики»¹, на основе результатов которого представим заявленную проблему в формате нескольких социологических сюжетов.

Сюжет 1. О социальном конструировании витостратификации

Исследование ставило ряд, прежде всего, оперативно-прикладных задач, в ходе реализа-

ции которых вскрылись некоторые теоретические лакуны, что потребовало поиска собственных теоретико-методологических решений. Одним из таких решений стала разработка (пока в первом приближении) нового вида стратификации, а именно витостратификации и категории «нетрудоспособное население мегаполиса».

Введение соответствующих терминологических определений требует теоретико-методологических разъяснений. Исходя из того теоретического факта, что страта – это общественный слой или группа людей, объединенных каким-либо социальным признаком (среди которых такие общепризнанные признаки, как имущественный, профессиональный, должностной) [1], в основу *витостратификации* в качестве стратифицирующего показателя положено не наличие имущества, должности или дохода, а состояние здоровья населения с соответствующими индикаторами (*indicator* от позднелатинского – *указатель*) жизне- и трудоспособности.

Эти показатели обладают сильным дифференцирующим воздействием и стратификационными свойствами, так как здоровье отражает изменения параметров жизнеспособности личности, поддерживающей ее трудоспособность и активный образ жизни.

Основа и сущность витостратификации как вида социальной стратификации состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличия социальных ценностей, власти и влияния среди членов сообщества.

Стратификация населения по уровню здоровья (показателю жизнеопределяющему) позволяет углубить социологический анализ страты нетрудоспособного населения, необходимый для социального конструирования витостратификации. Какого рода индикаторы для этого использованы?

1. *Демографический* – возраст выхода на пенсию. Этот показатель правового и социологического характера отражает установленную законом возрастную черту длительности выработанной человеком трудоспособности, оплачиваемой государством в форме трудовой заработной платы. При этом нетрудоспособным населением принято считать граждан, не обладающих способностью к трудовой деятельности на протяжении длительного времени или на регулярной основе.

2. *Медицинский* – реальное состояние здоровья человека, который не по своей воле лишается (частично или полностью) трудоспособности и соответствующего устойчивого уровня доходов в форме заработной платы. Он вынужденно меняет свой социальный и профессиональный статус и переходит в другую статусную группу – население «с ограниченными возможностями» (что в простой российской лексике называется инвалидной группой).

3. *Институциональный*. Это системообразующий индикатор, действие которого институционально по своей природе, так как закреплено нормами права. Человек, вышедший на пенсию, переходит в новую социально-статусную группу и является носителем нового для себя социального статуса – статуса пенсионера; а в случае серьезных проблем со здоровьем, с потерей трудоспособности приобретает статус инвалида (соответствующей группы). Именно на этой своего рода социальной раздельительно-событийной полосе и появляется стратификационная дифференциация населения на витостраты.

Как с этой позиции социологически рассматривать горожан-пensionеров, вышедших на заслуженный отдых и не занятых в производственно-трудовой сфере деятельности? В структуре этой социальной группы две страты: 1) pensionеры неработающие, полностью зависящие от социальной помощи государства (пенсия, социальные выплаты); 2) pensionеры, сохраняющие здоровье, физическую форму, поз-

воляющие им удовлетворять потребность в посильном труде, продолжать работать и иметь дополнительный к пенсии заработок. Таким образом, пенсионеры как социально-демографическая группа по состоянию здоровья рассматриваются как две витостраты: *pensionеры работающие* (обладающие *остаточной* (или *недоиспользованной*) работоспособностью и продолжающие посильно работать) и *неработающие* (полностью вышедшие на заслуженный отдых, более не занятые в трудовой сфере).

4. *Ограниченней трудоспособности*. В структуре этой группы представлены пенсионеры, имеющие инвалидность, т.е. относящиеся к страте ограниченных возможностей. При этом в соответствии с принятой в медицине трехуровневой структурой инвалидности (первая, вторая и третья группы) и витостратификация группы инвалидов получается трехуровневой. Представители каждой из трех страт отличаются уровнем состояния здоровья и степенью трудоспособности, которую в этих стратах можно назвать *остаточной*, так как институциональное получение инвалидности адекватно признанию ограничений в трудоспособности личности.

5. *Адаптационный*. Критерий характеризует способность личности к самообслуживанию и распространяется как на людей с ограниченными возможностями, так и на пенсионеров, учитывая объективный фактор возраста, естественным путем влияющий на производственную и социальную активность личности.

Все выделенные критерии витостратифицируют население любого социума, но социально-территориального социума – особенно, учитывая политически-субъектную статусность такого мегаполиса, как Москва. Пользование представителями витострат столичным мегапространством объективно порождает социальное, коммуникативное, социально-психологическое отчуждение, резко сужая среду социального общения.

Таким образом, на базе витостратификации по индикаторному критерию работоспособности населения с ограниченными возможностями и пенсионеров были сконструированы две объект-исследовательские группы: работающее и неработающее нетрудоспособное население с дифференциацией позиций по витостратам (пensionеры работающие и неработающие и инвалиды с последующей дифференциацией позиций витострат по гендерной, возрастной и образовательной структуре).

Сюжет 2. Социальный потенциал и продолжительность жизни витострат в ракурсе социологического портрета

Социальный потенциал – это характеристика социальных и профессиональных свойств опре-

деленной социальной трудовой общности, включенной в систему социальных и производственных отношений в экономике и обеспечивающей доступ к ресурсам других субъектов.

Категория «социальный потенциал» не является адекватной категории «социальный капитал» (понятие, впервые использованное еще в 1916 г. американским исследователем в области образования Л.Дж. Ханифаном).

Но наряду с западной категорией «социальный капитал» понятие «социальный потенциал» рассматривается как системообразующий элемент экономического развития, учет которого стал по существу одним из императивов современной экономики, политики и экономической социологии. Категория «социальный потенциал» снимает противоречия между рыночной и нерыночной компонентами категории «социальный капитал» и более полно отражает сущность определения *социального капитала*.

И еще одно замечание. Социальный потенциал как система отношений не ограничивается рыночными стимулами. Он обеспечивает формирование новых стимулов внедрения инноваций, моделей экономического поведения и развития, воспроизводит новые формы соединения объективных и субъективных факторов производства и аллокации ресурсов (т.е. системы распределения недостающих ресурсов). При этом на каждом уровне развития социального потенциала он аккумулируется в конкретных субъектах носителях. На микро- и мезоуровнях – это работник, бизнес-сообщество. На наноуровне – это семья.

В основу социального потенциала заложено понимание человека типа *Homo creator*, т.е. человека-творца. В своей сути это тип экономического человека, специалиста, автора творческих идей. Чем выше продолжительность жизни и сохранение здоровья человека, тем дольше в нем сохраняется потенциал творца (*«креатора»*).

Каким социальным потенциалом обладают витостраты столичного мегаполиса? Ответ на этот вопрос отчасти может дать их портрет в социологическом измерении. Де-факто структура витострат по трудоспособности и включенности в трудовую сферу следующая: в Москве 1.2 млн инвалидов, из которых 930 тыс. это пенсионеры. На квотируемых рабочих местах работает более 33 тыс. За 2018 г. создано свыше 2 тыс. рабочих мест, трудоустроены 84% инвалидов, желающих работать (в 2011 г. было 52%).

Согласно результатам социологического исследования, среди нетрудоспособного населения столичного мегаполиса 51% имеет высшее образование (из них около 5% – доктора и кандидаты наук, профессора и доценты), 5% с не-

оконченным высшим, а каждый третий (31%) – со среднетехническим образованием, и лишь 13% имеют среднее образование. Очевидно, что по образовательному уровню витостраты нетрудоспособного населения столичного мегаполиса – горожане, обладающие качественной социально-профессиональной базой и совсем не совпадающие с архаичными представлениями о нетрудоспособном населении 20-летней давности: бабушки-дедушки, поддерживающие свою жизнь преимущественно домашними заботами, жизнью внуков, нетребовательные к реализации своих социальных запросов и коммуникативно-досуговых контактов.

Поколенческая смена нетрудоспособного населения в мегаполисах уже произошла. Сегодня это когорта первого и второго послевоенного советского поколения – люди образованные, социально динамичные и деятельные, откликающиеся на новации и в то же время отличающиеся высокой социальной требовательностью и критичностью в отборе форм занятости, досуга и коммуникативных связей.

В этом контексте примечательной характеристикой этой возрастной когорты является выразительный социокультурный портрет участников телепрограммы «Голос 60+» (вышедшей в эфир 21.09.2019). Социально-психологически это очень интересный и показательный портрет институционально и формально вышедших из возрастной когорты активной трудоспособности россиян, но обладающих большим запасом конструктивной энергии, творчества и стремления к продолжению самореализации.

Сегодня 42% пенсионеров Москвы продолжают работать после выхода на пенсию. Своего рода остаточный социальный потенциал нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в современных условиях демографически проден до 75–80 лет.

Куда в такой ситуации переадресуется оставшийся социальный, в том числе трудовой, потенциал витострат, где работают пенсионеры, продолжающие реализовывать «остаточную» трудовую занятость? Обратимся к результатам социологической диагностики.

По роду занятости неработающие пенсионеры составляют 51%, работающие – 37%, 12% род занятости или отсутствие таковой не указали.

По формам собственности – абсолютное большинство занято в государственном секторе экономики – 76%, в частном почти в пять раз меньше (17%), в смешанном – всего 7%.

В сферах образования – 10%; культуры – 9%, торговли – 8.2%, здравоохранения – 5%, бытового обслуживания – 2%, в разных коммерческих организациях – 7.3%.

Как показало исследование, витостраты нетрудоспособных москвичей в значительной мере «переформатировали» свою трудовую занятость после выхода на пенсию и обретения вынужденного ограничения своих физических возможностей.

Согласно прогнозам, в целом трудовая занятость россиян в сферах торговли и услуг к 2030 г. возрастет на 11%. К этим отраслям добавятся здравоохранение и сфера социальных услуг с ожидаемым ростом занятости с 2–6% до 15–25%. Даже при общем снижении занятости россиян наибольший прирост ожидается в сегменте высокопроизводительных рабочих мест в промышленных отраслях экономики. Поэтому здесь планируется создание дополнительных 2 млн рабочих мест, что позволит увеличить удельный вес высокопроизводительных рабочих мест в промышленности с 32% до 56%.

На этом фоне резко актуализируется управленческая задача современного конструирования городского пространства как среды активных форм не только трудовой, но и досуговой деятельности нетрудоспособного населения, как пространства укрепления здоровья, развития спорта, спортивной и социокультурной самозанятости. В XXI веке городская урбанизированная среда призвана выполнять функцию креативного воздействия на население с точки зрения продления продолжительности жизни, внедрения новых форм образа жизни и отдыха городского населения с разной степенью трудоспособности и социальной мобильности.

Это предполагает поиск активных, инновационных и доступных для широкого пользования форм городской жизни в мегаполисе – тем более в таком богатом мегаполисе, как Москва. Именно эти факторы сегодня детерминируют продолжительность жизни городского населения всех возрастных страт, тем более витострат.

Поэтому в Москве в последние годы особое место занимает обустройство городской среды по типу открытого и креативного социального пространства. Москва в этом отношении стала для регионов своего рода маркером, социально значимым и отличительным по своим социокреативным характеристикам городской среды мегаполисом.

Москва к настоящему времени является мегаполисом не только высокой интенсивности трудовой занятости, но и мегаполисом, продлевющим жизнь.

Обратимся к фактам: средняя продолжительность жизни в Москве – 78 лет, по РФ – 73 года, по регионам показатель составляет 68.5, а среди женщин – 78.5 лет. Если учитывать, что за последние 40 лет продолжительность жизни вырос-

ла на 5 лет, то становится особенно значимым увеличение за последние 9 лет на 4 года.

В этих данных не выделяется статистика по конкретным витостратам. Однако очевидно, что эти группы увеличили свою продолжительность жизни в Москве. При этом учтем, что в отличие от подходов экономистов и демографов продолжительность жизни в социологической парадигме это не количество прожитых лет, а «процесс, обладающий определенной длительностью или характеризующий длительность жизнедеятельности определенной общности (социальной группы) в конкретных условиях развития экономических, политических, духовных, социальных факторов в условиях рыночной экономики» [2, с. 282]. С позиций процесса проанализируем жизненную активность страт витостратификации.

Сюжет 3. Что помогает продлить жизнь нетрудоспособных в мегаполисе

Меняется значимость детерминантных факторов, обуславливающих продолжительность жизни: от преимущественно объективных (экономического характера) к социальным, субъективным по характеру, поднимающим значимость индивидуальной социальной ответственности личности за состояние собственного здоровья. Социологический анализ позволил выделить 13 доминантных групп факторов, стимулирующих и продлевающих продолжительность жизни нетрудоспособного населения мегаполиса. Среди них особо отметим следующие:

- 1) *социально-рекреационные*, связанные с созданием зон культурной, досуговой и спортивной рекреации нетрудоспособных, обустройством городского ландшафта; с расширением зон доступности для нетрудоспособных;
- 2) *экологические*, отражающие влияние городской экологической среды на здоровье и продолжительность жизни, с одной стороны, а с другой – усиление контроля за реализацией и производством экологически чистых продуктов в мегаполисе;
- 3) *медицинские*, обладающие трехуровневым влиянием на продолжительность жизни, на качество медицинского обслуживания; связанные с доступностью медицинских услуг, индивидуальной ответственностью за собственное здоровье;
- 4) *факторы социальной безопасности* в урбанизированной среде.

Важным позитивным сдвигом в массовом сознании становится осознание собственной ответственности за состояние своего здоровья. Такую позицию выразили 82–83% респондентов, которые поддерживают позицию «Нужно не только от государства требовать внимания к здоровью нетрудоспособного населения, но и самим заботиться о своем здоровье, чтобы поддержать и продлить свою жизнь».

На этой позитивной самокритичной ноте респондентов можно завершить краткий анализ поставленной проблемы, добавив в заключение для размышления над тем, как продлить свою жизнь и жизнь своих близких, известную тринацатую заповедь, глашающую: «Если я не за себя, но кто же за меня?».

Примечание

1. Социологическое исследование «Детерминантные факторы продолжительности жизни нетрудоспособного населения столичного мегаполиса в условиях рыночной экономики» проведено

исследовательским коллективом ГалСи совместно с Департаментом социальной защиты населения Правительства Москвы, научный руководитель – проф. Г. Силласте.

Список литературы

1. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Ред. Г.В. Осипов. М.: Инфра-М, Норма, 1998. 488 с.
2. Социологическая энциклопедия / Научный руководитель Г.Ю. Симагин. В 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 863 с.

**VITOSTRATIFICATION OF POPULATION IN A METROPOLIS
AND SOCIAL RESOURCES FOR INCREASING LONGEVITY**

G.G. Sillaste

Finance University of the Russian Federation Government, Moscow

The author introduces, considers and substantiates the new sociological category of vitostratification as a type of social stratification. This category is revealed in a specific research object: the dependent population of the capital metropolis. An analysis is presented of the social essence of this object, of the criteria for social construction of vitostratification, of the social potential of vitostrata from the perspective of the dependent population's sociological portrait in a metropolis. The capital metropolis is characterized as a megasocium with high life expectancy and employment of population in general and its vitostrata, in particular; the determinants of life expectancy of the capital metropolis are analyzed.

Keywords: vitostratification, dependent population, vitostrata, social potential, life expectancy, persons with disabilities, metropolis, determinants.

УДК 316.454.3

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР АБИТУРИЕНТОВ (ЧАСТЬ 2)¹

© 2020 г.

A.A. Иудин, И.В. Ситникова, А.С. Тюнтяев

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н., проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin@fsn.unn.ru

Ситникова Ирина Викторовна, преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
april@fsn.unn.ru

Тюнтяев Анатолий Сергеевич, программист 1 категории Управления информатизации
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
tas@comp.unn.ru

Статья поступила в редакцию 25.11.2019

Статья принята к публикации 31.01.2020

Изменение профессионально-ценостных установок российской молодежи приводит к многообразию подходов молодых людей к выбору своей будущей специальности. Среди мотивов получения высшего образования приоритетное место занимает установка на достижение жизненного успеха, материального благополучия и высокого социального положения, однако молодые люди намерены по-разному реализовать свои запросы. Представляется продолжение исследования, в основу которого положен анализ генеральной совокупности – всех заявлений, поданных в приемную комиссию ННГУ летом 2018 года. Рассматриваются две группы абитуриентов: абитуриенты, ориентированные на советы своего ближайшего социального окружения (прежде всего родителей, реже – друзей и учителей), и абитуриенты, ориентированные на будущее профессиональное развитие. Отмечаются различия в восприятии престижности избранной специальности представителями данных групп.

Ключевые слова: абитуриенты, молодежь, профессиональное самоопределение, выбор вуза, мотивы, высшее образование, престиж.

Введение

Необходимость изменения системы профессионального образования продиктована целым рядом обстоятельств, в том числе изменением социально-профессиональных и ценностных установок молодых людей, достигших возраста социального самоопределения. Положение человека в обществе, по мнению школьной молодежи, зависит от целой системы факторов. Социологи разделили эти факторы на несколько групп по степени значимости для школьников: 1) образование; 2) культура воспитания; личные, деловые качества; способности, талант; 3) деньги; 4) профессия; 5) место работы, добросовестный труд, квалификация, сфера и отрасль труда; 6) владение собственностью, участие в политике, наличие влиятельных родственников, связей, знакомств [1, с. 61]. Важно отметить, что образование и элементы профессиональной культуры оказываются у молодых людей на первых местах, поэтому одной из наиболее актуальных и значимых для современной молодежи проблем является профессиональное самоопределение. К моменту окончания

школы молодые люди должны хорошо ориентироваться в мире профессий и быть готовыми к выбору будущей специальности. Для того чтобы сделать адекватный выбор, старшекласснику необходимо оценить свои способности, исходя из собственных интересов и возможностей. Зачастую сделать это довольно непросто, ведь на процесс профессионального самоопределения оказывают влияние разнообразные факторы.

Анализ научной литературы показывает, что при выборе профессии школьники руководствуются объективными и субъективными факторами. «К субъективным факторам, влияющим на выбор профессии, относятся интересы (познавательный, профессиональный, интерес к профессии, склонности), способности (как психологические механизмы, необходимые для успеха в определенном виде деятельности), темперамент, характер» [2, с. 101]. К внутренним факторам также можно отнести ценностные ориентации, жизненные установки, а к внешним – социально-экономическую ситуацию в стране и регионе, материальное положение и традиции семьи, среду общения, социальный статус [3, с. 29]. На этапе окончания сред-

ней школы огромную роль в профессиональном самоопределении играют мотивационные установки. Исследования показывают, что большинство абитуриентов выбирает высшие учебные заведения, основываясь как на внешних мотивах (советы родителей, учителей, обязательность получения высшего образования), так и на внутренних (интерес к профессии, ориентация на жизненный успех, престижность образования) [4, с. 23]. «Профессиональная мотивация формируется у молодых людей под влиянием семейных, социальных факторов, а также в процессе работы по профессиональной ориентации в учебных заведениях» [5].

Анализ мотивов профессионального выбора через разделение их на внутренние и внешние является достаточно популярным у исследователей. Социологи отмечают, что сегодня наблюдается преобладание внешних мотивов выбора будущей специальности, связанных с влиянием на этот процесс социальных и экономических факторов, среди которых они называют ориентированность молодежи на прагматические возможности будущей профессии, востребованность на рынке труда, ожидания высокой заработной платы. Можно отметить, что такие внутренние мотивы выбора будущей профессии, как соответствие собственных способностей и склонностей качествам выбранной специальности, достижение высокой квалификации в выбранной профессиональной сфере, имеют значительно меньшее значение, чем внешние: престижность профессии в обществе, карьерный рост, следование наказам родителей, желание обучаться в конкретном учебном заведении [6, с. 169].

Исследователи отмечают, что в восприятии профессии сохраняется тенденция прагматизации: все больше студентов при выборе работы ориентируется на ее доходность, возрастает значение карьерного успеха. «Содержательные, внутренние мотивы выбора продолжают терять свою значимость: соответствие профессии способностям и умениям, связь с новейшими технологиями, отсутствие регламентации труда и т.д. Наиболее низкие значения в контексте предшествующих этапов получили мотивы творческого труда, желания работать в хорошем коллективе» [7, с. 212]. При этом уменьшается число студентов, собирающихся работать по специальности, а высшее профессиональное образование выступает как ресурс успешного трудоустройства, не обязательно по полученной специальности [7, с. 217]. Многие студенты оценивают выбранную специальность с точки зрения знаний, которые они получат в данном вузе для того, чтобы найти хорошее рабочее

место и обеспечить себя материально [8, с. 81]. В настоящее время большинство школьников хочет выбрать интересную, высокооплачиваемую профессию, которая будет обеспечивать им стабильное будущее. Таким образом, материальный интерес остается наиболее влиятельным фактором при выборе будущей профессии [3, с. 29]. Социологи отмечают, что среди современной молодежи «материальное благосостояние ценится гораздо выше свободы, независимости, ценность оплаты труда стала превалировать над ценностью интересной работы» [9, с. 61]. Большое значение для молодежи сегодня имеют личное благосостояние, условия жизни и комфорт, при этом многие молодые люди надеются, что в будущем выбранная профессия позволит добиться этого [10, с. 16].

Для подавляющего большинства старшеклассников при выборе будущей профессии важным оказывается мотив ее престижности. При этом восприятие престижности у молодых людей разное: некоторые студенты называют престижными профессии учителя и врача, считая их своим призванием, а также служением людям и своей стране, а другие считают престижными только высокооплачиваемые специальности, дающие стабильный высокий доход [11]. Престижность профессии связана с представлением о том, за что человека, посвятившего себя этой профессии, уважают окружающие. Немаловажным фактором является престиж той социальной группы, к которой принадлежит человек. Поэтому при выборе направления подготовки для старшеклассников важным является и престиж самого вуза. «Престиж вуза для студента – это не только качество учебного процесса и уровень подготовки выпускников, а также: интересная студенческая жизнь; состояние студенческого кампуса, комфортные условия в университете; карьерные возможности и международные программы» [12, с. 92]. Сегодня с престижем вуза связан, в частности, и его рейтинг. Стоит отметить, что выбор специальности исходя из существующей моды, представлений о ее престижности в обществе нередко приводит к разочарованию и последующей смене профессии [13, с. 39].

В исследованиях российских социологов было выявлено, что материальные и престижные мотивы сегодня являются решающими при выборе профессии. «Это говорит о том, что молодые люди стремятся к получению профессии, которая обеспечивала бы им стабильное будущее и при этом была оценена окружающими, значимыми для них людьми. Это подтверждает, что на выбор профессии влияют мнения друзей, знакомых, родных» [10, с. 17]. Семья является

одним из важных факторов при выборе профессии, при этом родительская позиция может оказывать различное влияние на этот выбор. «Родители должны помочь детям лучше разобраться в своих склонностях и возможностях и выбрать профессию, которая приносит чувство удовлетворения, радость и т.д.» [14, с. 153]. Многие дети повторяют профессиональный путь родителей, формируют свой выбор, слушая их рассказы о своей работе. Семья, ее традиции является ценностным аспектом в профессиональной ориентации молодого поколения [15, с. 228]. Стоит отметить, что высокое влияние родителей связано еще и с тем, что они берут на себя основные расходы во время обучения студента, поэтому помогают выбрать ребенку варианты, помимо подходящих по результатам ЕГЭ, которые реализуемы с финансовой точки зрения. «Родители становятся основными агентами выбора в условиях высокой неопределенности на рынках образовательных услуг и труда, разделяя тем самым риск возможного неуспешного выбора» [16, с. 8]. Кроме родителей, на выбор профессии также оказывают влияние друзья, учителя. При этом молодые люди зачастую не думают, что работать по данной специальности будут они, а не люди, мнение которых стало решающим при профессиональном выборе.

В процессе выбора будущей профессии молодые люди руководствуются множеством мотивов. Некоторые факторы являются основополагающими, другие имеют вторичное значение. Социологи отмечают, что сегодня при выборе профессии велика доля случайных мотивов. Молодые люди мало учитывают профессиональное призвание, возможность реализации собственных способностей. Несоответствие склонностей и способностей требованием профессии во многом связано с изменениями ценностных ориентаций молодежи в последние годы: творчество, реализация способностей сегодня не являются наиболее значимыми жизненными ценностями [9, с. 65]. Однако среди современной молодежи есть те, кто при выборе будущей профессии ориентируется на виды деятельности, которые дают возможность личностного развития и реализации творческих способностей. Удачное сочетание способностей и склонностей, необходимых для конкретной деятельности, делает выбор профессии успешным и помогает в профессиональном становлении.

Метод исследования основан на многомерном анализе данных о группах факультетов/специальностей, на которые подают документы различные абитуриенты. Исследование,

результаты которого использованы в статье, базируется на данных приемной комиссии ННГУ, дополненных опросом абитуриентов, которым была предложена соответствующая анкета. Цель данного исследования заключается в определении характеристик сходства и различий установок и мотивов абитуриентов, осуществляющих выбор профессии в пространстве конкретного учебного заведения – ННГУ. Основания использованного метода подробно изложены в нашей предыдущей статье; здесь лишь напомним, что результаты исследования² позволили выявить не только набор факультетов и специальностей, на которые претендовали абитуриенты, но и основные мотивы их выбора. В предыдущей статье отмечено, что наиболее активно анкету заполнили абитуриенты, подавшие документы на наиболее престижные факультеты и специальности: в Институт международных отношений и мировой истории, а также в Институт информационных технологий, математики и механики, но больше всего анкет заполнили абитуриенты Института экономики и предпринимательства.

Результаты исследования

Многомерный анализ данных анкетного опроса позволил выделить 8 групп абитуриентов, наиболее многочисленной из которых явилась группа, ориентированная на престиж образования, профессии, охватившая 60% абитуриентов. Это уже и не группа, а тенденция, показывающая наличие у большой доли абитуриентов неких идеальных установок, связанных с признанием общественной значимости своего профессионального выбора. В предыдущей статье отмечалось, что без пересечений данная мотивация составляет всего 10%, и эта ориентация означает отношение к образованию, бренду вуза, факультета, специальности, будущего образа жизни. Все мотивы имеют некоторую область пересечения, и большинство из них пересекается с мотивацией престижа, который является существенным фоновым фактором не только профессионального выбора, но и профессионального функционирования: все специалисты в большей или меньшей мере гордятся своей профессиональной деятельностью.

В предыдущей статье анализировалось содержание двух групп абитуриентов: ориентированных на бизнес и ориентированных на госслужбу [17]. Эти ориентации рассматривались на фоне выраженных ориентаций на престиж образования, вуза, профессии, факультета. В данной статье мы продолжаем исследовать логику ориентации абитуриентов на престиж как

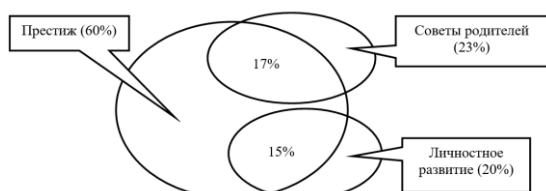

Рис. 1. Пересечение групп, ориентированных на престиж, на мнения родителей (учителей, друзей) и личностное развитие, %

фонового фактора для двух групп: ориентации на мнения и рекомендации родителей, учителей, друзей и ориентации на личностное развитие. Остальные типы ориентаций – на творчество в будущей профессиональной деятельности, научно-педагогическую деятельность, а также случайный выбор – мы рассмотрим в следующей статье.

В предыдущей статье упоминалось, что большинство молодых людей имеет несколько мотиваций; молодые люди, ориентированные на советы своего социального окружения и на личностное развитие, в значительной своей части – на три четверти – ориентированы и на престиж избранной специальности, вуза и факультета (рис. 1). При этом между собой эти две группы не пересекаются: ориентация на личностное развитие не предусматривает интереса к мнению родителей, учителей и друзей. И наоборот – молодые люди, прислушивающиеся к советам окружающих, не интересуются вопросами личностного развития в профессии. Среди представителей этих групп есть определенный интерес к возможности организации собственного бизнеса (7% ориентирующихся на советы родителей и 6% ориентирующихся на развитие). Примерно с той же интенсивностью эти молодые люди допускают для себя возможность работать в сфере государственной службы (по 6%). Различия в пересечениях с другими группами дополняют образ представителей анализируемых типов абитуриентов. Так, молодые люди, нацеленные на развитие, чаще всех выбирают для себя научно-педагогическую ориентацию, т.е. выражают готовность работать в вузе. Высока у них также ориентация на творчество в своей будущей профессиональной деятельности. Все эти ориентации у молодых людей, учитывающих советы родителей, выражены весьма слабо.

Молодые люди, ориентированные на мнение и рекомендации родителей, друзей, учителей, выбирают себе, прежде всего, Институт экономики и предпринимательства, Институт информационных технологий, математики и механики, а также радиофизический факультет (табл. 1). Причем все эти структурные подраз-

деления ННГУ они считают весьма престижными, и, очевидно, этот фактор является существенным для их выбора. Наименьший интерес вызывают у них химический факультет, Институт филологии и журналистики. На среднестатистическом уровне представлены юридический факультет, Институт международных отношений и мировой истории, физический факультет, а также факультет социальных наук, которые рассматриваются большинством абитуриентов этой группы как запасные. Выбор Дзержинского и Арзамасского филиалов, вероятно, связан с местом жительства абитуриентов и, возможно, с нежеланием родителей отпускать своих детей в другой город на период учебы в вузе.

Абитуриенты, ориентированные в своей будущей профессиональной деятельности на личностное развитие, выбирают для себя Институт экономики и предпринимательства, Институт информационных технологий, математики и механики; Институт международных отношений и мировой истории; Институт филологии и журналистики, а также юридический факультет. Причем во все эти институты они подают документы довольно охотно и в равной мере, не выделяя ни один из них. Очевидно, эти абитуриенты делают осознанный профессиональный выбор – поступают на нужную им специальность конкретного факультета/института. Остальные факультеты они рассматривают как запасные варианты – это факультет социальных наук и радиофизический факультет. Менее всего им интересны Институт биологии и биомедицины, химический факультет и Институт реабилитации и здоровья человека. Эти абитуриенты также подают документы для поступления в филиалы ННГУ в Арзамасе и Дзержинске.

Для абитуриентов, ориентирующихся на личностное развитие, осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей, послужил главным фактором выбора направления подготовки (табл. 2). Более всего от остальных абитуриентов их отличают ориентация на личностное развитие в вузе (69% против 25% по выборке) и ожидание интересного обучения (58% и 22% соответственно). При выборе вуза для них было важно, чтобы в нем были интересующая их специальность и интересное обучение. Приобретение необходимых знаний является для них важным фактором при поступлении в вуз. Менее всех они склонны ориентироваться на результаты ЕГЭ и рекомендации родителей, друзей – для них важнее осознанность и мотивированность профессионального выбора.

Таблица 1

Распределение заявлений, поданных на факультеты / в институты ННГУ, по абитуриентам, ответившим на вопросы анкеты, %

Факультет/институт	Выборка	Престиж	Родители	Развитие
Институт экономики и предпринимательства	43	44	64	25
Институт информационных технологий, математики и механики	29	37	43	22
Юридический факультет	20	26	11	24
Институт международных отношений и мировой истории	16	16	14	25
Факультет социальных наук	16	12	14	13
Радиофизический факультет	12	14	17	11
Институт филологии и журналистики	10	9	4	25
Физический факультет	10	10	9	0
Институт биологии и биомедицины	7	5	5	8
Арзамасский филиал	3	1	5	5
Химический факультет	2	2	2	2
Дзержинский филиал	1	0	2	1
Высшая школа общей и прикладной физики	1	0	2	1
Институт реабилитации и здоровья человека	1	0	1	3
Факультет физической культуры и спорта	1	0	2	2

Таблица 2

Мотивы выбора вуза и факультета/института, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Родители	Развитие
В данном вузе есть интересующая специальность	63	70	67	76
Качество образования	51	74	52	66
Осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей	46	56	39	73
Рейтинг вуза	44	57	49	46
Это вуз государственный	40	45	44	40
Наличие бюджетных мест	36	30	35	36
Ориентировался на результаты ЕГЭ	34	26	53	18
Получение престижной специальности	32	48	55	34
Возможность личностного развития	25	30	11	69
Интересное обучение	22	29	14	58
Рекомендация родителей/друзей	19	22	56	8
Удобное географическое расположение	14	12	17	9
Расширение круга знакомств	11	15	11	19
Наличие военной кафедры	10	15	14	5
Наличие общежития	10	7	11	8
Приемлемая стоимость обучения	10	12	13	7
Случайный выбор	9	1	4	2
Возможность заниматься спортом	8	10	10	13
Возможность заниматься творчеством во внеучебное время	7	8	2	25
Детская мечта	5	6	0	7

Молодые люди, на профессиональный выбор которых повлияли родители, друзья и учителя, при выборе вуза и факультета чаще всех ориентировались на результаты Единого государственного экзамена. Главным фактором выбора вуза и специальности для них стали рекомендации близких и престижность будущей профессии. Более всех они ориентированы на получение престижной специальности. Эти абитуриенты реже всех утверждают, что они делают осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей.

Выбранная профессия ни для кого из них не является их детской мечтой, они не верят, что обучение в вузе окажется интересным и будет способствовать их личностному развитию, которое интересует их менее, чем всех других абитуриентов.

Установки различных групп абитуриентов находят свое яркое выражение в мотивах выбора ими своей будущей профессии (табл. 3).

Абитуриентов, ориентированных на личностное развитие, в будущей специальности

Таблица 3

Мотивы выбора направления подготовки, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Родители	Развитие
Эта профессия позволяет иметь интересную и разнообразную работу	50	51	42	85
Эта профессия дает возможность хорошо зарабатывать	40	54	69	24
Есть возможности карьерного роста	35	41	37	39
Это уважаемая (престижная) профессия	26	39	30	24
С этой профессией легко найти работу	14	14	19	14
Эта профессия позволит иметь хорошие условия труда	11	14	9	20
Это был случайный выбор	10	0	5	3
Выбрали по совету родителей, друзей, школы	8	6	17	4
Работа по этой профессии позволяет иметь удобный график работы	8	7	6	11
Эта профессия позволит иметь хорошее социальное обеспечение на работе	7	9	7	10
По этой профессии работает кто-то из родственников, знакомых	6	5	11	3
По этой специальности легко учиться	3	3	8	3
Это массовая профессия, туда идут учиться многие	3	2	4	1

привлекает прежде всего возможность иметь интересную и разнообразную работу. Эти молодые люди при выборе профессии учитывают профессиональное призвание, возможность реализации собственных творческих способностей. Немаловажными факторами для них являются также карьерный рост, престижность выбранной профессии. Однако значение престижности будущей профессии для молодых людей этой группы значительно ниже, чем для группы ориентированных на мнение родителей. Менее других их интересует в будущей профессии возможность хорошо зарабатывать. Очевидно, в профессиональном становлении молодежи группы, ориентированной на личностное развитие, важна реализация способностей, что для них является наиболее значимой жизненной ценностью.

Абитуриенты, ориентированные на мнение своего окружения (родителей, друзей, учителей), делают выбор будущей специальности в связи с тем, что эта профессия даст им в будущем возможность хорошего заработка, карьерный рост. Они считают выбранную профессию престижной и полагают, что в будущем с полученным образованием им будет легко найти работу. Свой выбор они сделали по совету родителей, друзей, учителей, причем по этой профессии в их ближайшем окружении уже кто-то работает. Абитуриентов, ориентированных на мнение родителей, менее всего привлекают в профессии хорошее социальное обеспечение на будущем месте труда и удобный график работы. Абитуриенты данной группы ориентированы не на содержание будущей работы, – они выбирают профессию под влиянием семейных факторов, ориентируясь на

прагматические возможности будущего труда и устройства.

Различия этих двух групп проявляются в следующем. На первое место в списке мотивов абитуриенты, ориентирующиеся на советы родителей, ставят возможность хорошо зарабатывать в профессии; а ориентирующиеся на собственное развитие ставят этот мотив на четвертое место, причем называют его реже всех других абитуриентов. В иерархии предпочтений для них более важными, чем для ориентирующихся на родителей, являются возможности иметь удобный график работы и хорошие условия труда, хорошее социальное обеспечение на работе и возможности карьерного роста, уважаемую профессию и интересную работу. В иерархии предпочтений абитуриентов, ориентирующихся на родителей, на более высоких местах стоят такие факторы, как опыт родственников и знакомых, занимающихся той же работой, возможность хороших заработков, а также то, что по этой специальности легко учиться и легко найти работу. Таким образом, молодые люди, ориентированные на развитие, в большей мере заинтересованы содержанием будущей профессиональной деятельности, а молодежь, ориентированная на советы окружающих, в большей мере нацелена на социальные выгоды, которые может предоставить эта работа.

Логика установок абитуриентов из двух анализируемых групп находит свое продолжение в определении факторов, повлиявших на их выбор вуза и специальности.

Абитуриенты, ориентированные на личностное развитие, представления о своей будущей профессии, о вузе, получали не по одно-

Таблица 4

Факторы, повлиявшие на выбор вуза и специальности, %				
Факторы	Выборка	Престиж	Родители	Развитие
Рейтинги вузов в СМИ и Интернете	49	52	41	66
Советы родителей	36	39	83	19
Друзья, товарищи по учёбе	21	20	35	15
Успешная карьера выпускников университета	20	29	15	37
Встречи, разговоры со студентами университета	17	17	10	28
День открытых дверей в университете	17	18	16	22
Общение с сотрудниками приёмной комиссии	15	14	10	20
Советы учителей	12	14	14	9
Разговоры, встречи с выпускниками университета	7	8	3	15

му каналу, а по некоторой системе. Они не выделяли какой-то особенный фактор из множества, однако менее всех других обращали внимание на советы родителей, учителей, товарищ по учебе (табл. 4). Чаще всего их интересовали рейтинги вузов в СМИ и Интернете, истории об успешности карьеры выпускников университета. Такого рода сведения они чаще всех получали из встреч со студентами и выпускниками университета, при посещении дней открытых дверей и при общении с сотрудниками приемной комиссии. Системность их подхода просматривается в том, что они предпочитают получать представление о будущей специальности из наиболее достоверных источников – от людей (и о людях), которые функционируют в интересующем их профессиональном пространстве. Следует отметить, что иерархия факторов, выстроенная представителями этой группы абитуриентов, во многом совпадает с иерархией молодых людей, ориентированных на престиж вуза и специальности.

Иерархия факторов, повлиявших на выбор вуза и специальности абитуриентами, ориентированными на мнение своего социального окружения, заметно отличается. Прежде всего они выбирали вуз и специальность, исходя из советов родителей, учителей и сверстников, но реже всех они ориентировались на рейтинги вузов и встречи, разговоры со студентами университета, им также не интересна успешная карьера выпускников университета. Важно отметить, что ориентация на родительские советы выражена у них наиболее мощно: ни в одной другой группе ни один фактор не соразмерен по доверию ему, как советы родителей в этой группе.

Одной из важнейших составляющих профессиональных установок молодежи являются предпочтительные сферы будущей профессиональной деятельности.

Молодые люди, ориентированные на мнение своего социального окружения, чаще всех хотели

бы работать в сфере производства, заниматься конструкторской, инженерной деятельностью (табл. 5). Так же, как и большинство абитуриентов, поступающих в ННГУ, они мечтают иметь собственный бизнес или стать управленцами в экономике. Очевидно, что их привлекает в этом виде деятельности возможность высоких заработков, и они в своих мечтаниях не представляют себе серьезные трудности этой сферы. Менее всех их интересуют научная работа и политическая деятельность. Абитуриенты данной группы, сделавшие выбор под влиянием родителей, друзей, учителей, чаще других не могут сказать, в какой сфере хотели бы работать. Очевидно, они не обладают достаточными знаниями и представлениями о профессиях и рынках образования и труда.

Абитуриенты, ориентирующиеся на личностное развитие, свои профессиональные намерения по сфере будущей деятельности выстраивают совершенно по-другому. Более всех они предпочли бы заниматься научной, политической, художественной и коммерческой деятельностью. Вероятно, стремление к самосовершенствованию, желание узнавать новое, решать реальные задачи побуждают молодежь данной группы заниматься этими видами деятельности. Одним из мотивов выбора этих видов деятельности может быть желание принести пользу окружающим. Менее всех их интересует возможность заниматься управленческой деятельностью в экономике. Работа в сфере производства, очевидно, не привлекает этих молодых людей из-за недостатимости реализации личностного развития в этой сфере.

Выбор предметов ЕГЭ зависит от направления, в котором подросток хочет развиваться как специалист, от профессиональных задач, которые он хочет решать. Если выбор сделан без учета этого, зачастую школьники совершают ошибку в построении траектории поступления.

Молодые люди, ориентированные на престиж образования, профессии, чаще всех вы-

Таблица 5

Предпочтения будущей сферы деятельности, %

Сфера деятельности	Выборка	Престиж	Родители	Развитие
Свой бизнес	41	43	43	44
Художественное творчество	23	19	23	33
Государственное управление	20	25	18	25
Научная деятельность	19	19	12	31
Коммерческая деятельность	16	16	11	27
Управленческая деятельность в экономике (менеджмент)	14	15	17	8
Конструкторская, инженерная деятельность	13	18	19	9
Юридическая деятельность	13	17	10	10
Политическая деятельность	12	12	5	24
Сфера производства	10	11	20	3
Педагогическая деятельность	10	10	11	14
Высшее образование	5	7	6	6
Работа в университете	4	6	5	3
Пока не могут сказать, в какой сфере хотели бы работать	12	7	16	8

Таблица 6

Причины выбора предметов для сдачи ЕГЭ, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Родители	Развитие
Данный набор предметов ЕГЭ необходим для поступления на выбранную специальность	79	91	83	81
Эти предметы знают хорошо	48	49	45	50
Эти предметы были любимыми в школе	38	40	28	60
Некоторые из этих предметов являются запасными для поступления на другую специальность	19	19	25	16
Эти предметы являются более легкими для сдачи экзамена	9	7	14	8
Сдавали большое количество экзаменов, чтобы поступить в любой вуз на любую специальность	4	4	3	6

бирают предметы ЕГЭ, необходимые для поступления на избранную специальность (табл. 6). Реже всех они отмечают, что эти предметы являются более легкими для сдачи экзамена.

Абитуриенты, учитывающие мнение своего ближайшего окружения, чаще других сдают предметы ЕГЭ на всякий случай, про запас – чтобы иметь возможность поступления на разные специальности. Они также выбирают для сдачи экзамена те предметы, которые им кажутся более легкими, причем реже всех остальных подростки утверждают, что эти предметы были любимыми при изучении их в школе.

Молодые люди, ориентированные на личностное развитие, наоборот, выбирают для сдачи те предметы, которые они любили в школе и знали их очень хорошо. Эти абитуриенты реже всех выбирают легкие для них предметы ЕГЭ и предметы на всякий случай, ради поступления на любую специальность: их выбор профессии является более осознанным и устойчивым.

Абитуриенты этой группы чаще других рассматривают для своего поступления несколько

вузов города и страны и значительно реже других подают документы только в один вуз, но на несколько факультетов одновременно. Очевидно, эти подростки ищут подходящую им специальность, исходя из их склонностей и способностей, в разных вузах страны. Противоположная картина наблюдается в группе ориентированных на родителей: эти молодые люди, наоборот, чаще других выбирают разные факультеты в одном вузе и реже всех – различные вузы города и страны. Следует добавить, что среди абитуриентов, ориентированных на престиж вуза и специальности, чаще встречаются юноши (41% против 37% по выборке), а в группе абитуриентов, ориентированных на личностное развитие, чаще встречаются девушки (71% против 63% по выборке). Среди абитуриентов, ориентированных на советы родителей, юноши и девушки встречаются на среднестатистическом уровне.

Выводы

Ориентации молодых людей на мнения и рекомендации родителей, друзей, учителей и на личностное развитие имеют заметные различия

в профессионально-ценностных установках и жизненных планах. Молодые люди, *ориентированные на мнение и рекомендации родителей, друзей, учителей*, выбирают себе более выгодные с точки зрения грядущих заработков факультеты и специальности. Им в общем-то все равно, куда поступать и где учиться – лишь бы учеба была полегче и диплом давал гарантии хорошо устроиться в жизни. Абитуриенты, *ориентированные на личностное развитие*, чаще других делают осознанный профессиональный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей. В будущей специальности их привлекает прежде всего возможность иметь интересную и разнообразную работу. И те, и другие хотели бы сделать карьеру, но первых интересует рост социального статуса и заработка, а вторых – профессиональное совершенствование, рост мастерства.

Примечания

1. Предыдущая статья опубликована в Вестнике Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2019. № 4.
2. Исследование «Особенности профессионального выбора абитуриентов ННГУ» осуществлено на основе данных о студентах, подававших документы для поступления на все факультеты данного университета. Количество поступавших на различные факультеты и институты ННГУ в 2018 году составило 10 017 человек. Всем абитуриентам было предложено заполнить анкету в онлайн-режиме. В опросе приняли участие 579 абитуриентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Список литературы

1. Стегний В.Н., Шувалов В.В. Новые явления в профессиональных ориентациях молодежи Прикамья: традиции, новации, факторы // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 3. С. 60–72.
2. Коваленко С.О. Субъективные факторы, влияющие на процесс профессионального формирования специалистов-гуманитариев // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 1. С. 101–104.
3. Ахметова Я.М., Мухаметзянова Л.К. Факторы влияния на выбор профессии у старшеклассников (на примере Республики Татарстан) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 28–30.
4. Матвеева Н.А., Рыжикова Л.В. Мотивационные установки абитуриентов педагогического университета // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 3(32). С. 23–28.
5. Клименко И.В., Гончар С.Н., Кучеряну С.Г. Особенности мотивационно-ценностной направленности на профессиональную деятельность абитуриентов вуза // Мир науки. 2018. № 4. URL: <https://mirnauki.com/PDF/28PSMN418.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
6. Пасовец Ю.М. Профессиональный выбор молодежи в современных российских условиях // Инноватика и экспертиза. 2019. Вып. 1(26). С. 166–176.
7. Дидковская Я.В. Профессиональное самоопределение студенчества Свердловской области: теоретические подходы, проблемы, динамика // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 210–217.
8. Иваненков С.П., Кусканова А.Ж. Мотивация и условия профессионального выбора у студентов Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2013. № 6 (54). С. 80–92.
9. Баникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 58–68.
10. Грачева О.Г. Ценности и мотивы личности как факторы выбора профессии выпускниками школ // Изв. Сарат. ун-та. Т. 1. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Вып. 2. С. 15–18.
11. Мосиенко О.С. Стратегии и особенности профессионального поведения студенческой молодежи (на примере Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1(09). URL: <https://www.sisp-nkras.ru> (дата обращения: 10.11.2019).
12. Курилов С.Н., Кузьминов М.Ю. Выбор абитуриентами вуза: опыт исследования мотивов и факторов (на примере НИУ МЭИ) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3(19). С. 88–98.
13. Бортникова Т.В., Байбулекова Л.А. Формирование профессиональной направленности личности в современной экономике // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2018. № 5. С. 34–44.
14. Вагапова А.Р., Трусковская А.И. Роль семьи в профессиональном самоопределении студентов-психологов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. Вып. 2(10). С. 152–155.
15. Горбачева Н.Б. Социологический анализ профессионального выбора тольяттинской молодежи // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4(17). С. 226–229.
16. Попова Л.А., Фадеева И.М., Юрлова Е.М. Профессиональные и социальные факторы, определившие выбор вуза первокурсниками // Огарёв-Online. 2017. № 5 (94). С. 1–9.
17. Иудин А.А., Ситникова И.В., Тюнтяев А.С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4. С. 89–97.

**INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS
ON UNIVERSITY APPLICANTS' CHOICE OF FUTURE PROFESSION (PART 2)**

A.A. Iudin, I.V. Sitnikova, A.S. Tyuntyaev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Changes in the professional and value attitudes of Russian youth result in a variety of approaches of young people to the choice of their future profession. Among the motives for obtaining higher education, the priority is given to the goals of achieving success in life, material well-being and high social status, however, young people intend to fulfill their needs in different ways. In this article, we continue our research, which is based on the analysis of all applications submitted to the UNN Admissions Office in the summer of 2018. Our previous article was focused on the analysis of three groups of applicants, who choose their future profession in different ways: prestige oriented, business oriented and civil service oriented. The research has shown that the main motive for choosing a university and specialty is the focus on prestige, so this article also considers this attitude. Besides, the analysis of two groups of entrants is carried out – those oriented to the advice of their nearest social environment (first of all, parents, less often – friends and teachers) and those oriented to the future professional development. The difference in perception of the chosen specialty's prestige is considered.

Keywords: applicants, youth, professional self-determination, choice of university, motives, higher education, prestige.

УДК 316.73

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

© 2020 г.

С.Л. Ивашевский

Ивашевский Станислав Леонидович, д.филос.н., проф.;
профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России
dr.isl@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2019

Статья принята к публикации 18.02.2020

Осуществлен анализ процесса цифровизации гуманитарного знания, его воздействия на культуру и социализацию личности. Данна характеристика основных направлений развития цифровой гуманитарной науки. Определены ее новые познавательные возможности, обогащающие методологию научных исследований. Обозначен ряд проблем цифровизации гуманитарного знания: дегуманизация общественных отношений, утрата человеком личной свободы, возможность манипуляции сознанием и поведением людей, кризис вос требованности гуманитарного знания, культурная несовместимость с традициями, снижение интеллектуальной культуры общества. Сделан вывод о необходимости гуманитарной экспертизы цифровых новаций с позиций сохранения центрального места человека в культуре.

Ключевые слова: цифровизация, гуманитарное знание, гуманитарная наука, электронная культура, цифровая культура, интеллектуальная культура.

Характеризуя состояние современной цивилизации и прогнозируя ее «шок» от будущего, известный футуролог Э. Тоффлер отмечал, что «компьютер ... с его беспрецедентной способностью к анализу и распространению чрезвычайно разных видов данных в невероятных количествах и с головокружительной скоростью ... в последнее время стал главной силой ускорения в приобретении знаний» [1, с. 44]. Преимущества компьютерной техники, технологий были быстро оценены человечеством и получили массовое распространение. От решения отдельных задач, стоящих перед человеком, с применением технического помощника компьютеризация взяла вектор на расширение сферы своего воздействия на индивидуальные и общественные жизненные траектории. Соблазнившись «компьютерным разумом», человек подчинил ему все сферы своей деятельности. Возникшая зависимость породила необходимость трансформировать жизненные потоки в «удобные» для техники формы. Так, на смену компьютеризации пришла цифровизация. Внешние успехи перехода к цифровому формату во всех сферах социальной активности превратили цифровизацию из технологического средства улучшения отдельных сторон человеческой жизни в символ, основную цель-ценность общественного развития, с претензией на универсальную способность к повышению эффективности всего, где бы она ни использовалась.

Развитие процессов цифровизации знаменует новый этап в судьбе человечества. На этом

этапе роль техники безмерно возрастает, а человек утрачивает свою былую роль главного инициатора и двигателя общественного прогресса. Новый социотехнологический уклад жизни лишает человека самой возможности что-либо решать без новационных технологий, и даже само их появление выходит у него из-под контроля. Очевидно, что эти процессы подводят человечество к определенной черте, за которой уже прорисовывается принципиально новый мир, основания которого требуют глубокого осмысливания. Требуется ответить и на главные вопросы: «Нужен ли человечеству этот новый мир?», «Каково место человека в цифровой культуре?», «Не ошиблись ли с выбором приоритетов?». Это определило и цель нашей работы – провести анализ процесса цифровизации гуманитарного знания, его воздействия на культуру и социализацию личности.

Данное направление исследований опирается на опыт интеллектуального переживания за будущее человека и человечества в связи с развитием технологизации общественных отношений, нашедший воплощение в творчестве Н.А. Бердяевой, Ж. Бодрийяра, Э. Тоффлера, С. Хантингтона.

Анализ нового технологического уклада жизни современного общества получил развитие в трудах В.Г. Буданова, Д.И. Дубровского, Е.В. Масланова, а отдельные проблемы, связанные с развитием цифровизации, раскрыты в работах С.В. Володенкова, В.В. Еременко, В.П. Иванова, В.А. Кутырева, Д.А. Мачерет, Л.В. Орловой, Н.Л. Соколовой, С.Н. Федорченко.

Значительный интерес для данной работы вызвали различные характеристики цифровизации гуманитарных наук, представленные в исследованиях Д.Ю. Кузьмина, Ю.Ю. Петрунина, Я.Д. Пруденко, А.И. Ракитова, Е.В. Самостиенко, Г.Л. Тульчинского, Б.Г. Юдина.

Интеграция вышеобозначенных теоретических позиций по отношению к технологическим новациям современности, определение позитивных аспектов развития цифровизации в современной гуманитарной науке, а также ее «уязвимых мест», вызывающих опасения перспективами формирования новых форм культуры и изменения места человека в мире, явились основными направлениями проведенного нами исследования.

Прежде всего необходимо отметить, что в своей основе цифровизация предполагает трансформацию значимой информации в цифровую форму для обеспечения ее эффективного использования в разных областях человеческой деятельности и формирования новых коммуникативных и познавательных возможностей. Расширяя же эти возможности, цифровизация сама уже создает новые среды обитания человека – цифровые, технологические, отличные от реальности, но претендующие на ее более совершенную замену. Таким образом, цифровизация сопутствует процесс становления и развития нового типа культуры – электронной. Она приобретает фундаментальное значение в жизни современного социума, выступая условием глобальных преобразований нашей цивилизации.

Электронная культура создает условия доступности цифровых технологий для масс, повышая уровень их проникновения в социальную систему и все общественные отношения. Доступность этих технологий позволяет формировать новые картины мира и способы его познания. Человек в таких условиях формируется как постоянно развивающаяся, открывая антропосистема [2]. Использование цифровых технологий, таким образом, актуализирует значение определения необходимых современному человеку компетенций, способствующих успешному взаимодействию с динамично развивающимся миром. Уже проявивший себя характер развернувшейся цифровизации настойчиво ставит вопрос о комплексных преобразованиях в деятельности всех институтов социализации, особенно системы образования. Очевидно, что все перемены должны носить обдуманный характер, опираться на серьезный анализ условий и перспектив исследуемого явления.

Отдельные требования (условия) цифровизации уже достаточно осознаны и воплощены в государственные проекты по преобразованию нашего социума. Так, утвержденная 28 июля

2017 г. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» к своим базовым направлениям относит развитие кадров и образования, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационную инфраструктуру и информационную безопасность [3]. Вместе с тем отметим, что в государственной программе «ставка» сделана на прикладную науку и новые технологии. Осознания же роли гуманитарного знания в процессах становления цифрового общества, видимо, еще недостаточно. Между тем, развитие цифровых технологий и их усиливающееся влияние на процессы познания привели к появлению нового типа знания – цифрового гуманитарного знания и нового типа наук – цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities). Они появились в середине XX века и постепенно из разряда вспомогательных перешли к самодостаточному существованию, формируя новые «горизонты» познания и свой методологический инструментарий.

Область исследований Digital Humanities охватывает интересы гуманитарных наук и методов, опирающихся на использование оцифрованных данных и специальных технических средств, способных формировать, хранить и обрабатывать большие массивы информации. В целом это открывает возможность для сохранения объемных пластов культуры, их хранения и передачи как представителям иных культур, так и последующим поколениям. При этом возможна реализация на новом уровне аналитической и прогностической функции гуманитарного знания.

Сейчас цифровые гуманитарные науки в основном развиваются по некоторым направлениям, включающим разработку методов технологической обработки больших массивов информации, улучшение их качества в направлении структурирования и четкости описания, создание условий для доступности материалов, необходимых исследователям, формирование интернет-площадок для обсуждения проблемных тем, развитие краудсорсинга (привлечение интернет-пользователей к участию в научной деятельности и развитие проектов гражданской науки).

В своем развитии эти направления формируют новые исследовательские программы, в которых цифровые технологии выступают катализатором научного прогресса. Цифровые технологии, считает Е.В. Масланов, могут способствовать формированию новых познавательных возможностей, связанных с не использовавшимися ранее формами представления исследовательского материала, что позволит выявлять те грани исследуемого объекта, которые нельзя было определить без новационных

способов презентации. Позитивное воздействие цифровизации на науку ученый видит в активном использовании различных программных продуктов для решения большого количества научных задач, создания социальных сетей для ученых, в вовлечении обычных граждан в научные исследования, формировании «гражданской науки» [4].

Новые познавательные возможности, созданные цифровыми технологиями, успешный менеджмент их инициаторов образовали целый пласт ученых-гуманитариев, учителей школ и преподавателей вузов, общественных деятелей и чиновников, ответственных за развитие научно-образовательной сферы нашего общества, уверовавших в непогрешимость «цифрового мира».

Признавая позитивные моменты в воздействии цифровых технологий на развитие науки, стоит отметить наличие и иной стороны «медали». Существует множество проблем как в реализации самой политики цифровизации, так и в последствиях ее расширения в жизни современного социума и его науки.

В среде ученых-гуманитариев сегодня часто обсуждаются следующие проблемы цифровизации гуманитарной сферы науки: дегуманизация человека; формирование зависимости исследователя от технических средств, утрата способности к самостоятельному творчеству; усиление контроля за научными идеями и «фильтрация» информации; возможность манипуляции действиями исследователя с помощью алгоритмов, заложенных в компьютерные программы; профессиональная неподготовленность гуманитариев к квалифицированному использованию технических средств, а программистов – к отражению специфики гуманитарного познания в создаваемом программном продукте.

Среди других проблема дегуманизации человека и общественных отношений в условиях возрастания роли техники и технологий является наиболее обсуждаемой в истории философской мысли. Одним из проявлений дегуманизации является лишение человека свободы и усиление контроля за его поведением и даже сознанием посредством применения технологических новаций. Э. Тоффлер, размышляя об обществе будущего, отмечал, что технология там должна послужить увеличению выбора и свободы человека, но при этом выразил сомнение в способности человека справиться с этим выбором. Новые технологии, на его взгляд, превратят выбор в свою противоположность, свободу – в несвободу [1, с. 307].

И сегодня ученые, пытающиеся дать объективную оценку цифровизации, отмечают, что всякая технология, способствующая прогрессивному развитию, может быть использована и во

вред ему. Так и цифровые технологии, призванные расширять пространство человеческой свободы, формировать новые горизонты личностного развития и межличностной коммуникации, используются для контроля за поведением человека, включая его личную жизнь, а также для манипулирования социальными процессами.

Возможность манипуляции связана с увеличением потока информации, в котором постепенно «тонет» человеческое сознание, продуцируя пессимизм и равнодушие как условия личностной пассивности и управляемости. Высоким манипулятивным потенциалом обладают и возникающие цифровые стигматы. Они позволяют искажать объективную реальность в интересах определенных социальных групп, формировать массовое сознание в «необходимом» направлении, выделяя из информационных потоков определенные факты и «нужные», «правильные» варианты их интерпретации. Возможно также появление вымыселных фактов, которые при умелом с ними обращении формируют вымыщенную реальность, вызывающую доверие масс и соответствующие, «запограммированные» образцы поведения [5].

Искажение информации, трансляция ложных знаний становятся все шире распространяющейся и крайне опасной в своих последствиях чертой современной технологизации. В таком формате развитие цифровизации все чаще приобретает криминальный характер, а также используется в политических целях. Это явление вызывает обеспокоенность и научного сообщества, которое все более ощущает давление лженаучного знания, подрывающего авторитет как самой науки, так и системы образования, государственных органов управления. В Президиуме РАН неоднократно поднимался вопрос о необходимости противостояния лженакуке, об опасности увеличения ее экспорта посредством новых информационных технологий.

Опасность для человека и общества представляет и возникновение зависимости от новых технологий и новых знаний. Мировые центры по их производству пользуются неоспоримым преимуществом в экономическом аспекте и в возможностях определять образ жизни и мыслей огромного количества людей по всему миру. Уже на Всемирном Саммите ЮНЕСКО по информационному обществу (2003 г.) отмечалось, что, кроме явных преимуществ (развитие экономики, основанной на знаниях, демократизация знаний), информационно-коммуникационные технологии способны усилить технологическую и экономическую зависимость [6]. Эти опасения в полной степени себя оправдывают. Современный вариант глобализации с его опо-

рой на «западные» стандарты жизни – подтверждение этому. Сама цифровизация является следствием глобализации и, одновременно, необходимым условием ее развития. Активность в цифровизации знаний – это проявление нацеленности на стандартизацию в понимании мира, его ценностей и перспектив.

В этих процессах вызревает и другая опасность – ограниченность в направлениях развития науки. Цифровизация создает спрос на знания и технологии определенного образца. Зависимость экономики от политики цифровизации предполагает усиленное развитие прикладной, технологичной науки, где гуманитарному знанию не остается достойного места. Общество же, обделенное гуманитарным знанием, само для себя становится главным источником опасности.

Рассматривая цифровизацию в контексте глобализационных процессов, отметим, что не все страны, культуры в равной степени и однозначно воспринимают это явление современности. Можно говорить о возникновении культурной несовместимости, когда ценности цифрового мира не принимаются культурной традицией. Возникшая в рамках определенной культуры, отмечал В.Ж. Келле, наука вместе с тем может вступать с ней в противоречие. Например, если «влияние науки рассматривается как экспансия «технического разума» – бездушного, безличного, стандартного, несовместимого с субъективностью, духовностью, человечностью мира культуры» [7, с. 11].

Таким образом, рассмотрение вопросов цифровизации гуманитарного знания не должно ограничиваться анализом развития цифровых технологий и их применением в современной науке, а должно затрагивать социокультурный контекст этих процессов – условия, особенности жизни и культуры социума, которому предложены стандарты цифрового мира. Это особенно важно понять при реализации политики цифровизации в России. Исторически ценностным основанием отечественной культуры стал гуманизм, и всякое явление, угрожающее ему, воспринимается как чуждое, неестественное, извне насаждаемое. Отечественная научная культура тоже имеет свой гуманистический стержень, вокруг которого и развивалось технологическое знание [8]. Замена оснований в научной культуре – это тяжелое испытание, которое отражается не только на состоянии науки и ученых, а выходит далеко за пределы научной сферы общественной жизни.

Соответственно, когда новации попадают на неподготовленную почву, не учитывают культурные традиции, возникают причудливые «плоды», искажающие весь изначально закла-

дывавшийся смысл преобразований. Уже доказавшая возможность позитивного воздействия на рост научного знания за рубежом, цифровизация в российских условиях преподнесла как неожиданные результаты, так и ожидаемые, но противоречащие духу, менталитету научно-образовательного сообщества. Бездумная технологизация административным давлением подчинила себе все: научную, образовательную деятельность, творчество, человеческие отношения.

Повсеместное внедрение цифровых технологий приводит к снижению интеллектуальной культуры общества. Когда «машина» начинает выполнять развивающие человеческий интеллект функции, развитие прекращается, а мыслительные способности деградируют. В условиях цифровизации гуманитарного знания массив информации заполоняет собой все пространство познания в ущерб смыслам этого знания. Глубинные пласти знания (смыслы) остаются вне поля деятельности исследователя, делая его труд поверхностным и непродуктивным с позиций задач роста научного знания и совершенствования самого человека, условий его существования. Еще Н. Луман отмечал, что «компьютер изменяет соотношение (доступной) поверхности и глубины... Поверхность теперь – это экран монитора, предполагающий предельно ограниченное обращение к человеческим чувствам; глубина же, напротив, невидимая машина, ныне способная в один момент пере-конструировать себя саму, например, реагируя на запрос пользователя. Связь поверхности и глубины может производиться в этом случае посредством команд, указывающих машине, что следует показать на экране или сформулировать в выражении. Сама же она остается невидимой» [9, с. 138]. Сама потребность в поиске смыслов, таким образом, исчезает. Это становится «нормой» в технологичном обществе. Машина, возникнув для облегчения жизни человека, сделала «легкость» самоцелью человеческого существования.

Кризис интеллектуальной культуры влечет исчезновение творчески мыслящей личности, которую можно рассматривать как стратегический ресурс информационного (постиндустриального) общества. Большую роль в развитии этого кризиса играет и изменение характера социальных коммуникаций. Именно «живое» общение стимулирует интеллектуальные процессы в личности. Переход на удаленное или виртуальное общение обедняет их, отрывая человека от социальной реальности. Постоянное обращение к услугам Интернета создает извращенное представление о познавательном про-

цессе. Создать научную работу (реферат, курсовую, дипломную работу и т.д.) – для многих сегодня означает нажать нужную кнопку компьютера. Это ведет к утрате самой способности к научному творчеству, неумению думать, анализировать, делать самостоятельные выводы. Подобные результаты цифровых новаций уже получили название – «цифровое слабоумие» (digital dementia).

Обозначенные проблемы цифровизации заставляют задуматься о перспективах развития нашей цивилизации, о возможных альтернативах будущего. Э. Тоффлер писал о том, что технологические новации, имеющие целью ускорение общественного прогресса, тем не менее разрушают естественную экологию человеческой рациональности и формируют мир, пугающий нас своими характеристиками [1, с. 400]. Такой «шок» мы сегодня переживаем, боясь даже представить свое будущее, наблюдая его основания в современной для нас реальности. Ж. Бодрияр писал, что компьютеры являются «смертью в миниатюре», а mass media и информация выходят сегодня на первый план, разрушая своим «иррациональным» неистовством все социальное [10, с. 52].

Стоит признать, что западные страны столкнулись с проблемой цифровизации общества раньше России и имеют большой опыт работы с ее положительными и отрицательными последствиями. Спецификой их подхода к проблеме является нацеленность на прикладной характер исследований с целью создания маркетинговых программ бизнес-структур. Примером этого является деятельность корпораций SuperData Research, PwC, Newzoo, специализирующихся на цифровом маркетинге индустрии игр, киберспорта, виртуальной реальности. Гуманитарный аспект проблемы в таком ракурсе уступает место интересам капитала, а человек становится все более зависимым от технологических новаций современности.

Отходя от крайних оценок перспектив современного общества, необходимо, видимо, представить дилемму нашего времени как, прежде всего, гуманитарную проблему статуса человека: сохранение его центрального места в культуре, места творца и созидателя либо переадресация этих функций технологиям, превращающим человека в бездумный приладок машины. Без развития гуманитарного знания, проявления гуманитарных экспертиз внедряемых технологических новаций выработать оптимальный вариант дальнейшего существования общества невозможно. Теория и методология гуманитарной экспертизы – объект пристального внимания отечественной науки 1990–2000-х го-

дов. В трудах И.И. Ашмарина, В.И. Бакштановского, С.Л. Братченко, Л.Г. Ионина, В.П. Козырькова, Г.Л. Тульчинского, Б.Г. Юдина гуманитарная экспертиза представлена как вариант оценки какого-либо социального проекта с позиций его соответствия интересам личности, идеям, ценностям и моделям позитивного развития общества и культуры. В таком контексте противоречивость цифровизации может получить определенность оценкой своей эффективности и целесообразности в широком историко-культурном пространстве страны и всего человечества.

Таким образом, раскрытие рисков цифровизации – задача, прежде всего, гуманитарного знания. Активизировав весь свой накопленный веками гуманистический потенциал, оно способно противопоставить поверхностному, pragmaticallyному знанию глубинные смыслы национальной культуры и всего человеческого существования. Поставив «цифру» под контроль гуманитарных наук, включив цифровые практики в контекст национальной культуры, человек продлит свое существование в качестве существа разумного и ответственного за этот мир.

Список литературы

1. Тoffлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ACT: ACT МОСКВА, 2008. 557 с.
2. Ярославцева Е.И. Философия цифрового пространства // Гуманитарные чтения РГГУ – 2008. Конференции. Научные семинары. Сборник материалов. М.: РГГУ, 2009. С. 71–89.
3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р). URL: <http://base.garant.ru/71734878/#ixzz5f82E9EkM> (дата обращения: 02.08.2019).
4. Масланов Е.В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // Цифровой ученик: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 1. С. 6–21.
5. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социс. 2018. № 11. С. 117–123.
6. Наука в информационном обществе. СПб.: ЮНЕСКО, Изд-во РНБ, 2004. 102 с.
7. Келле В.Ж. Наука как феномен культуры // Наука и культура. М.: Наука, 1984. С. 5–16.
8. Иващевский С.Л., Саберова М.Ш. Национально-культурные особенности развития современной юридической науки в России // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 130–135.
9. Луман Н. Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М.: Логос, 2005. 280 с.
10. Бодрияр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.

SOCIAL PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF THE HUMANITIES

S.L. Ivashevsky

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article analyzes the process of digitalization, its impact on the culture and socialization of the individual. The main directions in the development of digital humanities are characterized. New educational opportunities of digital humanities that contribute to enriching the methodology of scientific research are defined. A number of problems of digitalization of humanitarian knowledge are identified: dehumanization of social relations, loss of personal freedom, the possibility of manipulation of consciousness and behavior of people, crisis of demand for humanitarian knowledge, cultural incompatibility with traditions, decrease of society's intellectual culture. The author makes the conclusion about the necessity of humanitarian expertise of digital innovations from the standpoint of preserving the central place of man in culture.

Keywords: digitalization, humanitarian knowledge, humanities, electronic culture, digital culture, intellectual culture.

УДК 316

ВЕКТОРЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2020 г.

И.А. Савченко, С.В. Устинкин

Савченко Ирина Александровна, д.соц.н.; профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ
teosmaco@rambler.ru

Устинкин Сергей Васильевич, д.и.н., проф.; декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор кафедры международных отношений и политологии

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Статья поступила в редакцию 14.10.2019

Статья принята к публикации 05.02.2020

Предлагается сравнительное исследование отношения разных групп общественности к формам профилактики коррупционного поведения. Обсуждаются социально-экономические, социально-политические, масс-коммуникативные и психолого-педагогические составляющие профилактики коррупции. Используются данные анкетного опроса четырех групп респондентов: курсантов вуза МВД России, офицеров полиции, студентов гражданских вузов, представителей широкой общественности (лица гражданских профессий). По возрастному критерию выборка делится на молодежный сегмент (студенты и курсанты) и «взрослый» (офицеры и лица гражданских профессий). По профессиональному критерию выборка включает ведомственный сегмент (люди, имеющие отношение к деятельности органов правопорядка – офицеры полиции и курсанты вуза МВД России) и «гражданский» (представители гражданских профессий и студенты гражданских вузов). Отмечается, что большинство респондентов склонно полностью или частично опровергать мнение, что либерализация экономики и независимость рынка от государства являются лучшим средством профилактики коррупции в отношениях между бизнесом и властью (количество абсолютно несогласных преобладает в ведомственном сегменте). Выявлено несогласие с тем, что именно высокие зарплаты уберегут чиновников от коррупционных соблазнов (число полностью несогласных преобладает в молодежном сегменте выборки). Установлено, что во взрослом сегменте опрошенные возлагают особые надежды на формирование гражданской культуры как способа противодействия коррупции; молодежь возлагает данную функцию в первую очередь на СМИ; на воспитательный потенциал (образовательный и семейный) профилактики коррупции большое внимание обращают представители ведомственного сегмента; в молодежной среде большое значение придается психодиагностике, профессиональному отбору и тренинговым антикоррупционным методикам.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, профилактика, молодежь, офицеры полиции, рынок, гражданская культура, диагностика, воспитание, СМИ.

Введение

В последние несколько лет социологи стали уделять достаточно пристальное внимание проблеме коррупции и коррупционного поведения. Данная тенденция характерна как для отечественной, так и для зарубежной социологии. Изучаются различные аспекты общественного восприятия коррупции [1; 2], предлагаются новые подходы к эмпирическому изучению коррупции [3; 4]. При этом авторов интересуют различные уровни коррупционного поведения: от коррупции на платформе «электронного правительства» [5] до так называемой «бытовой коррупции» [6; 7]. В последнее время исследователи обратили внимание на вопросы социального восприятия проблемы коррупции [8; 9].

Проблема коррупции столь долго была объектом внимания исключительно юридической и, в какой-то степени, экономической науки, что в рамках социологии остается нерешенным большое количество вопросов, касающихся профилактики, предупреждения коррупции и, что особенно важно, отношения различных групп общественности к указанным вопросам.

Цель статьи – провести компартиативный анализ общественного восприятия векторов профилактики коррупции. Основные выводы и заключения основаны на результатах опросного исследования, в рамках которого выявляется отношение разных групп общественности к степени эффективности мер профилактики коррупции. Отметим, что мы сознательно обходим вопросы общественного восприятия правового

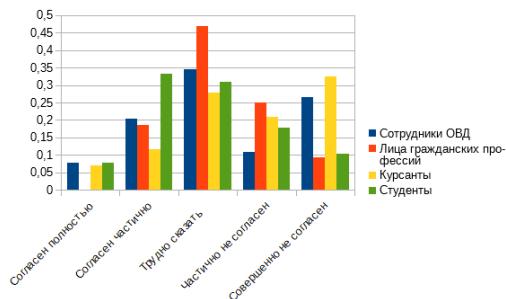

Рис. 1. Степень согласия респондентов с утверждением «В большинстве случаев объектами коррупционеров становятся предприниматели, вынужденные «делиться» с представителями власти. Чтобы бороться с коррупцией, нужно дать бизнесу абсолютную свободу, чтобы он ни в чем не зависел от государства. Рыночные отношения сами себя уравновесят, и коррупционные отношения потеряют смысл» (удельный вес)

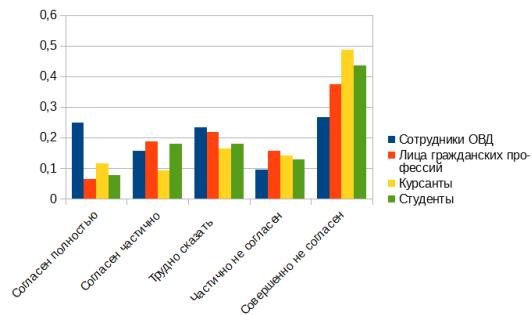

Рис. 2. Степень согласия респондентов с утверждением «Когда у всех потенциальных коррупционеров будут большие зарплаты, они не совершают преступления, опасаясь потерять хорошую работу» (удельный вес)

регулирования предупреждения коррупции (они освещались в других работах [10]) и заостряем внимание на социально-экономических, социально-политических, масс-коммуникативных и психолого-педагогических векторах восприятия различными группами населения вопросов, связанных с профилактикой коррупции в российском обществе.

Методы исследования и характеристика выборки. В качестве исследовательского метода использован анкетный опрос: респондентам было предложено выразить степень своего согласия/несогласия с предложенными утверждениями, выбрав один из вариантов ответа: «согласен полностью», «согласен частично», «трудно сказать», «частично не согласен», «совершенно не согласен».

Целевая выборка включала: 1) офицеров полиции (164 человека от 23 до 52 лет); 2) будущих офицеров полиции – курсантов вузов Министерства внутренних дел Российской Федерации (164 человека от 18 до 22 лет); 3) людей, представляющих различные гражданские профессии (132 человека 23–54 лет); 4) студентов гражданских вузов (139 человек от 18 до 22 лет). Выборка дифференцирована по возрастным критериям: студенты и курсанты, офицеры и лица гражданских профессий; по профессиональным основаниям: лица, имеющие отношение к деятельности ОВД (курсанты и офицеры полиции), и лица (студенты и люди гражданских профессий), чья профессиональная деятельность (в настоящем или будущем) не связана с работой правоохранительных органов. Исследование было проведено в Приволжском федеральном округе.

Неоценимую помощь в сборе эмпирического материала и обработке результатов опроса ока-

зала авторам кандидат психологических наук, доцент Л.А. Снегирева, в связи с чем авторы выражают Людмиле Анатольевне искреннюю признательность.

Результаты опроса и их обсуждение

Респондентам были заданы вопросы, ответы на которые должны были выявить отношение к тому или иному вектору профилактики коррупции. Первые два вопроса определяли отношение опрашиваемых к социально-экономическим аспектам профилактики коррупционного поведения (рис. 1, 2).

Существует мнение [10, с. 298], что коррупцию порождает такой экономический уклад, при котором избыточное регулирование экономической жизни со стороны государства порождает зависимость представителей бизнеса от чиновника, вернее – от его произвола. Поэтому мы начали наш опрос с изучения отношения общественности к тому, насколько взаимосвязаны государственное регулирование экономики и коррупция. Приступая к анализу диаграммы на рисунке 1, отметим, что убежденность в том, что абсолютная свобода бизнеса от надзора государственных чиновников не оставляет в социуме места для коррупции, является либеральной и восходит к концепции невмешательства (франц. *laissez-faire*) Адама Смита. Многим из нас известна знаменитая метафора А. Смита о «невидимой руке рынка», уравновешивающей без какого-либо вмешательства со стороны государства все процессы в обществе [11, с. 154–156]. В последние десятилетия классическая либеральная концепция *laissez-faire* трансформировалась в неолиберальную, в которой провозглашается, что государство не только не

должно ограничивать свободу рынка, но обязано сделать ее обеспечение основным приоритетом общественного развития [12, с. 55].

Однако неолиберальная концепция, которая в наши дни получила название рыночного фундаментализма, подвергается обширной критике со стороны не только идеологов плановой экономики, но и крупных финансистов, например Д. Сороса [13, с. 159]. Среди наших респондентов, как мы видим, такая концепция тоже не получила явной поддержки. Очевидно, наши сограждане в большинстве своем полагают, что рыночные процессы должны так или иначе контролироваться и координироваться государством.

Заметное количество сотрудников ОВД (20.30%), лиц гражданских профессий (18.70%), студентов (33.30%) и очень незначительная часть курсантов (11.60%) согласились с либеральной позицией частично, очевидно, полагая, что излишний или чрезвычайно строгий контроль за бизнесом, действительно, в ряде случаев может иметь нежелательный эффект. Большое количество «сомневающихся» свидетельствует, что вопрос о степени регулируемости и управляемости рынка, в особенности малых форм бизнеса, в условиях противостояния коррупции не решен окончательно.

Продолжая изучать собственно экономические аспекты коррупции и ее профилактики, но уже в отношении государственных служащих, мы предложили респондентам вопрос «Если у человека высокая зарплата, совершил он коррупционное деяние или страх потерять хорошую работу (а тем более страх понести административное или уголовное наказание) остановит его?».

Мнения представителей гражданских профессий по данному вопросу разделились (рис. 2), и все же большая часть из них высказывает полное (37.5%) или частичное (15.6%) несогласие с тем, что высокие зарплаты – эффективное средство предупреждения коррупции. Им вторят участники молодежных выборок: абсолютное большинство курсантов и студентов убеждено в абсолютной или недостаточной эффективности высокой заработной платы как средства профилактики коррупции.

Наибольшие надежды на высокие зарплаты как средство предупреждения коррупционного поведения возлагают сотрудники ОВД: 25% из них полностью, а 15.6% частично согласны с тем, что большие зарплаты удержат потенциальных коррупционеров от совершения преступлений. Можно предположить, что офицеры полиции, давшие подобный ответ, в профессиональной деятельности сталкивались со случаями, когда нехватка средств подталкивала чело-

века на коррупционное деяние. Вместе с тем 26.6% сотрудников ОВД, напротив, категорически не согласны с утверждением: очевидно, в их профессиональном опыте было больше случаев, когда должностное лицо, имеющее хорошую заработную плату и многие привилегии, все же совершило коррупционное деяние.

Вопрос о взаимозависимости коррупционного поведения должностного лица и его заработной платы – весьма сложный, и, вполне вероятно, на него нет однозначного ответа. Офицеры полиции, затруднившиеся ответить (23.40%) на поставленный вопрос, как мы полагаем, имели возможность наблюдать различные примеры мотивов коррупционных деяний, совершаемых как нуждающимися, так и вполне благополучными людьми. Тем не менее самыми коррумпированными странами мира неизменно оказываются беднейшие страны с очень низким уровнем жизни и низким уровнем заработной платы. В этих же странах наблюдается самый низкий уровень восприятия коррупции: люди склонны воспринимать коррупцию как обычное явление повседневной жизни. Так, этот индекс в Афганистане составляет 15 единиц, Сирии – 14, Судане – 12, Сомали – 9 [14].

Социально-политические аспекты отношения разных групп общественности к профилактике коррупционного поведения так или иначе связаны с оценкой уровня сформированности гражданской культуры. Более полувека назад американские социологи Габриэль Алмонд и Сидней Верба объясняли такие отношения коррупционного характера, как «блат», протекционизм, дорогие подарки, «благодарности», несформированностью («патриархальностью») гражданской культуры [15, с. 97–99]. В российской науке также наблюдается исследовательский тренд на осознание взаимозависимостей сформированности гражданского общества и эффективного противодействия коррупции как внутри страны [16], так и в международном формате [17].

Весьма показательно, что 84% офицеров полиции частично (42%) или полностью (42%) признают роль гражданской культуры в формировании гражданского общества (рис. 3). Очевидно, профессиональный опыт так или иначе приводит к пониманию, что противодействие коррупции возможно лишь тогда, когда для каждого гражданина на индивидуальном уровне коррупционное поведение станет неприемлемым, противоречащим нормам гражданской культуры.

В то же время необходимо признать, что сам концепт гражданской культуры многими членами общества воспринимается как непонятный, не сформулированный до конца. Именно поэтому

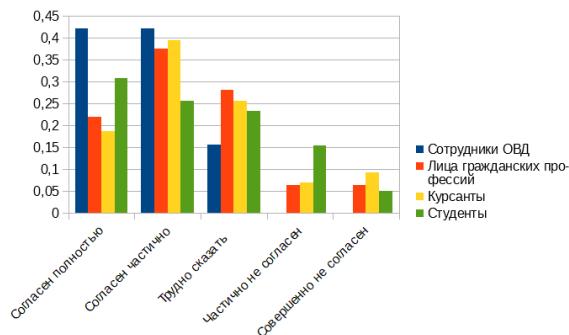

Рис. 3. Степень согласия респондентов

с утверждением «Коррупция – пережиток патриархального общества, где коррупционные отношения («бллат», дорогие подарки, «благодарности») являются нормой. Для того чтобы противодействовать коррупции, должен измениться общественный взгляд на проблему. В обществе должна сформироваться гражданская культура» (удельный вес)

среди курсантов, студентов и лиц гражданских профессий так много тех, кто испытал трудности при ответе на обсуждаемый вопрос.

Роль средств массовой информации в предупреждении коррупции – ещё один актуальный, злободневный и дискуссионный вопрос, связанный с темой нашего исследования (рис. 4).

Абсолютное большинство голосов во всех категориях респондентов у пункта «согласен полностью» (здесь лидируют курсанты – 51.2%; у студентов – 48.70%) или «согласен частично» (здесь наибольший показатель у лиц гражданских профессий – 59.40%). Сотрудники полиции также признают большую роль СМИ в предупреждении коррупции, однако часть из них возлагает на средства массовой информации очень большие надежды (ответ «полностью согласен» у 35.90%), другая же часть полагает, что усилия СМИ должны подкрепляться усилиями с других сторон, в первую очередь со стороны гражданского общества.

Значение средств массовой коммуникации, в том числе электронных, в информационном обществе сложно переоценить, поэтому любой социально значимый процесс в обществе так или иначе сопрягается с деятельностью медийных структур. Не случайно и научно-педагогическое сообщество, и правоохранительные органы, и широкая общественность сегодня осознают роль СМИ в профилактике и предупреждении коррупции [18; 19]. Весьма важно, чтобы средства массовой коммуникации также осознавали степень своей социальной ответственности в противодействии коррупции.

Психолого-педагогический вектор антокоррупционной работы включает в себя воздействие на развитие индивида двух важнейших социальных институтов социализации: института образования и института семьи.

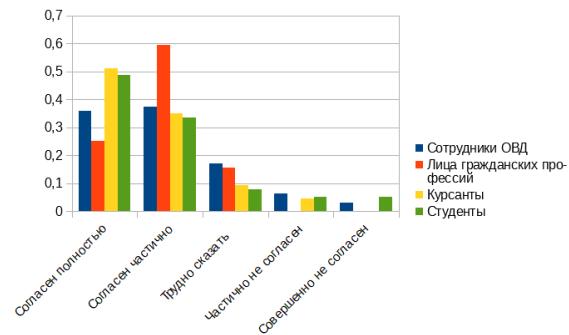

Рис. 4. Степень согласия респондентов

с утверждением «К борьбе с коррупцией должны подключиться СМИ и создавать специальные программы, направленные на предупреждение и противодействие коррупции» (удельный вес)

Что касается роли социальных институтов образования в профилактике любых девиаций, в том числе коррупции, наши респонденты признают их значимость (рис. 5).

Тех, кто отрицает роль образования в профилактике коррупционного поведения, чрезвычайно мало во всех четырех выборках. Вместе с тем в ведомственных выборках респонденты возлагают на институт образования больше надежд (около 58% курсантов и офицеров полиции полностью согласны с утверждением, приведенным в заголовке диаграммы), нежели члены гражданских выборок. Профилактика коррупционного поведения сегодня стала значимой составляющей деятельности образовательных учреждений Российской Федерации [20].

Диаграмма на рисунке 6 иллюстрирует отношение респондентов к роли семьи в профилактике коррупционного поведения. В гражданской выборке роль семьи в данном контексте оценивается более скромно, чем в ведомственной. Студенты, которые в своем большинстве ближе всего к родительской семье, либо затрудняются ответить (28%), либо признают антикоррупционную функцию семьи лишь отчасти (31%). Среди представителей гражданских профессий частично признают антикоррупционный потенциал семейного воспитания 56% и только 9.4% признают его полностью.

Участники ведомственной выборки, которые в рамках настоящей или будущей профессии призваны в большей степени рефлексировать проблему коррупционного поведения, склонны оценивать роль семьи достаточно высоко. 32.5% курсантов полностью разделяют мнение, что «только посредством воспитания в семье человек может усвоить, что коррупция – недопустимое зло», и гораздо большее количество (46.50%) разделяет мнение частично. Что ка-

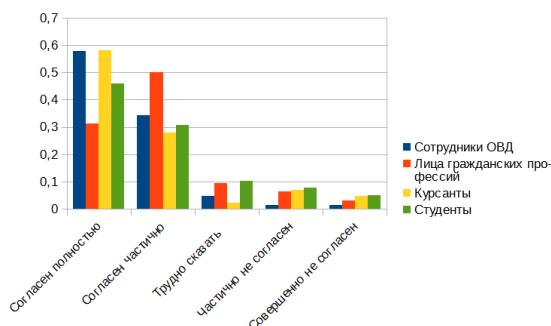

Рис. 5. Степень согласия респондентов с утверждением «Борьбу с коррупцией нужно начинать со школы и детского сада и продолжать ее далее в учебных заведениях (вузы, ссузы). Нужна программа специальных занятий, направленных на воспитание правосознания молодых сограждан» (удельный вес)

сается офицеров полиции, то, напротив, 43.7% из них склонны соглашаться с утверждением полностью, и только 35.90% согласны с этим утверждением частично.

Вопрос о роли семьи в формировании антикоррупционного стандарта поведения гражданина, по-видимому, весьма сложен, с исследовательской точки зрения. Не случайно количество публикаций по данному вопросу невелико и значительно уступает числу публикаций, например, о роли образования в профилактике коррупционного поведения.

В сложившихся условиях необычайно ценен обмен научно-исследовательским и воспитательным опытом с коллегами из ближнего зарубежья, в частности из Республики Казахстан [21].

В контексте нашего исследования было достаточно важно и интересно узнать отношение респондентов к психодиагностическим методам отбора должностных лиц как к одному из способов предупреждения коррупции. Как видно из диаграммы на рисунке 7, наибольший скептицизм в данном случае зафиксирован у лиц гражданских профессий: только 18.7% из них полностью признают возможности психоdiagностики и такое же количество частично не признает ее возможностей.

Участники молодежных выборок более оптимистично относятся к потенциальному психоdiagностическим методам: 39.5% курсантов и 41% студентов полностью соглашаются с тем, что «нужно совершенствовать психоdiagностические методики профессионального отбора должностных лиц для установления коррупционной предрасположенности индивида».

Среди офицеров полиции 29.70% согласны с этим мнением полностью, 35.9% – частично. Таким образом, действующие сотрудники правоохранительных органов относятся к потенциальному психоdiagностики в профилактике долж-

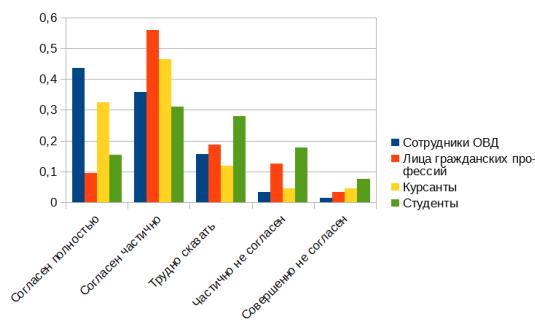

Рис. 6. Степень согласия респондентов с утверждением «Только посредством воспитания в семье человек может усвоить, что коррупция – недопустимое зло» (удельный вес)

ностной коррупционной преступности достаточно взвешенно, не преувеличивая, но и не преуменьшая роль психоdiagностики в предупреждении коррупции.

Психолого-педагогический вектор профилактики коррупции не ограничивается использованием психоdiagностических методик в процессе профессионального и должностного отбора. Такой подход предполагает применение специальных психолого-педагогических методик и тренингов, направленных на профилактическую и коррекционную работу с возможными коррупционерами [22]. Отношение респондентов к подобным методикам и тренингам отражено на рисунке 8.

Как видим, число респондентов, безоговорочно возлагающих надежды на антикоррупционную педагогику, невелико и варьируется от 9.40% у представителей гражданских профессий, чей скептицизм по отношению к любым психолого-педагогическим усилиям проявился уже в ответе на предыдущий вопрос, до 23% у студентов. Вместе с тем во всех выборках преобладают «частично согласные» с тем, что «с помощью специальных психолого-педагогических методик и тренингов, направленных на профилактическую и коррекционную работу с возможными коррупционерами, можно предупредить многие коррупционные деяния». Достаточно велико и количество тех, кому «трудно сказать». Таким образом респонденты признают, что не являются специалистами в данной сфере.

Заключение

Проведенное исследование проливает свет на сходства и различия в понимании разными группами общественности приоритетных направлений профилактики коррупционного поведения. Полученные данные могут быть

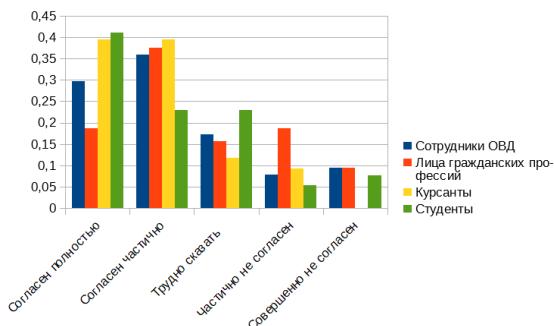

Рис. 7. Степень согласия респондентов с утверждением «Нужно совершенствовать психодиагностические методики профессионального отбора должностных лиц для установления коррупционной предрасположенности индивида» (удельный вес)

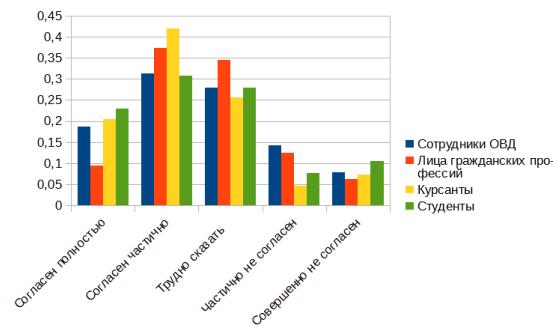

Рис. 8. Степень согласия респондентов с утверждением «С помощью специальных психологического-педагогических методик и тренингов, направленных на профилактическую и коррекционную работу с возможными коррупционерами, можно предупредить многие коррупционные деяния» (удельный вес)

использованы для совершенствования социальных коммуникаций между общественностью и властью, между правоохранительными органами и различными социальными группами. Коррупция – это проблема, которая имеет отношение ко многим происходящим в обществе процессам, отражается на социальной динамике в целом. Противодействие коррупции должно быть комплексным и системным. В данном контексте социологические исследования способствуют созданию эффективного фундамента для профилактики коррупционного поведения.

Исследование позволило выявить ряд важных вопросов, касающихся коррупции и ее профилактики. Прежде всего мы увидели, что вопросы, связанные с предупреждением коррупционного поведения в целом, волнуют различные категории российских граждан. Мы не можем говорить о проявлениях крайних степеней терпимости либо нетерпимости в отношении коррупционеров, однако мы могли убедиться, что информированность, характерная в первую очередь для офицеров полиции, позволяет оценивать остроту проблемы более комплексно и глубоко.

Нужно признать, что в данной статье не освещены некоторые базисные причины тех или иных показателей общественного мнения в отношении профилактики коррупционного поведения. Если вернуться к диаграммам, представленным в тексте статьи, нетрудно заметить, что нередко мы имеем дело с ситуацией, когда в группе опрашиваемых фиксируется практически равное количество согласных (полностью или частично) и не согласных с определенным утверждением. Можно предположить, что в подобных ситуациях ключевое влияние на мнение респондента оказывают не возраст и не профессия, а иные переменные. Что это за переменные и как они влияют на восприятие возможностей

профилактики коррупционного поведения – на эти и некоторые другие вопросы предстоит ответить в работах, которые будут опубликованы в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Friesenbichler K.S., Selenko E., Clarke G. Perceptions of corruption: an empirical study controlling for survey bias // Journal of Interdisciplinary Economics. 2018. V. 30. № 1. P. 55–77.
2. Шедий М.В. Коррупция и население: проблема понимания и оценки степени распространенности в российском обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 10–20.
3. Белянин А.В., Бобкова Н.В., Эгберт Х., Косалс Л.Я. Экспериментальные методы исследования коррупции в экономических и социологических науках // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 61–88.
4. Савченко И.А., Снегирева Л.А. Коррупционная направленность личности в эмпирическом измерении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 77–83.
5. Saxena S. Factors influencing perceptions on corruption in public service delivery via e-government platform // Foresight. 2017. V. 19. № 6. P. 628–646.
6. Номоконов М.В., Русанова А.А. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 2 (27). С. 254–257.
7. Трунцевский Ю.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 157–168.
8. Saxena S. Perception of corruption in e-government services post-launch of «digital India»: role of demographic variables // Digital Policy, Regulation and Governance. 2018. V. 20. № 2. P. 163–177.
9. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Коррупционная личность в восприятии профессиональных и возрастных социальных групп // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 135–144.

10. Лагов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М.: Норма, 2006. 336 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эсмо, 2007. 960 с.
12. «Невидимая рука» рынка / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 408 с.
13. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности: М.: ИНФРА-М, 1999. 261 с.
14. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя редакция: 25.08.2018). Режим доступа: URL: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 12.10.2019).
15. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
16. Яковчук С.А. Участие институтов гражданского общества в противодействии коррупции // Проблемы науки. 2016. № 2 (3). С. 39–41.
17. Суханов В.А. Гражданское общество – основа международного сотрудничества в борьбе с коррупцией // Право и управление: XXI век. 2014. № 3 (32). С. 42–46.
18. Голубовский В.Ю., Синюкова Т.Н. Роль средств массовой информации в противодействии коррупции // Казанский педагогический журнал. 2016. № 2–2 (115). С. 400–403.
19. Петрова Т.И. Роль СМИ в освещении борьбы с коррупцией // Вестник экономической безопасности. 2009. № 3. С. 112–114.
20. Хайрутдинова Л.Р. Антикоррупционное образование в образовательной системе России // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 6–7 (10–11). С. 4–6.
21. Жусупбекова М.К. Роль семьи в формировании антикоррупционной культуры у молодежи // Вопросы современной юриспруденции: Сб. ст. по матер. LXVIII Междунар. науч.-практ. конф. № 16 (62). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 34–37.
22. Микитюк Ю.В., Заброва Д.Г. Предупреждение коррупции: психолого-педагогический подход // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 40–46.
23. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Истоки коррупции в эмпирическом измерении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 77–83.

VECTORS OF CORRUPTION PREVENTION IN PUBLIC OPINION FOCUS: AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE RESEARCH

I.A. Savchenko^{1,2}, S.V. Ustinkin^{1,3}

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod

² Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

³ Volga branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

In this paper, we present the results of a comparative study of the attitude of different public groups towards various forms of corrupt behavior prevention. Socio-economic, socio-political, mass-communication and psycho-pedagogical components of corruption prevention are discussed.

The study uses the data of a questionnaire survey conducted in four groups of respondents: cadets of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police officers, students of civil universities, representatives of general public (persons of civil professions). The sample split according to two criteria. According to the age criterion, the sample is divided into a youth segment (students and cadets) and an «adult» segment (officers and persons of civil professions). According to the professional criterion, the sample includes, on the one hand, the people involved in the activities of law enforcement agencies (police officers and cadets), and, on the other hand, the «civil» segment (representatives of civil professions and students of civil universities).

It was found that the majority of respondents tend to completely or partially refute the view that economy liberalization and the market's independence from the state are the best means of preventing corruption in relations between business and power. Notably, the number of absolutely dissenting prevails in the segment of police officers and cadets. The interviewed persons also predominantly disagree that it is high wages that will protect officials from corruption temptations. In this case, the number of completely dissenting prevails in the youth segment of the sample.

In the adult segment, respondents place special hopes on the civil culture development as a way to counter corruption, while young people place this function primarily on the media. Police officers and cadets pay more attention to the educational potential (school and family) of corruption prevention. In the youth environment, great importance is attached to psychodiagnostics, professional selection and training anticorruption methods.

Keywords: corruption, corrupt behaviour, prevention, youth, police officers, market, civic culture, diagnostics, education, media.

УДК 316.334:61

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ СОКРАЩЕНИЯ

© 2020 г.

H.A. Вялых

Вялых Никита Андреевич, к.соц.н.; докторант, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
sociology4.1@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 14.10.2019
Статья принята к публикации 05.02.2020*

Рассматриваются практические подходы к снижению степени дифференциации потребления медицинской помощи в современном российском обществе. Актуальность исследования продиктована необходимостью создания доступного и эффективного пространства здравоохранения в России. Новизна работы заключается в определении противоречия между явными функциями и реальными интересами различных агентов в системе здравоохранения. Доказывается, что интересы государства и потребителей в сфере медицинского обеспечения в основном сходятся. Однако общество до сих пор ожидает поддержки и заботы со стороны государства, а государство постепенно снижает степень своего участия. Выделены теоретические и методологические предпосылки социологического понимания социальных различий в сфере потребления медицинской помощи, а также определен комплекс мер позитивизации поведенческих стратегий акторов в контексте трансформации института здравоохранения в современной России. Особое внимание уделяется анализу поведенческих и структурных измерений неравенства в доступности медицинской помощи. Делается вывод о возможности сглаживания социального неравенства потребителей медицинской помощи посредством конкретизации гарантий бесплатной медицинской помощи и ответственности агентов, сокращения непосредственных платежей пациентов, интеграции процесса лечения, социального диалога и инфосоциализации агентов.

Ключевые слова: социальное неравенство, потребление медицинской помощи, доступность медицинской помощи, российское здравоохранение, агенты, трансформация, институциональные механизмы.

Введение

Медико-социальные, ментальные, социокультурные и институциональные проблемы формирования и воспроизведения практик медицинской активности – это мейнстрим современной социологической мысли. Отдельного рассмотрения заслуживают несправедливые различия в сфере потребления медицинской помощи и способы их нивелирования. В социологической перспективе справедливость – это социально релятивные представления общества и человека о должном порядке вещей в какой-либо сфере жизнедеятельности. В социологии здравоохранения предметом социологических исследований, как правило, становятся несправедливые социальные различия, при которых представители разных социальных страт имеют неодинаковые шансы на получение медицинской помощи. Например, если пол, возраст, территория проживания, уровень дохода, род деятельности и другие социально-статусные параметры существенно снижают доступность медицинской помощи для определенных социаль-

ных групп населения, то мы можем говорить о несправедливых различиях [1].

По оценкам представителей Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, лидерами в списке основных направлений перемен, которых ждут от государства россияне, являются усиление социальной справедливости, борьба с коррупцией, преодоление нефтегазовой зависимости экономики России, развитие науки, образования, здравоохранения и культуры [2, с. 93].

В социальных представлениях россиян неравенство в доступе к медицинской помощи является самым болезненным для общества и личности видом неравенства, а болезни, инвалидность – второй после алкоголизма и наркомании причиной бедности [3]. Но далеко не все социальные неравенства в сфере здравоохранения можно определить как несправедливые, так как доступ к медицинской помощи зависит не только от факта наличия/отсутствия объективных возможностей для удовлетворения медицинских потребностей населения, но и не в меньшей степени от сознательной активности от-

дельно взятого человека. Например, если при одинаковой конфигурации экономического и социального капиталов (дохода, связей, знакомств, среды обитания) один из двух пациентов обладает большим культурным и символическим капиталом (осведомленность о деятельности регионального здравоохранения, информационная и правовая грамотность, знание медицинских терминов, понимание статуса своего здоровья и т.п.) и в силу этого достигает быстрее и менее затратно по ресурсам своей цели (получение адекватной медицинской помощи), то едва ли можно говорить, что такое различие оказалось несправедливым [4, с. 126]. По мнению М. Пулока, справедливость в здравоохранении достигается, когда потребность определяет распределение и использование медицинских услуг независимо от таких параметров, как доход, регион, образование, профессия [5].

О методологических установках и теоретических традициях социологического исследования неравенства потребителей медицинской помощи мы подробно писали на страницах «Вестника науки Сибири» в 2018 г. [6], поэтому в данной статье мы сфокусируемся на анализе существующих факторов воспроизведения социального неравенства потребителей в пространстве института здравоохранения в современном российском обществе и научном поиске институциональных механизмов – антагонистов процесса дифференциации в этой сфере.

Есть ряд причин, актуализирующих значение социологического изучения социальных различий потребителей медицинской помощи. Они весьма характерны именно для российского общества. Основная из них – продолжающиеся реформы в системе здравоохранения и связанная с ними необходимость пересмотра политики и роли государства, а также других системообразующих социальных институтов (прежде всего семьи, религии, образования, здравоохранения и средств массовой коммуникации) в этом процессе. Стремительное старение российского населения и повышение планки пенсионного возраста требуют пересмотра государственной социальной политики в сфере здравоохранения в интересах пролонгации трудоспособного возраста и создания условий для активного долголетия. Повышение показателя ожидаемой продолжительности жизни населения не должно быть самоцелью. Это значимый, но не интегральный индикатор эффективности демографической политики и системы здравоохранения. Магистральным направлением социальной политики должно быть повышение качества жизни населения; а социология, обладая широким набором инструментария, способ-

на количественно и качественно измерять степень удовлетворенности населения различными сферами повседневной жизни, и в том числе деятельностью организаций здравоохранения. Не менее важный аргумент в пользу актуальности – значимость ревизии и модернизации существующих методологических подходов и методик диагностики доступности услуг здравоохранения как социального института. Отсутствие ясности в отношении концепций дифференциации потребителей в сфере здравоохранения может иметь серьезные последствия на стадии распределения ресурсов, поскольку социальная справедливость нередко исключается из программ социального развития общества [7].

Теоретико-методологические подходы

Проблемное поле формирования равнодоступности медицинской помощи обнаруживается в противоречии между институциональной средой, которая лимитирует способности и возможности человека удовлетворять свои потребности в физическом, психическом, социальном и духовном здоровье, и ментальными программами, детерминирующими практики здравоохранительной активности. Для разрешения этого противоречия необходимо разрабатывать структурно- и личностно-ориентированные социальные технологии, обеспечивающие устойчивое развитие института здравоохранения. Отдельные аспекты функционирования здравоохранения и управления здоровьем в современном российском обществе являются предметом множества научно-исследовательских практик, в том числе междисциплинарных, однако проблематика дефиниции институциональных механизмов сглаживания социального неравенства потребителей медицинской помощи разработана недостаточно как в плане научной рефлексии, так и в практиках прикладных исследований. В ряде западных стран (в США, в частности) социологический мониторинг национального прогресса в достижении равенства в области здравоохранения уже давно выведен на уровень институциональной практики как в самой науке, так и в повседневности здравоохранения на национальном, региональном и локальном уровнях [8].

Адаптируя к предметности нашего исследования различные подходы к определению понятия институционального механизма, разработанные преимущественно экономистами [9–11], институциональный механизм сглаживания социального неравенства потребителей медицинской помощи можно интерпретировать как комплекс социальных норм, направленных на

Таблица 1

Соотношение социальных функций и интересов ключевых агентов института здравоохранения в России

Агенты	Формальные функции	Реальные интересы
Государство	Обеспечение и регулирование условий для удовлетворения медицинских потребностей общества	Снижение бюджетной финансовой нагрузки в сфере здравоохранения
Медицинские организации	Профилактика, диагностика, лечение заболеваний	Сохранение монополии на оказание медицинской помощи, извлечение прибыли и защита профессиональной репутации
Страховые медицинские организации	Посредническое финансирование, организация и экспертиза в сфере оказания медицинской помощи	Максимизация прибыли
Потребители медицинской помощи	Выбор медицинской организации, врача, страховой медицинской организации, выполнение медицинских предписаний и рекомендаций	Получение своевременной, безопасной и адекватной медицинской помощи с минимальными временными и финансовыми издержками
Производители и реализаторы фармацевтической и медико-технической продукции	Производство и реализация качественных и эффективных препаратов и медицинских продуктов	Максимизация прибыли
Медицинская реклама	Информирование потребителей о возможностях получения медицинских услуг	Максимизация прибыли
Работодатели	Уплата страховых взносов, организация медицинских осмотров, инициативная медицина в программах добровольного медицинского страхования	Повышение трудоспособности работников при минимальных затратах

повышение доступности услуг здравоохранения посредством трансформации и согласования формальных функций и реальных интересов заинтересованных агентов. К ключевым агентам в сфере здравоохранения относятся государство и его полномочные представители федерального и регионального уровней (министерства, фонды обязательного медицинского страхования), медицинское сообщество и медицинские организации, страховые медицинские организации, потребители медицинской помощи как потенциальные и реальные пациенты, фармацевтические корпорации, производители медицинской техники, средства массовой коммуникации как каналы медицинской рекламы. Здравоохранение в современной России – это не только социальный институт, охраняющий здоровье человека и общества, но и социальное поле пересечения интересов вышеперечисленных агентов. Формальные функции и реальные интересы основных агентов зачастую контрапосторонны (см. табл. 1).

Любой социальный институт, с точки зрения структурно-функционального подхода, выполняет интегрирующую и дифференцирующую функции. Институт здравоохранения отправляет, с одной стороны, явную функцию поддер-

жания и улучшения индивидуального и общественного здоровья, с другой – скрытую функцию дифференциации потребителей в интересах рационального распределения и перераспределения дефицитных медицинских ресурсов. Спрогнозировать реальные потребности, а не мнимые желания пациентов в медицинской помощи достаточно сложно, поэтому все нормативы оказания медицинской помощи в современной России рассчитываются «сверху вниз» – от возможностей бюджета, а не снизу вверх – от потребностей личности и общества. Например, «представления о здоровье, которые реализуют в своей практике врачи и фармацевты, определяются корпорациями ... у кардиологов одно представление о здоровье и соответствующая социальная практика, у дерматологов – другое. Нередки случаи, когда какая-то болезнь становится социальным фактом только потому, что корпорация это пролоббировала» [12, с. 20]. Особенно это актуально для формирования программ активного долголетия и благополучного старения, пересмотря существующих подходов к поддержанию и сохранению здоровья пожилых людей [13], так как именно старшие возрастные когорты испытывают сравнительно большие потребности в медицинской помощи и

чаще других становятся депривированной социальной группой [14, с. 88]. Немаловажным фактором, способным снизить доступность медицинской помощи, является стигматизация, лишающая уязвимые группы населения со специфическими медицинскими потребностями (психические заболевания, ВИЧ, рак, лепра) возможности воздействовать на социальные контексты, определяющие их опыт, поведение и действия как пациентов [15].

Государство заинтересовано в сокращении степени финансового и организационного участия в здравоохранении, в то время как медицинские организации стремятся к расширению влияния и укреплению авторитета в обществе. Для медиков, страховщиков, фарминдустрии важно наличие пациентов и финансовых потоков, которые за ними идут из различных источников: фондов обязательного и добровольного медицинского страхования, субсидий из государственного бюджета, прямых платежей формального и неофициального характера.

Что касается интересов государства и общества в сфере здравоохранения, то они в целом согласуются, однако люди не готовы полностью нести бремя расходов на услуги здравоохранения, несмотря на отчетливую динамику ослабления механизмов государственного контроля и надзора. Степень персональной ответственности человека за свое здоровье и благополучие увеличивается, а организационно-финансовые функции в сфере здравоохранения государство делегирует другим агентам (фондам обязательного медицинского страхования и страховыми медицинскими организациям).

Вышесказанное подтверждается социологическими данными, полученными нами в ходе реализации технического задания гранта Президента РФ МК-4089.2018.6¹. На взгляд 50.8% жителей Юга России, система здравоохранения в России должна быть полностью бесплатной для всего населения. 39.2% отметили, что система здравоохранения должна быть смешанного типа, где платные услуги дополняются гарантиями бесплатной медицинской помощи. Десятая часть опрошенных (9.5%) высказалась за концепцию платного здравоохранения для трудоспособного населения, но с гарантиями оказания бесплатной медицинской помощи отдельным группам населения (детям, пенсионерам, инвалидам, больным тяжелыми хроническими заболеваниями). Только 0.6% остановили свой выбор на полностью платной для всего населения системе здравоохранения. На вопрос, кто несет основную ответственность за здоровье человека, 66.5% опрошенных ответили, что сам человек. Однако нельзя не учитывать треть

участников опроса, полагающих, что основную ответственность за здоровье человека несут другие агенты: государство (14.5%), лечебно-профилактические учреждения и медицинский персонал (12.3%), страховые медицинские организации (4.7%), работодатель (2%).

Медицинские организации, в свою очередь, находятся в зависимости от страховых медицинских организаций, поскольку именно они осуществляют финансирование по факту оказанной медицинской помощи в российской системе обязательного медицинского страхования. В столкновении интересов медицинских организаций, «борющихся» за контингент пациентов и ресурсы страховых фондов для компенсации затрат на производство медицинских услуг, и страховых медицинских организаций, стремящихся минимизировать «выплаты по счетам», проигрывают обычно пациенты. Для типичного пациента полис медицинского страхования, выдаваемый страховыми медицинскими организациями в регионе, не более чем «пропускной билет» к врачу, ибо медицинские организации вынуждены возводить организационные барьеры для регулирования потока застрахованных и избегать штрафных санкций за необоснованно завышенные объемы предоставленной медицинской помощи по программе госгарантов. Потребителям остается преодолевать либо организационные барьеры, либо личные финансовые, оплачивая медицинскую помощь напрямую (по договорам и неофициально) или опосредованно – через добровольное медицинское страхование.

До сих пор остро стоит проблема влияния мотивации врачей на формирование доступности медицинской помощи. Ученые Высшей школы экономики А.Е. Чирикова и С.В. Шишкун по результатам глубинных интервью с врачами и руководителями медицинских организаций Москвы и одного из регионов европейской части России ($N = 36$) выявили разнонаправленный характер влияния эффективного контракта на мотивацию врачей. Исследование показало, что материальные и нематериальные мотивы труда врачей – «относительно не зависимы и, как правило, дополняют друг друга в их сознании. В подавляющем большинстве случаев реальная мотивация включает в себя одновременно и материальные, и нематериальные переменные, а потому работа только с одной из этих групп не может дать полностью удовлетворяющие результаты» [16, с. 39].

Особенную остроту приобретает в нашей стране проблема лекарственного обеспечения, требующая активной государственной политики. Однако фармацевтические корпорации яв-

ляются крупными налогоплательщиками, поэтому государство предоставляет им довольно большой люфт экономической свободы, несмотря на то, что бесконтрольный рост цен на лекарства, равно как и на медицинские услуги, снижает уровень институционального доверия общества в первую очередь к государству. По мнению экспертов, сегодня крайне высока зависимость отечественной фармацевтической отрасли от импорта, официальные данные по импортозамещению лекарственной продукции сильно преувеличены, а «объективная возможность медикаментозных санкций в отношении России ставит физическую доступность препаратов для россиян под угрозу, а вопрос об автономии отечественной фармацевтической отрасли от стран Запада остается дискуссионным» [17].

Таким образом, латентный конфликт интересов различных агентов вносит свои корректировки в стабильное функционирование системы здравоохранения, интегральной функцией которой является сохранение и упрочение здоровья общества и человека. Нельзя в полной мере утверждать, что обозначенные противоречия имеют решающее значение для социальной дифференциации потребления медицинской помощи, однако бессмысленно принимать какие-то усилия в сглаживании социального неравенства пациентов и предпациентов, если явные и скрытые функции в институциональном пространстве здравоохранения настолько расходятся. Необходим пересмотр самой парадигмы здравоохранения и медицины в современной России с последующим социальным конструированием новой идеологии здравоохранения.

Результаты и их обсуждение

В качестве идейно-теоретической основы стратегии социальной политики по сглаживанию неравенства потребителей медицинской помощи может быть положена концепция трансформационной активности Т.И. Заславской, в основе которой лежит представление о синхронизации институциональных преобразований с человеческим потенциалом и моделями поведения акторов [18, с. 221]. При выборе стратегий самосохранительного поведения, в том числе и поведения на рынке медицинских услуг, существенное влияние оказывают институциональные системы, социальная структура, социально-демографические и статусные характеристики общества, являющиеся идентификаторами места потребителя медицинской помощи в общественной жизни.

Опираясь на типологию институциональных механизмов О.В. Иншакова и Н.Н. Лебедевой

[11], можно выделить три базовых институциональных механизма сглаживания социального неравенства потребителей медицинской помощи: регламентирующий, интериоризирующий, воспроизводящий. Первый направлен на установление однозначных норм, обеспечивающих эффективное взаимодействие всех агентов, прежде всего потребителей, медицинских организаций и страховщиков. Второй, интериоризирующий, тип призван герметизировать новые нормы в сознании агентов посредством формирования идеологии здоровья и здравоохранения. Третий механизм должен обеспечить воспроизведение культуры потребления медицинской помощи как неотъемлемой подсистемы культуры здоровья – системы ценностей, идей и норм различных социальных групп и общества по отношению к собственному здоровью. Эффективное функционирование обозначенных механизмов возможно только при условии социального диалога всех заинтересованных агентов и только при условии совместных усилий государства и социальных институтов здравоохранения, образования и семьи.

Активизировать регламентирующий, интериоризирующий и воспроизводящий механизмы под силу только государству. Для этого требуется соблюдение ряда институциональных условий, а именно детализация сфер ответственности агентов; преемственность процесса лечения и наблюдения пациентов; сокращение непосредственных платежей потребителей за медицинскую помощь; перераспределение кадровых, технологических, финансовых ресурсов здравоохранения внутри регионов; конкретизация государственных гарантий оказания медицинской помощи; социологический мониторинг потребления медицинской помощи.

Одним из главных ограничений позитивизации потребления медицинской помощи и создания доступной среды здравоохранения является низкий адаптационный потенциал социальных моделей потребления медицинской помощи. Общество ни ментально, ни инструментально не подготовлено к резкому увеличению личной ответственности в сфере здравоохранения [19]. Именно в усиении фона социальной напряженности в отношениях врачей и пациентов, неформальных практиках оплаты медицинских услуг, безответном общественном запросе на партнерскую модель взаимодействия в системе «врач–пациент», по мнению А.Е. Чирковой и С.В. Шишкина, находится корень трансформационного кризиса российского здравоохранения [20, с. 177].

Существенное значение приобретает дифференцирующая роль медицинского выбора паци-

ента. В методологическом и практическом плане интерес представляют результаты качественно-количественного социологического исследования, предпринятого научным коллективом Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева [14]. Ученые пришли к выводу, что на этапе так называемого «дебюта болезни» (т.е. манифестации первых симптомов недуга) на принятие решения оказывает влияние линейка таких факторов (% от общего числа опрошенных, $N = 510$): 1) «финансовая доступность» (79%) и «культурное знание» (75%); 2) «боль и другие интенсивные симптомы» (49%) и «отношение к медицинским институциям» (41%); 3) «привычное, рутинное поведение» (29%). Например, среди респондентов, предпочитавших обращение к платным услугам при возникновении медицинской потребности, назывались следующие мотивы: «хорошая организация процесса медицинской помощи и качественное лечение», «индивидуальный подход к лечению», «знакомый врач», «высокая квалификация врачей», «благожелательное отношение к пациенту», «отсутствие узкого специалиста в поликлинике», «географическая доступность» [14, с. 86]. Разумно предположить, что эти мотивы в известной степени отражают изъяны здравоохранения, типичные для любого региона, и являются социально-психологическими факторами социального расслоения потребителей медицинской помощи, поскольку связаны с общим восприятием ситуации в здравоохранении, ожиданиями и стереотипами.

Чтобы россияне могли иметь высокий уровень качества жизни, важно целенаправленно управлять этим процессом, так как он зависит от индивидуального восприятия людьми своей жизни как полноценной, субъектной, творческой, а не только положительной динамики показателей индекса человеческого капитала, и ключевую роль здесь играет профессионализм управленицев, поскольку «достоинства и недостатки среды, создаваемой властью, являются своеобразными катализаторами, ускоряющими или замедляющими человеческое развитие» [21, с. 140]. Вместе с тем, говоря об обеспечении доступной среды здравоохранения и устраниении несправедливых социальных различий в этой сфере, нужно избегать излишней «зарегулированности» процессов, основанной на консервативной убежденности, что только несовершенная государственная политика является фактором социальной дифференциации потребителей медицинской помощи. При выработке концепции социальной политики в здравоохранении следует учитывать интересы и функции и дру-

гих акторов, а также поведенческие паттерны и стратегии медицинской активности населения [22; 23].

Зарубежные авторы отмечают, что их системы всеобщего медицинского страхования тоже далеки от идеала. По данным социологического опроса, проведенного в Австралии ($N = 4574$ чел. старше 50 лет), несмотря на всеобщее медицинское страхование и систему социальной защиты медицинских и фармацевтических взносов, 4% опрошенных австралийцев с хроническими заболеваниями в течение трех месяцев до проведения опроса были не в состоянии позволить себе прямые расходы на медицинское обслуживание (речь в исследовании шла о медицинских консультациях и тестах, лекарственном обеспечении, стоматологических назначениях, физиотерапии, ортопедии и трансфере к медицинским организациям) [24]. Для сравнения: по данным выборочного опроса, проведенного в 2017 г. на Юге России ($N = 3900$ чел., проживающих в Ростовской области, Краснодарском крае, Ставропольском крае, Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Крым), 44% респондентов в течение года были вынуждены частично или полностью отказываться от лечения или диагностики в медицинских организациях из-за отсутствия финансовой возможности оплатить услугу. В Кабардино-Балкарской Республике и Республике Адыгея количество респондентов, не имевших возможности оплачивать медицинскую помощь, – более половины (53.2% и 57.4% соответственно) [25].

На Западе активно исследуются проблемы неравенства в доступе к медицинской помощи этнических меньшинств и проблемы их стигматизации в поле клинической медицины. Британские ученые по итогам исследования более 10 тыс. больных шизофренией пришли к выводу, что темнокожие пациенты и люди с азиатской внешностью по сравнению с белыми пациентами потребляют сравнительно меньший объем медикаментозной, психологической терапии, а также реже включены в планы медицинского ухода. По мнению социологов, это обусловлено латентной политикой дискриминации по этническому признаку [26]. Поэтому для измерения неравенства в здравоохранении методологически необходимо различать «доступ к медицинским услугам» и «использование медицинских услуг» [5, с. 17]. По оценкам специалистов Высшей школы экономики, в нашей стране до сих пор отсутствует система государственных гарантий сроков ожидания, прозрачность в организации очереди на плановую медицинскую помощь и порядок ее прохождения, мониторинг

сроков ожидания, фактические показатели ожидания по отдельным видам медицинской помощи [27]. Доступность медицинской помощи, в широком понимании, включает не только процесс вхождения человека в систему медицинского обеспечения и этапы передвижения пациента с одного уровня оказания медицинской помощи на другой, но и конечный результат обращения к врачам.

Согласно данным представителей Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, «в менее развитой части Европы, включающей и Россию, где нижним слоям не приходится рассчитывать на серьезную помощь со стороны государства, тяготы жизни и порождаемые ими стрессы ведут к потере людьми веры в себя и возможность перемен к лучшему, а психологические ресурсы выступают медиатором социального структурирования здоровья» [28, с. 44]. Можно предположить, что это же утверждение справедливо и в отношении «приобретения» доступа к медицинской помощи, зависящего во многом от психологических ресурсов личности (веры и институционального доверия, воли, характера), объема и структуры ее социального и культурного капиталов, ибо личность человека или характеристика группы людей выступают «своего рода маркером, по которому мы можем судить о восприятии боли и болезни как социальных категорий (при этом они всегда остаются индивидуально-личностными формами переживания)» [29, с. 147].

Выводы

В современной научной литературе актуализируется вопрос о необходимости проведения как фундаментальных междисциплинарных, так и специальных, узконаправленных прикладных исследований, направленных на объяснение и прогнозирование перспектив сглаживания социального неравенства пациентов и «предпациентов». Большинство научных исследований разворачивается вокруг таких проблемно-предметных полей, как влияние социально-экономических перемен на здоровье населения, векторы самосохранительного поведения, роль и потенциал формирования здорового образа жизни в обществе, медико-социальные аспекты конструирования культуры здоровья. Вышеперечисленные факторы формируют условия и институциональное пространство взаимодействия различных агентов в контексте здравоохранения, однако именно характер взаимодействий, социальные особенности и характер внешней среды являются для человека зача-

стую определяющими при ответе на вопрос о степени удовлетворенности своим здоровьем. Ведь речь идет не просто об устраниении психофизических недугов и снижении степени рискованности окружающей среды по отношению к обществу, а о социальном поведении людей в сфере общественного здоровья и роли базовых социальных институтов в процессе воспроизведения практик самосохранительной либо самодеструктивной активности. Данная тема приобретает особую значимость в контексте трансформации социального, экономического, политического и правового устройства российского социума и отдельных регионов, так как и негативные, и позитивные тенденции в здравоохранении, как правило, носят системный характер и, хотя появляются локально, представляют собой результат фундаментальных изменений в социальной структуре общества.

Учитывая дефицитарность финансирования здравоохранения, обеспечить постепенное повышение доступности медицинской помощи и, как следствие, сократить социальное неравенство ее потребителей можно посредством «мягкой силы» и методологии «маленьких шагов». Подобная политика должна быть ориентирована на конкретизацию гарантий бесплатной медицинской помощи на макро- и микроуровнях, установление верхней границы прямых официальных соплатежей для социально уязвимых групп населения, проработку механизма прогрессивной шкалы отчисления индивидуальных страховых взносов в фонд обязательного медицинского страхования; пересмотр целесообразности участия коммерческих медицинских организаций в программах обязательного медицинского страхования; расширение зоны индивидуальных и коллективных программ добровольного медицинского страхования с соответствующим нормативно-правовым обеспечением; ограничение либо запрет рекламы лекарственных и иных препаратов в средствах массовой коммуникации; установление в городских поликлиниках лимита предварительных записей к узким специалистам. Вышеперечисленные меры обязательно должны обеспечиваться информационной социализацией пациентов [30], социологическим мониторингом потребностей населения в медицинской помощи и публичными обсуждениями экспертным сообществом вопроса о целесообразности развития института обязательного медицинского страхования России в том виде, в котором он существует сегодня.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ № МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе» (соглашение № 075-15-2019-1051).

Примечание

1. Анкетный опрос ($N = 853$ чел.) проведен с июня по октябрь 2019 г. на Юге России (Ростовская область, Краснодарский край, Республика Крым, Республика Адыгейя, Астраханская область, Ставропольский край, Волгоградская область). Способ отбора респондентов – квотная целевая выборка методом снежного кома.

Список литературы

1. Braveman P. What are health disparities and health equity? We need to be clear // Public Health Reports. 2014. Vol. 129 (Suppl.2). P. 5–8.
2. Горшков М.К., Петухов В.В. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.
3. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. № 2. С. 37–67.
4. Вяльых Н.А. Механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в России: методологический поворот в современных социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 122–138.
5. Pulok M.H. Horizontal equity in the Australian healthcare system: Exploring the unknowns and updating the knowns. Australia: University of Technology Sydney (UTS), 2019. 221 p.
6. Вяльых Н.А. Социальные факторы дифференциации потребления медицинской помощи: объективизм VS субъективизм // Вестник науки Сибири. 2018. № 4. С. 158–170.
7. Braveman P. What is health equity: And how does a life-course approach take us further toward it? // Maternal and Child Health Journal. 2014. Vol. 18. Iss. 2. P. 366–372.
8. Penman-Aguilar A., Talih M., Huang D., Moonesinghe R., Bouye K., Beckles G. Measurement of Health Disparities, Health Inequities, and Social Determinants of Health to Support the Advancement of Health Equity // Journal of Public Health Management and Practice. 2016. Vol. 22. P. 33–42.
9. Ященко С.О., Никифорова М.Е. Сущность институционального механизма как составляющей экономической системы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 1 (69). С. 11–19.
10. Истомин С.В. Сравнительный анализ институционального и хозяйственного механизмов в трансформируемой экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 27 (208). Экономика. Вып. 29. С. 47–51.
11. Иншаков О.В., Лебедева Н.Н. Типология и классификация институциональных механизмов // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник – сборник научных трудов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 23–37.
12. Кордонский С.Г. и др. Система поддержания здоровья в современной России: сборник статей и материалов полевых исследований / Под ред. И.В. Кошкаровой. М.: Страна Оз, 2012. 400 с.
13. Аникина Е.А., Иванкина Л.И. Отношение к старости как фактор благополучного старения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 2 (33). С. 63–71.
14. Лехциер В.Л., Готлиб А.С., Финкельштейн И.Е. Медицинский выбор хронических больных в крупном российском городе: ситуации, практики, факторы // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 2. С. 78–98.
15. Stangl A.L., Earnshaw V.A., Logie C.H., Brakel W., Simbayi L.C. The health stigma and discrimination framework: a global, crosscutting framework to inform research, intervention development, and policy on health-related stigmas // BMC Medicine. 2019. Vol. 17 (31) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bmcmedicine.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12916-019-1271-3> (дата обращения: 09.08.2019).
16. Чирикова А.Е., Шишкун С.В. Эффективный контракт и мотивация: способны ли реформы улучшить работу российских врачей? // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 36–44.
17. Фадеева Е.В. Доступность лекарственных препаратов в условиях медикаментозного эмбарго: по материалам исследований // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 77–85.
18. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
19. Lubsky A., Vyalykh N. Modal models of social behavior of medical care consumers in the Russian society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 8. Iss. 5 (27). P. 1185–1192.
20. Чирикова А.Е., Шишкун С.В. Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменений // Мир России: Социология, этнология. 2014. Т. 23. № 2. С. 154–182.
21. Ильиных С.А., Удальцова М.В., Сухорукова Н.Г., Наумова Е.В. Качество жизни как критерий социального управления // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 1 (32). С. 133–143.
22. Braveman P., Gottlieb L. The social determinants of health: it's time to consider the causes of the causes // Public Health Rep. 2014. № 129 (suppl.2). P. 19–31.
23. Ottersen O., Dasgupta J., Blouin C. et al. The political origins of health inequity: prospects for change // Lancet. 2014. № 383 (9917). P. 630–667.
24. Carpenter A., Mofizul M.I., Yen L., McRae I. Affordability of out-of-pocket health care expenses among older Australians // Health Policy. 2015. Vol. 119. Iss. 7. P. 907–914.
25. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: Монография / Отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.
26. Das-Munshi J., Bhugra D., Crawford M.J. Ethnic minority inequalities in access to treatments for schizophrenia and schizoaffective disorders: findings from a nationally representative cross-sectional study // BMC Medicine. 2018. № 16 (55) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s12916-018-1035-5> (дата обращения: 09.08.2019).
27. Шейман И.М., Шишкун С.В. Сроки ожидания медицинской помощи: зарубежный опыт и российская практика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 87 с.

28. Русинова Н.Л., Сафонов В.В. Психологические медиаторы социальных неравенств в здоровье: «уверенность в себе» в Европе и России // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 30–53.
29. Полюшкевич О.А. Боль и болезнь как социальные явления // Социология. 2019. № 1. С. 147–153.
30. Шишкина Е.В. Инфосоциализация пациентов в условиях информатизации здравоохранения (по материалам социологических исследований) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113). С. 165–169.

SOCIAL INEQUALITY OF MEDICAL CARE CONSUMERS IN RUSSIAN SOCIETY TODAY: SOCIAL ESSENCE AND WAYS OF REDUCING INEQUALITY

N.A. Vyalykh

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article deals with the practical approaches to reducing the degree of differentiation of medical care consumption in modern Russian society. The relevance of this research is underscored by the need to construct an accessible and effectiveness healthcare field in Russia. The novel elements of the study are expressed in identifying the contradiction between explicit functions and real interests of agents in the healthcare system. It is argued that, in general, the government's interests and consumers' interests in the field of medical care are similar. However, society still expects support and care on the part of the government, but the government is gradually reducing its participation. The author focuses on theoretical and methodological backgrounds of sociological understanding of social differences in medical care consumption and defines the measures of actors' behavioral strategies positivisation in the context of transformation of the healthcare institution in Russia today. Special attention is given to the analysis of behavioral and structural dimensions of inequality in access to medical care. Finally, the author comes to the conclusion about the possibility of reducing the social inequality of medical care consumers by means of providing specific guarantees of free medical care and responsibility of agents, by reducing patients' direct payments, by integrating the process of medical treatment, social dialogue and infosocialization of agents.

Keywords: social inequality, medical care consumption, medical care accessibility, Russian healthcare, agents, transformation, institutional mechanisms.

УДК 316

НЕСОВЕРШЕНСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ КАК ПРИЧИНА СУИЦИДАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ ЛИЦ С АМПУТАЦИЯМИ КОНЕЧНОСТЕЙ И ИНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

© 2020 г.

A.B. Ермилова, A.C. Шенин

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н., доц.;

доцент кафедры общей социологии и социальной работы

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

ermilova.75@bk.ru

Шеншин Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин

Дзержинского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

shenshin@ef.unn.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2019

Статья принята к публикации 11.02.2020

Выявляются барьеры, снижающие эффективность государственной системы реабилитации лиц с амputированными конечностями и иными дисфункциями опорно-двигательного аппарата, провоцирующие суицидальные намерения и практики данной категории населения. Для изучения проблемы несовершенства современной реабилитационной системы в российской действительности применен контент-анализ интернет-источников, содержащих информацию о специфике жизнедеятельности и реабилитации инвалидов-опорников (обработка полученной информации производилась с помощью компьютерной программы «Лекта»). Актуализируется вопрос о необходимости совершенствования системы реабилитации с помощью глубинных интервью экспертов, осуществляющих деятельность реабилитационной направленности на государственном и общественном уровне ($N = 5$ чел.). Выявлены наиболее острые проблемы государственной системы реабилитации данной категории населения, среди которых особое внимание следует уделить проблемам межведомственного взаимодействия, отставанию российских технологий протезирования от зарубежного рынка, отсутствию концепции комплексной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья и маршрутизации в процессе реабилитации инвалидов.

Ключевые слова: система реабилитации, суицид, опорно-двигательный аппарат, ампутации.

Введение

Проблема сохранения высокой численности лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации не снижает свою актуальность и по сей день [1]. При этом происходит обновление типов заболеваний, приводящих к ограничениям жизнедеятельности человека и приобретению статуса «инвалид». Несмотря на то что мы живем в сравнительно мирное время, большое количество россиян становятся лицами с ОВЗ в связи с потерей конечностей.

Специалисты выделяют две основные причины, приводящие к ампутациям: это травматизм и последствия болезней. Необходимо отметить, что эти две доминирующие причины имеют свою специфику. Так, типичной болезнью, приводящей к ампутации конечностей, является сахарный диабет, а также атеросклероз сосудов. Ежегодно сахарный диабет провоцирует 1 млн ампутаций во всем мире. Однако если в странах Евросоюза потерей ног заканчи-

вается около 8% осложнений, то в РФ данный показатель может достигать 50% случаев. По данным президента РАМН, директора Эндокринологического научного центра РАМН И. Дедова, доля ампутаций нижних конечностей на фоне диабета в России составляет от 4.2 до 6.4 на 1 тыс. человек в год [2]. Вторая причина ампутаций – травматизм; он характерен в большей степени для мужской части населения и имеет региональные особенности. В РФ есть регионы, где травматизм заметно выше среднероссийского показателя. Например, на тысячу человек в Кемеровской области – 168, в Пермском крае – 166, в Магаданской области – 155 и в Иркутской области – 149 человек [2]. Высокий уровень травматизма характерен и для Нижегородской области, что напрямую связано со спецификой экономического развития региона. Доминирующей отраслью является машиностроение, в частности оборонно-промышленный комплекс. Значительная часть занятых трудится на металлургическом комбинате, в деревообрабатывающей сфере, что напрямую связано с вы-

соким риском производственного травматизма. По данным Федеральной государственной информационной системы, 4 669 человек, проживающих в Нижегородской области, получили трудовыеувечья [3], среди которых присутствуют и ампутации конечностей.

По мнению доктора медицинских наук, заведующего отделением гнойной хирургии клинической больницы № 5 Нижнего Новгорода профессора Н.Г. Степанова, следует обратить внимание на возросшую динамику ампутаций в Нижегородской области с 1994 г. до 2018 г., что подчеркивает важность исследования проблем жизнедеятельности лиц с ампутированными конечностями и иными дисфункциями опорно-двигательного аппарата, а также актуализирует вопрос выявления барьеров, снижающих эффективность реабилитационного процесса.

Как показывают данные Института хирургии им. Вишневского, значительное количество ампутаций вызывает колоссальную смертность: почти 70% больных сахарным диабетом умирают в первые два года после ампутаций, 34% остаются обездвиженными и только 19% ходят с костылями [2]. Как отмечает проф. Н.Г. Степанов, «ампутация нижней конечности имеет хирургическую и социально-экономическую проблемы» [4, с. 4], решение которых во многом определяет судьбу человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию. «Первая заключается в поисках уменьшения числа различных послеоперационных осложнений и, самое главное, снижения послеоперационной летальности, а также комплексной профилактической фармакотерапии атеросклероза и диабета. Вторая, социально-экономическая проблема должна решать вопросы реабилитации, протезирования, социальной и трудовой адаптации с учетом физических возможностей инвалида» [4, с. 4].

Сложившаяся ситуация во многом детерминирует проблему суицидальных настроений инвалидов, которая в значительной степени сопряжена и с дальнейшей их жизнедеятельностью в новом для них статусе «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Оказавшись в новой социальной реальности после ампутации, человек, как правило, испытывает адаптационные проблемы, что, в свою очередь, подчеркивает значимость проблемы дальнейшего сопровождения лица с ОВЗ на разных этапах его жизнедеятельности.

Степень научной разработанности проблемы. Значительный интерес в области изучения проблемы реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья представляют работы ряда зарубежных (С. Barnes [5], С.Р. Russeel [6]) и российских (Н.В. Мюллер [7], Е.А. Тарасенко

[8], И.В. Калашникова и А.А. Тринадцатко [9], З.М. Сабанов [10]) авторов. Особое значение имеют работы доктора медицинских наук, проф. Н.Г. Степанова, который сосредоточил свое внимание именно на проблемах интеграции и реабилитации лиц с ампутированными конечностями и иными дисфункциями опорно-двигательного аппарата [11]. Особый вклад в исследование проблемы суицидальных проявлений лиц с ограниченными возможностями здоровья внесла кандидат медицинских наук Е.М. Жерехова, разработавшая способы прогноза и профилактики суицидов [12].

Эмпирическая база

Для изучения проблемы суицидальных настроений лиц с ампутированными конечностями и иными дисфункциями опорно-двигательного аппарата был применен контент-анализ интернет-блогов инвалидов-опорников, испытывающих проблемы реабилитационной направленности, и иных интернет-источников, содержащих информацию о специфике жизнедеятельности инвалидов-ампутантов и инвалидов-колясочников. Обработка полученной информации производилась с помощью компьютерной программы «Лекта», предназначеннной для проведения количественного и качественного контент-анализа текста. Актуализируют вопрос необходимости совершенствования системы реабилитации глубинные интервью экспертов, осуществляющих деятельность реабилитационной направленности на государственном и общественном уровне ($N = 5$ чел.). В результате анализа материалов были выявлены барьеры, снижающие эффективность государственной системы реабилитации лиц с дисфункциями опорно-двигательного аппарата, провоцирующие суицидальные намерения и практики у данной категории населения, что явилось целью исследования. Объект исследования – государственная система реабилитации лиц с ампутированными конечностями и иными дисфункциями опорно-двигательного аппарата. Предмет исследования – несовершенства государственной системы реабилитации инвалидов-опорников.

Результаты исследования

Сегодня различные виды помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья осуществляют как государственный, так и негосударственный (коммерческий и некоммерческий) секторы; при этом доминирующей является государственная система поддержки лиц с ОВЗ. Однако существующая в настоящее время в России система реабилитации не в полной мере способна справиться с реальными запросами

лиц с ограниченными возможностями здоровья [13, с. 205], в том числе и инвалидов с ампутациями конечностей. Усугубляет ситуацию искажение, а порой просто неисполнение закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ [14]. В частности, главы 3 «Реабилитация и абилитация инвалидов» и 4 «Обеспечение жизнедеятельности инвалидов» данного закона содержат статьи, предполагающие дальнейшее сопровождение и реабилитацию лиц с дисфункциями опорно-двигательного аппарата (например, статья об обязательном социальном обслуживании на дому в случае нуждаемости). Однако в реальности государственные институты преимущественно осуществляют физическое восстановление индивида (медицинская реабилитация) в пределах медицинского учреждения без дальнейшего его сопровождения. Практически на нет сведены социально-психологическая, социокультурная, социально-средовая, физкультурно-оздоровительная, социально-правовая реабилитации в государственной системе социального обслуживания инвалидов-ампутантов. Значимость данных видов реабилитации очень высока, так как во многом именно от них зависит желание человека жить в новом ограниченном состоянии и способность выстраивать взаимодействие с социальным окружением. Низкий уровень качества, а порой отсутствие эффективно функционирующей государственной системы реабилитации инвалидов-опорников может провоцировать рост числа самоубийств среди данной категории населения, тем более именно лица с ограниченными возможностями здоровья являются группой с самыми высокими показателями суицидов (110 человек на 100 тысяч населения) [15]. Доминирующей причиной недостаточно высокого уровня реабилитационных услуг, предоставляемых лицам с ОВЗ государственной системой, является отсутствие межведомственного взаимодействия, обратной связи между субъектами, осуществляющими реабилитацию. По мнению директора УСЗН Приокского района г. Н. Новгорода Е.И. Святкиной, БМСЭ существует автономно от других социальных учреждений в связи с подчинением данной структуры Министерству здравоохранения, а не управлению социальной сферы, как это было ранее. В результате БМСЭ не принимает никакого участия в социальном сопровождении клиентов, хотя это вторая организация, с которой сталкивается человек после медицинского вмешательства.

Человек, подвергшийся ампутации, а далее медицинской реабилитации, которая, как правило, с точки зрения временного критерия, очень короткая, не позволяющая человеку пол-

ностью восстановиться и вести самостоятельный образ жизни, остается предоставленным самому себе, в лучшем случае на помощь приходят родные. В большинстве случаев поведение членов семьи инвалида развивается в двух направлениях. В первом случае члены семьи проявляют по отношению к больному родственнику гиперопеку, окружая его чрезмерной заботой, жалостью, перекладывая на себя выполнение утраченных им функций. Для другого варианта взаимодействия членов семьи характерно самоустраниние, снижение интеракций акторов, что может быть связано с их низким уровнем медицинской компетентности, страхом тесного телесного контакта с человеком, пережившим ампутацию конечности. Нельзя забывать и о том, что на плечи родственников ложится обязанность содержать еще не восстановившегося члена семьи. Отсутствие близкого человека рядом с инвалидом-ампутантом, в связи с занятостью родственников в трудовой сфере, обостряет его восприятие как одинокого, брошенного, не способного самостоятельно обслуживать себя человека. Выше перечисленные обстоятельства жизнедеятельности как самого лица с ОВЗ, так и его семьи снижают реабилитационный потенциал человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, а также вероятность вернуться к нормальной жизни. В данном случае речь идет о качестве жизни как инвалида с ампутациями конечности, так и его семьи. По мнению проф. Н.Г. Степанова, важной составляющей качества жизнедеятельности инвалида являются его медицинские аспекты, включающие в себя:

- функциональную способность, под которой понимается способность осуществлять повседневную деятельность, социальную, интеллектуальную и эмоциональную, создавать экономическую обеспеченность;

- восприятие, включающее взгляды человека и его суждения;

- симптомы, являющиеся следствием основного или сопутствующих заболеваний [4, с. 159].

Исключительное значение среди медицинских аспектов качества жизни имеет именно восприятие инвалидом общего состояния здоровья, благополучия и удовлетворенности жизнью, которые чаще всего находятся на очень низком уровне.

Еще в большей степени осложняет проблему восстановления лица после ампутации практически отсутствие бесплатной государственной системы реабилитации лиц с дисфункциями опорно-двигательного аппарата либо несвоевременное предоставление реабилитационных услуг пострадавшему человеку, о чем свидетель-

ствуют призывы общественности оказать финансовую помощь их родственникам/друзьям, находящимся в критической ситуации, не желающим жить дальше из-за равнодушия, безразличного отношения к инвалиду со стороны государственных институтов. Так, например, стоимость услуг в РЦ «Янтарь» в Нижегородской области составляет от 4500 рублей в сутки [16].

Для актуализации заявленной проблемы считаем необходимым привести выдержки из интервью, взятых с различных сайтов, показывающих специфику государственной системы реабилитации в территориальном разрезе, провоцирующую суицидальные настроения лиц с ОВЗ.

История Максима – 17 лет, ампутация ноги в результате аварии (г. Кстово):

«Мы собираем деньги на реабилитацию Максима и помочь его семье» (Дмитрий Косарев, однокурсник);

«Помощь нам, конечно, нужна и поддержка людей необходима. Максим держится, но ему трудно и физически, и психологически. Мы не богаты, любой помощи будем рады» (Елена Шерманова, мама) [17].

История Татьяны – 23 года, ампутация ноги в результате аварии (г. Озеры):

«Практически сразу после аварии я начал собирать деньги на протез, чтобы не позволить девочонке впасть в отчаяние, дать возможность жить дальше, работать, рожать детей. Разместил эту тему почти на всех мотофорумах и социальных сетях. Помощь идет отовсюду, на настоящий момент собрана половина суммы, которую предварительно назвали врачи – больше миллиона, точно будет известно только после выписки Тани и консультаций в протезирующих клиниках. Для начала необходима будет реабилитация, сколько денег нужно на это, мы пока представляем смутно» (Сергей, муж Татьяны) [18].

История Стеллы Андриюк – ампутация обеих ног (Грузия):

«После смерти отца наша семья оказалась не в состоянии обеспечивать меня необходимыми принадлежностями для носки протезов. Чтобы ходить на протезах с ожоговой кожей, нужно носить специальные носки с силиконом. Именно он защищает нежную кожу ног и правильно распределяет давление в ноге. Один такой силикон стоит почти тысячу долларов, а мне нужно два. Это теперь неподъемная для нашей семьи сумма. К сожалению, государство никак не помогает. Из-за пользования уже не-пригодных силиконовых носков у меня появилось подозрение на гангрену. Пришлоось сделать еще одну операцию» [19].

Оказавшись в этой непростой ситуации, лица с ОВЗ, по признанию специалистов, работающих с ними, просто не хотят жить. Так, руководитель общественной организации инвалидов-спинальников «Ковчег» А. Моисеенко отмечает: «Когда инвалиды видят вот это «безумие» – они просто не хотят жить, осознавая, что в России ничего не меняется. Все это потому, что есть несколько безответственных людей, которые не понимают реальных нужд. Годы идут, люди меняются, а результат остается прежним» [20].

По мнению председателя общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов с ампутацией конечностей и иными нарушениями функций опорно-двигательного аппарата «ОПОРА» Е. Волоховой, проблема суицидальных настроений является злободневной для лиц с ампутациями конечностей. По ее мнению, очень важно начинать реабилитационную работу социально-психологической направленности сразу же после диагноза, так как именно она является во многом залогом успешной мотивации на дальнейшее восстановление клиента и профилактирует суицидальные намерения. Еще до операции высокий уровень значимости приобретает работа одновременно с группой специалистов, таких как протезист, реабилитолог, социальный работник, психолог, которые воздействуют на эмоциональное состояние клиента.

Как уже отмечалось, лица с ограниченными возможностями здоровья находятся в группе риска по самоубийствам, в том числе и лица с дисфункциями опорно-двигательного аппарата. Данной категории населения приходится просто бороться за жизнь, а именно за возможность выйти из дома, дойти до магазина, интегрироваться в сферу занятости. По мнению самих людей, переживших трагедию (потеря конечностей), мысли о суициде приходят в первую очередь после операции, но тогда пациент находится под наблюдением медицинского персонала, что снижает вероятность летального исхода. А вот когда человек оказывается дома, не успев адаптироваться к «новому телу», к новой социальной реальности, суицидальные мысли могут укорениться в его сознании. По признанию Д. Андерсон, потерявшей ноги под поездом, борьба с суицидальными мыслями и депрессией длилась около трех лет [21]. 73-летний пенсионер из г. Качканара покончил с собой после ампутации ноги, оставил записку депрессивного содержания: «Дорогие мои сыновья. Не считайте меня хлюпиком. Во всем виноват сам, что потерял ногу. Одному жить так не хочу. Сначала ползал на жопе, но сейчас там одно

мясо. Страшные боли. На костылях не могу приспособиться. С полу на кровать тяжело забираться. До кранов не дотягиваюсь. Газом не могу пользоваться. Живу как в одиночной камере. Готовить еду не могу... Вам столько неудобств доставляю. Что, всю жизнь будете таскать мне еду? Я ухожу из жизни по своей воле. Я не буду мучиться, да и вам будет лучше» [22].

Отсутствие медико-социального сопровождения инвалидов-ампутантов, постоянно находящегося рядом человека ставит инвалидов в безвыходное положение, что нередко полностью меняет восприятие мира. Примером такой ситуации является и история пенсионера Валентина Степановича, который не смог адаптироваться к новому статусу «инвалид-ампутант». После операции и медицинской реабилитации в стационаре его сразу отправили домой. Пожилой мужчина долго не мог привыкнуть к костылям – либо прыгал на одной ноге, что в его возрасте было очень трудно, либо ползал по полу. Родственники договорились, что будут ухаживать за ним по очереди. В тот день, 24 сентября, была очередь старшего сына. После работы, вспоминает Дмитрий, он позвонил отцу, чтобы узнать, что необходимо купить, но тот не взял трубку [23].

Еще одной особенностью жизнедеятельности лиц с ампутированными конечностями является проблема несвоевременного предоставления протезов Фондом социального страхования, а также низкий уровень качества средств передвижения (протезов), что также негативным образом отражается как на жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями в целом, так и на их эмоциональном состоянии в частности. Фонд порой затягивает процесс предоставления протеза/ов ампутанту, в результате чего инвалид не может им/и пользоваться, так как адаптация к протезу возможна только в течение 6–12 месяцев после произведенной операции. Предоставление протеза за пределами этого временного интервала приводит к повторным операциям, либо инвалид утрачивает свой физический потенциал, пересаживаясь на инвалидную коляску. По мнению самих инвалидов, протезы, представляющиеся на безвозмездной основе, отличаются от зарубежных аналогов низким качеством (вес протеза достигает 3 и более килограммов, низкий уровень временного износа). Особенно остро эта проблема касается людей старшей возрастной категории, которые в силу возрастных изменений просто не могут «тянуть» протез за собой. В ином случае несовершенные протезы приводят в еще большей степени к осложнениям состоя-

ния опорно-двигательного аппарата, в результате чего порой требуется повторная операция.

Список аналогичных примеров, свидетельствующих о суицидальных настроениях и практиках лиц с ампутированными конечностями, можно продолжать, что является проявлением сбоев в работе государственной реабилитационной системы. Подтверждением этого являются и суицидальные проявления у людей, передвигающихся на инвалидных колясках, среди которых также есть ампутанты. Провоцирует суицидальные настроения, по признанию родственников лиц с ОВЗ, отсутствие элементарных условий/приспособлений, позволяющих вести независимый и полноценный образ жизни лицам с ограниченными возможностями здоровья. 32-летняя А. Соловьева, проживающая в Тульской области, в инвалидной коляске оказалась около пяти лет назад. За это время она стала полноправным участником программы «Доступная среда», которая ориентирована на интеграцию инвалидов в бизнес. Несмотря на то что женщина прошла курсы по маникюру и дизайн ногтей, она не смогла открыть свой бизнес по ряду причин: *«Но как мне это сделать, если у меня в подъезде даже пандуса нет и свободно выйти на улицу я не могу. Даже с ребенком погулять нет возможности без посторонней помощи, хоть и живу на первом этаже. Моя мама женщина в возрасте, сама инвалид 3-ей группы и помочь мне преодолеть препятствие в виде трех ступенек в подъезде не может. Да и чтобы снять в аренду помещение, полностью оборудовать его – денег нужно гораздо больше, чем предоставляет государство. Где же мне столько взять? Что мне делать?»* – писала Анастасия на своей странице в социальных сетях еще до совершения суицида [23].

Суицид был совершен и 54-летним жителем Красноярска, который, находясь в коляске, не мог выйти на улицу. Его родственники и он сам писали в разные государственные инстанции с просьбой установить в подъезде пандус. Однако их просьбы не были услышаны. Как говорят родные, мужчина просто устал борьбы, устал от такого отношения представителей государственных структур [23].

Инвалиды-ампутанты Н.В. Осипов и И.А. Ломакин, являющиеся представителями регионального отделения Нижегородской области Всероссийского общества инвалидов с ампутацией конечностей и иными нарушениями функций опорно-двигательного аппарата «ОПОРА», актуализируют проблему отсутствия социального сопровождения лиц с ампутированными конечностями в регионе, указывая, что инвалиды данной категории после медицинской помощи остаются

предоставленными сами себе, не понимая целесообразность осуществления индивидуальной программы реабилитации, что отрицательно сказывается на их эмоциональном состоянии.

Следует обратить внимание, что лица с ампутированными конечностями и иными дисфункциями опорно-двигательного аппарата, несмотря на утраченные двигательные умения и навыки, сохраняют интеллект, мыслительные способности, с помощью которых они адекватно оценивают перспективы своей будущей жизнедеятельности, а именно наличие собственных ресурсов, доступность ресурсов государственной системы реабилитации, и в итоге принимают решение уйти из жизни.

Заключение

Изложенные истории реальных людей подчеркивают значимость затронутой проблемы и необходимость создания комплексных реабилитационных центров на территории РФ, осуществляющих медико-социальное сопровождение инвалидов-ампутантов на разных этапах их жизнедеятельности. Необходимо осознать важность своевременного оказания социально-психологической и социально-правовой помощи в до-операционный период и после ампутации конечности. Отсутствие подобной помощи снижает и без того невеликий реабилитационный потенциал человека с ограниченными возможностями здоровья. Можно выделить следующие наиболее острые проблемы системы реабилитации, затрудняющие жизнедеятельность опорников, что, в свою очередь, провоцирует суицидальные настроения данной категории населения:

- отсутствие межведомственного взаимодействия, обратной связи между субъектами, осуществляющими реабилитацию;
- отставание российских технологий протезирования от зарубежного рынка;
- отсутствие концепции комплексной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья;
- отсутствие в действующей государственной системе реабилитации таких видов, как ранняя и долговременная реабилитации;
- отсутствие практической возможности у инвалидов реализовать индивидуальную программу реабилитации;
- дефицит, а порой отсутствие специалистов по социальной работе в учреждениях, осуществляющих реабилитацию, деятельность которых напрямую связана с сопровождением лица, находящегося в трудной жизненной ситуации;
- отсутствие маршрутизации в процессе реабилитации инвалидов с дисфункциями опорно-двигательного аппарата и социального сопровождения данной категории населения.

Значимость процесса маршрутизации лиц с ограниченными возможностями здоровья сегодня недооценивается, несмотря на то, что, оказавшись в трудной жизненной ситуации (после-операционный период и выписка пациента домой), человек с ограниченными возможностями здоровья, как и его родственники, если есть такие, не ориентируются в новой для них социальной реальности. Особенно важно подчеркнуть значимость маршрутизации и социального сопровождения одиноких инвалидов с ампутированными конечностями и иными нарушениями опорно-двигательного аппарата, среди которых достаточно большое количество лиц пенсионного возраста, ставших ампутантами в результате осложнения сахарного диабета (синдром диабетической стопы). Заболевание, приведшее к ампутации, очень часто не дает возможности в дальнейшем адаптироваться к протезу в связи с дальнейшим развитием трофических расстройств, тем самым окончательно приковывая человека к инвалидной коляске.

Представителям государственной власти федерального и регионального уровней в первую очередь стоит усилить контроль за исполнением Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181; обратить внимание не только на эффективность медицинской помощи, оказываемой в учреждениях, но и на иные реабилитационные направления, например, социально-психологическое, социально-трудовое, социально-правовое, социокультурное, физкультурно-оздоровительное и спортивное, от которых не в меньшей степени зависит жизнь человека с ампутированными конечностями. Расширение возможностей оказания качественных реабилитационных услуг может быть осуществлено с помощью государственно-частного партнёрства, которое позволит объединить ресурсы публичного и частного субъектов. Данный вид партнерства предполагает сохранение ответственности государственного сектора за обеспечение реабилитационными услугами лиц с ограниченными возможностями здоровья, повышение качества жизни лиц с ампутированными конечностями. Практическим отражением государственно-частного партнёрства является применение такой технологии, как социальный аутсорсинг. Аутсорсинг является сегодня достаточно перспективным направлением для социальной сферы, в частности, применим в системе реабилитации инвалидов с ампутациями. Недостаток ресурсов, возможность сократить финансовые затраты и сосредоточиться на определенном виде деятельности – это побудительные мотивы, которые могут подталкивать предста-

вителей государственных институтов к внедрению еще новой, но хорошо зарекомендовавшей себя технологии.

Необходимо сделать все возможное, чтобы человек, подвергшийся ампутации, смог воспринимать новый этап своей жизни не как финал безуспешного лечения и конец активной жизнедеятельности, а как период прекращения страданий, позволяющий сохранить на должном уровне качество жизни, несмотря на изменившееся физическое состояние.

Список литературы

1. Федеральный реестр инвалидов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfri.ru> (дата обращения: 10.07.2019).
2. Конечностная цифра. 4 миллиона россиян приговорены к ампутациям как к форме лечения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://versia.ru/4-milliona-rossiyan-prigovorenny-k-amputaciym-kak-k-forme-lecheniya> (дата обращения: 11.07.2019).
3. Численность инвалидов по причинам инвалидности в разрезе субъектов РФ (2019 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-prichinam?territory=1> (дата обращения: 10.07.2019).
4. Степанов Н.Г. Ампутация ноги и бедра (клинический опыт). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. 212 с.
5. Barnes C. Theories of disability and the origins of the oppression of disabled people in western society // Barton L. (Ed) Disability and Society: Emerging Issues and Insights. London: N.Y. Longman, 1996.
6. Russeel P. Children Act // Social Work and Disability / Ed. M. Oliver. Oxford: Butter worth – Heinemann, 1991. 112 р.
7. Мюллер Н.В. Реформирование управления услугами реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, 2005. 20 с.
8. Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросс-культурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 1. С. 7–28.
9. Калашникова И.В., Тринадцатко А.А. Эволюция социальных моделей инвалидности // Вестник ТОГО. 2017. № 3 (46). С. 277–288.
10. Сабанов З.М. Основные направления социокультурной реабилитации инвалидов // Сборник Международной научно-практической конференции «Прорывные научные исследования как двигатель науки». Уфа: МЦИИ Омега Сайнс, 2017. С. 159–163.
11. Степанов Н.Г. Ампутация нижних конечностей (клинические показания, способы и исходы): Дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2005. 300 с.
12. Жерехова Е.М. Клиническая характеристика и типология суициального поведения у больных шизофренией: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Томск: Томский научный центр СО РАН, 2002. 20 с.
13. Ермилова А.В., Барсукова Е.В. Поддержка семей, имеющих детей с ОВЗ: государственный и частный аспект // Инвалиды – инвалидность – инвалидизация / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. С. 204–208.
14. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 01.09.2019).
15. Статистика – самоубийства. Прогнозы. Методы прогнозирования. Технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prognoz.org/article/statistika-samoubiistva> (дата обращения: 11.08.2019).
16. Медицинский реабилитационный центр «Янтарь», Нижегородская область, Кстовский район [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yantary.ru/> (дата обращения: 15.08.2019).
17. Нижегородцы не поверили друзьям 17-летнего парня, потерявшего в ДТП ногу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://progorodnn.ru/news/77005> (дата обращения: 05.08.2019).
18. Продолжается сбор средств на протез [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bikepost.ru/blog/moto_crash/49574/Prodlozhaetsja-sbor-sredstv-na-protez-Tane.html (дата обращения: 05.09.2019).
19. «Я собрала себя по кусочкам» – жизнь после ампутации ног [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sputnik-georgia.ru/interview/20180430/240265233/Ja-sobrala-sebja-po-kusochkam-zhizn-posle-amputacii-nog.html> (дата обращения: 05.09.2019).
20. О проблемах, сложностях и задачах инвалидного движения в Приморском крае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://deita.ru/ru/news/830601-artem-moiseenko-invalidy-prosto-ne-khotyat-zhit-ponima-ja-chto-v-rossii-nichego-i-nikogda-ne-izmenitsja/> (дата обращения: 09.09.2019).
21. Я живу вопреки себе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/zhizn-vopreki-sebe-1/> (дата обращения: 09.09.2019).
22. 73-летний пенсионер из Качканара покончил с собой после ампутации ноги. 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kchetverg.ru/2013/10/17/73-letnj-pensioner-iz-kachkanara-pokonchil-s-soboj-posle-amputacii-nogi/> (дата обращения: 10.09.2019).
23. Когда у инвалидов заканчиваются силы. Правмир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/pochemu-invalidyi-ubivayut-sebya/> (дата обращения: 10.09.2019).

**IMPERFECTION OF THE STATE REHABILITATION SYSTEM AS A CAUSE OF SUICIDAL MOODS
OF PERSONS WITH AMPUTATIONS OF LIMBS AND OTHER DISORDERS
OF THE MUSCULOSKELETAL SYSTEM**

A.V. Ermilova, A.S. Shenshin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this paper, we identify barriers that reduce the effectiveness of the state system of rehabilitation of persons with amputated limbs and other dysfunctions of the musculoskeletal system, which provokes suicidal intentions and practices in this category of the population. To study the problem of imperfection of the modern rehabilitation system in the Russian reality, the content analysis of Internet sources containing information about the specific features of life activity and rehabilitation of disabled persons was applied. The obtained information was processed with the help of the computer program «Lekta». The authors raise the issue of the need to improve the system of rehabilitation by means of in-depth interviews conducted by experts who carry out rehabilitation activities at the level of state and non-government organizations ($N=5$ persons). As a result, the authors identify the most pressing problems of the state system of rehabilitation for this population category. Particular attention should be paid to: the lack of cooperation between different agencies, the need for Russian prosthetics technologies to catch up with the foreign market, the absence of a comprehensive rehabilitation concept for persons with disabilities and the need to provide routing in the process of disabled persons' rehabilitation.

Keywords: rehabilitation system, suicide, musculoskeletal system, amputations.

УДК 316.4

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2020 г.

A.B. Куликова

Куликова Александра Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kulikova-alex@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 24.10.2019
Статья принята к публикации 05.02.2020*

Социологическое изучение конкуренции – сравнительно новое направление исследований. Важным этапом в развитии изучения процессов конкуренции стала разработка социально ориентированной конкурентной политики, основные принципы которой отражены в Стандарте развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Ключевым моментом данного документа стало формулирование задачи по выявлению степени удовлетворенности потребителей ситуацией, сложившейся на товарных рынках и рынках услуг. Актуальность данной статьи состоит в том, что процессы конкуренции рассматриваются сквозь призму их восприятия потребителями. Анализируются механизмы развития конкурентной среды: инфраструктура регулирования процессов конкуренции в регионе, представленная органами власти и общественными организациями. Потребители рассматриваются как активные участники рыночных отношений, которые могли бы быть вовлечены в процессы развития конкуренции на региональных рынках. Использованы результаты мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состояния ценовой конкуренции в Нижегородской области. Исследование проведено кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского совместно с центром исследования социальных систем ННГУ им. Н.И. Лобачевского и НИЦ ЭОН в рамках договора о сотрудничестве между Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского и Министерством экономического развития и конкуренции Нижегородской области. Выборочная совокупность составила 3000 респондентов; было также опрошено 986 предпринимателей, ведущих бизнес в Нижегородской области.

Ключевые слова: конкуренция, рынок, потребители, предприниматели, механизмы развития конкуренции.

Для экономической социологии конкуренция – новая и актуальная предметная область исследования. Когда эта тема впервые стала широко обсуждаться в российских научных кругах, ученых интересовали вопросы, связанные с теоретической разработанностью понятия «конкуренция». Ключевой отличительной особенностью социологического изучения процессов конкуренции будет включение в анализ социальных факторов. Для социолога важно не просто наличие состязательности, но прежде всего то, какие социальные связи возникают между конкурирующими субъектами, что и будет обеспечивать устойчивость рынка [1]. В работах зарубежных исследователей (например, Х. Уайт, К. Паланы, М. Грановеттер) в центре анализа также были сети коммуникаций между субъектами рыночных отношений, то, как они формируются и функционируют, то, как происходит обмен информацией внутри социальных сетей [2–4].

В последние же несколько лет в научных кругах все чаще обсуждаются вопросы, связанные с развитием конкурентной среды, разработ-

кой и реализацией социально ориентированной конкурентной политики [5–7]. Важным этапом в процессе государственного регулирования рыночного развития стала разработка Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации [8]. Стандарт определяет рамки проведения мониторинга развития конкуренции в регионах, одним из ключевых моментов которого является выявление степени удовлетворенности потребителей ситуацией, сложившейся на товарных рынках и рынках услуг. Внедрение Стандарта развития конкуренции позволяет рассматривать стратегии развития отраслей региона и, соответственно, выстраивать работу региональных отраслевых органов исполнительной власти через призму развития конкуренции [6]. Мониторинг позволяет оценить удовлетворенность потребителей качеством товаров, работ, услуг, деятельностью органов исполнительной власти в части развития конкуренции на социально значимых товарных рынках, оценить уровень административных барьеров. Это делает его эффективным управленческим механизмом в реализации социально ориентированной конкурентной политики.

Таблица 1
Примерное количество конкурентов
представляемого бизнеса, %

Варианты	2018
Нет конкурентов	6
От 1 до 3 конкурентов	22
4 и более конкурентов	31
Большое число конкурентов	35
Затруднились ответить	6

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Оцените примерное количество конкурентов бизнеса, который вы представляете, предлагающих аналогичную продукцию (товар, работу, услугу) или ее заменители, на основном для него рынке»

Таблица 2
Оценка ситуации на рынке основного
закупаемого товара (работы, услуги)
в отношении числа поставщиков, %

Неприменимо	14
Единственный поставщик	8
2–3 поставщика	22
4 и более поставщика	20
Большое число поставщиков	27
Затруднились ответить	10

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Оцените ситуацию на рынке основного закупаемого товара (работы, услуги), который приобретает представляемый вами бизнес для производства и реализации собственной продукции (если применимо)»

В работах, посвященных проблемам развития конкуренции, особое внимание уделяется именно потребителям, тому, как они воспринимают рыночные процессы, как интерпретируют рынок [9]. Поскольку потребители испытывают влияние конкуренции на себе, именно для них представляет особую важность качество товаров и услуг, широта их выбора и уровень цен. При этом важно, что в понимании экономической социологии сами потребители выступают активными участниками рыночных процессов и могут влиять на конкуренцию, формируя определенный механизм ее развития. Речь здесь может идти о развитии местных региональных рынков, например. Рассмотрим инфраструктуру регулирования процессов конкуренции на региональных рынках, которая представлена органами власти различного уровня и общественными организациями. Предполагаем, что интернет-торговля обладает определенным потенциалом в развитии конкуренции на рынках, поскольку онлайн-покупки становятся все более востребованными экономически активным населением.

Цель данной статьи – анализ механизмов развития конкурентной среды и описание инфраструктуры регулирования процессов конкуренции в Нижегородской области, представленной органами власти и общественными организациями. Используем результаты мониторингового социологического исследования, прове-

денного в ноябре–декабре 2018 г. кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского совместно с центром исследования социальных систем ННГУ им. Н.И. Лобачевского и НИЦ ЭОН в рамках договора о сотрудничестве между Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского и Министерством экономического развития и конкуренции Нижегородской области. Выборочная совокупность составила 3000 респондентов, презентировала районы Нижегородской области по численности населения и социально-экономическому развитию. В опросе приняли участие жители двадцати муниципальных образований региона, включая Нижний Новгород. Было также опрошено 986 предпринимателей, ведущих бизнес в Нижегородской области.

Оценка субъектами предпринимательской деятельности конкурентной среды

Прежде чем описывать механизмы регулирования конкурентной среды, остановимся кратко на том, как ее оценивает предпринимательское сообщество. В его восприятии региональный рынок является скорее средой с высокой конкуренцией. В связи с этим бизнесу, чтобы сохранить свои позиции на рынке, необходимо предпринимать новые меры по повышению конкурентоспособности (40%). Нельзя сказать, что ситуация за последние три года существенно поменялась. Однако, оценивая изменения на региональном рынке, многие отмечают возрастание напряженности в условиях ведения бизнеса (64%). Стабильность на рынке ощущают только 23% предпринимательского сообщества. О достаточно сильной конкурентной борьбе на региональном рынке говорит и тот факт, что большинство предпринимателей отмечает, что в их сегменте присутствует большое число конкурентов: точное число не называется (35%, см. табл. 1) или конкурентов более четырех (31%).

Еще один важный показатель – это оценка уровня конкуренции на рынке основного закупаемого товара или работы. Здесь мнения разделились. Видимо, на каждом из рынков действует разное число игроков, и уровень конкуренции на рынке поставщиков в разных сферах бизнеса – различный (см. табл. 2). При этом рынок основного закупаемого товара все же можно охарактеризовать как конкурентный: около 40% представителей бизнес-сообщества говорят о наличии 3 и более поставщиков. Закупки у единственного поставщика применяются у небольшого числа предпринимателей (всего 8%). В целом же можно сказать, что бизнес удо-

Таблица 3
Меры для улучшения ситуации, %*

Контроль, государственный контроль, регулирование цен	14
Развитие конкуренции	9
Снижение цен, тарифов	7
Улучшение экономической ситуации, повышение уровня жизни	5
Контроль за качеством продукции	5
Работа с законодательством	4
Все устраивает	4
Развитие сельского хозяйства, местного производства	2
Соблюдение действующего законодательства	1
Другое	16
Нет таких, нет, все устраивает	35

В таблице дается распределение ответов на открытый вопрос «Какие меры могут помочь улучшить ситуацию».

*Рассчитано от ответивших

вляетворен ситуацией, которая сложилась на рынке основного закупаемого товара, работы или услуги (около 60%).

О достаточно благоприятной конкурентной ситуации на региональном рынке говорит и тот факт, что больше половины предпринимателей считает, что нет таких рынков товаров, работ, услуг, на которых осуществляются закупки для собственного предприятия, где конкуренция оценивалась бы как неудовлетворительная (55%). Среди тех рынков, которые все же назывались и где конкуренция между поставщиками оценивалась как неудовлетворительная, прежде всего стоит назвать рынок нефтепродуктов (ГСМ, топливо – 10%) и продуктов питания (4%). В связи с этим одной из самых популярных мер по регулированию конкуренции и улучшению ситуации, по мнению предпринимателей, будет государственное регулирование цен. Данные рынки воспринимаются как значимые, и часто звучала необходимость государственного вмешательства именно на этих рынках.

Несмотря на то что бизнес-сообщество считает одной из первых мер по развитию конкуренции регулирование цен на социально значимых рынках, встречаются предприниматели, которые выступают за невмешательство государства и правительства страны в развитие конкуренции и в целом в развитие малого бизнеса. Одной из важных мер по улучшению ситуации также называлось развитие конкуренции в целом, улучшение экономической ситуации в стране и повышение уровня жизни населения. Важны также антикоррупционные меры и улучшение законодательства (табл. 3).

Инфраструктура регулирования конкуренции

Понимание инфраструктуры регулирования конкуренции в регионе позволит определить механизмы развития конкурентной среды. Ин-

фраструктура представлена органами власти различного уровня и общественными организациями. У потребителей пока нет осознания необходимости регулирования и развития процессов рыночной конкуренции, поскольку те организации федерального и регионального уровня, которые призваны защищать интересы бизнеса и потребителей, не воспринимаются населением как инструменты по развитию конкурентной среды. В представлении потребителей сфера регулирования конкурентных отношений на рынках региона лежит скорее в зоне ответственности региональных и местных властей. Именно деятельность губернатора Нижегородской области по развитию конкуренции оценивается положительным образом. Доля тех, кто считает, что этот вопрос лежит вне зоны компетенции губернатора, невелика (32%, см. табл. 4). Муниципальные власти и администрация районов тоже, по мнению потребителей, должны заниматься развитием конкурентной среды, и их работа оценивается скорее положительно.

Общественные организации федерального уровня, основная деятельность которых связана именно с развитием бизнеса, помощью малому и среднему бизнесу, развитием диалога с властями разного уровня («ОПОРА России», «Деловая Россия»), что в свою очередь и должно способствовать развитию высококонкурентной среды, не воспринимаются населением Нижегородской области как инструменты регулирования конкурентных процессов (более 80% считают, что это вне зоны их компетенции). Возможно, столь высокий показатель говорит и о том, что потребители не информированы о специфике деятельности данных организаций.

Более того, бизнес-сообщество, являясь, по сути, основным игроком на региональном рынке, от развития которого и зависят широта выбора компаний, возможность выбора товаров и услуг, уровень цен и прочее, также не воспринимается как участник процессов по развитию конкуренции (около 60%).

Общественная палата Нижегородской области, учебные заведения, местные организации, по мнению потребителей, находятся вне зоны ответственности регулирования конкурентной среды (около 60%).

Региональные власти, представленные министерством экономического развития и инвестиций Нижегородской области, Федеральная антимонопольная служба по Нижегородской области скорее оцениваются удовлетворительно. Однако половина населения области убеждена, что развитие конкуренции вне зоны их компетенции.

При этом можно сказать, что у жителей региона немного повышен уровень критики ра-

Таблица 4

Оценка работы органов власти и организаций по развитию конкуренции в вашем населенном пункте, %	1*	2	3	4
Губернатор Нижегородской области	32	12	40	16
Администрация района	31	22	35	12
Глава Вашего города (за пределами НН)	40	19	32	9
Глава Нижнего Новгорода	49	9	31	11
Учебные заведения района	61	7	28	4
Районные комитеты по защите прав потребителей	44	20	27	8
Районный отдел (департамент) по развитию предпринимательства	48	20	25	6
Местные организации	58	13	25	3
Министерство экономического развития и инвестиций Нижегородской области	54	18	23	6
Федеральная антимонопольная служба по Нижегородской области	52	20	23	5
Отделы по развитию потребительского рынка и предпринимательства	46	23	22	9
Нижегородская региональная общественная организация по защите прав потребителей	53	20	22	4
Комитет по управлению муниципальным имуществом	57	22	18	3
Общественная палата Нижегородской области	64	16	18	2
Бизнес-сообщество	63	17	17	3
«ОПОРА России»	82	8	9	1
«Деловая Россия»	82	8	9	1

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете работу следующих органов власти и организаций по развитию конкуренции в вашем населенном пункте/районе области?»

1* – вне зоны компетенции; 2 – неудовлетворительно; 3 – средне; 4 – удовлетворительно.

боты районных отделов (департаментов) по развитию предпринимательства, районных комитетов по защите прав потребителей и Нижегородской региональной общественной организации по защите прав потребителей (около 20% не удовлетворены их работой в сфере развития конкуренции). Критикуют и местную власть в лице районных администраций и комитетов по управлению муниципальным имуществом (по 22%).

Направления вовлечения населения в процессы развития конкуренции

Сегодня нельзя сказать, что потребители готовы быть вовлечены в процессы развития конкуренции на региональных рынках. Можно говорить лишь о невысокой активности населения Нижегородской области, поскольку чаще всего люди категорически не хотят принимать участие во всех предложенных к оценке действиях (40% и более, см. табл. 5). При этом нельзя сказать, что потребители затруднились оценить эти формы участия, это именно неготовность или нежелание.

В то же время можно выделить направления развития и повышения активности потребителей. Так, среди прочих возможностей, направленных на развитие конкуренции, население готово писать отзывы на различных сайтах о работе компаний (23%). Повышенная информированность населения о такой форме действий, создавая площадки с отзывами о компаниях Нижегородской области, рейтингами организаций, можно активизировать потребителей в

этом направлении и, вероятно, познакомить с другими формами активности. Например, часть потребителей поддерживают такую форму участия, как обращение в органы власти с запросом об информации (20%). Есть некоторая готовность к протестной активности, направленной на недобросовестных продавцов (23% поддерживают данные действия, хотя сами скорее не готовы принять участие), против повышения цен естественными монополями (22% одобряют).

Использование потенциала интернет-торговли

Одним из механизмов развития конкурентной среды может стать использование потенциала интернет-торговли, поскольку большинство населения сегодня уже пользуется услугами онлайн-продаж. Частота и регулярность совершения сделок через интернет-площадки невысока: один раз в два–три месяца и реже (77%, см. табл. 6). Однако говорить о существовании каких-либо барьеров на пути развития данной формы торговли не приходится. Среди тех, кто пользуется услугами покупки товаров онлайн, практически нет потребителей, которые говорят о низком качестве товаров в интернет-магазинах по сравнению с продажами офлайн, высокой стоимости доставки, отсутствии банковских карт для оплаты (см. табл. 7). Среди жителей региона невысока доля тех, у кого нет доступа в Интернет (всего 16% от тех, кто не готов покупать товары через Интернет). Реальная причина, по которой такие покупки не

Таблица 5

Оценка отношения к различным действиям, направленным на развитие конкуренции, %

Действия	1*	2	3	4
Написание отзывов на различных сайтах о работе компании	23	19	42	16
Использование мобильных приложений на телефонах и других гаджетах для сбора и отсылки информации о неподобающем поведении продавцов (продаже некачественных товаров или завышении цен)	18	19	43	20
Бойкот покупки товаров и услуг недобросовестных продавцов	17	23	38	23
Обращение в органы власти с запросом об информации	16	20	41	23
Подписание обращений к органам власти разного уровня для привлечения внимания к проблемам развития конкуренции в районе, области	9	17	43	31
Участие в общественных обсуждениях проблем развития своего города, региона, страны	8	19	43	30
Участие в дискуссиях по данному вопросу в социальных сетях	8	16	48	28
Участие в голосовании на различные номинации – лучшая компания года в своей отрасли	8	19	45	28
Отслеживание информации о состоянии дел на различных рынках в открытых источниках	7	18	44	31
Участие в митингах протesta против повышения цен естественными монополистами	7	22	48	23
Отслеживание информации о состоянии дел на различных рынках в специализированных базах данных	4	17	47	31
Общественная поддержка инициатив бизнес-сообщества в данном направлении	2	15	49	34
Реализация общественных инициатив и проектов развития рыночной конкуренции	2	15	48	34
Участие в рабочих и инициативных группах, направленных на создание решений по развитию рыночной конкуренции	2	14	52	32
Участие в деятельности по общественному контролю за соблюдением условий справедливой рыночной конкуренции	2	16	52	30
Членство в общественных организациях, деятельность которых направлена на развитие рыночной конкуренции в регионе	1	12	53	33

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Оцените Ваше отношение к различным действиям, направленным на развитие конкуренции в Нижегородской области»

*1 – готовы принять участие; 2 – поддерживаете морально; 3 – категорически не хотите принимать участие; 4 – затрудняюсь ответить

Таблица 6
Частота пользования услугами онлайн-торговли, %

Ежедневно	3
Ежемесячно	19
Один раз в два–три месяца	40
Раз в полгода и реже	37

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь услугами онлайн-торговли?», % от ответивших, пользующихся данными услугами

Таблица 7
Причины неиспользования услуг онлайн-торговли, %

Просто нет желания и интереса	22
Нужные товары легче купить в магазине	20
Нет доступа в Интернет	16
Качество товаров в Интернете трудно проверить	13
Трудно вернуть неподходящий товар	6
Высокая стоимость доставки в вашу местность	4
Нет банковской карты для оплаты товаров в Интернете	3
Товары в интернет-магазинах дорогие	1
Другое	2

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Если Вы не пользуетесь, то почему?»

совершаются, – это, скорее, нежелание и, возможно, некоторая консервативность потребителей, которым проще купить необходимое в обычном магазине (22 и 20% соответственно).

Все это дает основание предполагать, что при дальнейшем развитии интернет-торговли доля тех, кто не пользуется услугами онлайн-покупок, уменьшится.

Таблица 8

Удовлетворенность аспектами онлайн-торговли, %

Аспекты	1*	2	3
Возможностью использовать для оплаты различные системы оплаты	9	28	63
Возможностью использовать для оплаты различные банковские карты	10	29	62
Соотношением цена/качества	9	32	59
Полнотой информации о товаре, представленном на сайте	11	35	54
Доступностью пунктов получения товара	14	32	54
Соответствием описаний товаров на сайтах и реально доставленных на дом	12	36	52
Безопасностью операций интернет-покупок	14	34	52
Стоимостью доставки	16	33	51
Возможностью возврата неподходящего товара	15	35	51
Скоростью доставки (периодом ожидания товара)	22	31	47
Гарантией качества	15	38	47

В таблице дается распределение ответов на вопрос «Оцените Вашу удовлетворенность следующими аспектами онлайн-торговли?»

1* – не удовлетворен; 2 – в значительной степени удовлетворен; 3 – полностью удовлетворен

Среди преимуществ онлайн-торговли потребителями прежде всего назывались такие аспекты, как возможность использовать разные системы оплаты и различные банковские карты (более 60% потребителей полностью удовлетворены, см. табл. 8), соотношение цены и качества товара, возможность получить полную информацию о товаре на сайте (54–59%). Потребители также удовлетворены и другими аспектами онлайн-торговли: доступностью пунктов выдачи товара, соответствием описания товара и реально доставленного на дом. Интернет-покупки оцениваются как безопасные, отмечается соблюдение гарантийных и иных обязательств. Все это должно содействовать дальнейшему развитию рынка онлайн-торговли.

Основные выводы

– Предпринимательское сообщество определяет региональный рынок как высококонкурентный. Данная ситуация остается такой на протяжении последних трех лет, хотя, оценивая изменения на рынке, многие предприниматели отмечают возрастание напряженности в условиях ведения бизнеса. Однако, рассматривая характеристики числа конкурентов на рынке, нельзя говорить об увеличении числа игроков. Поэтому речь должна идти, скорее, о том, что предприниматели могут не ощущать стабильности в рыночной ситуации и должны быть готовы к изменениям.

– Меры по улучшению конкурентной ситуации, которые назывались предпринимателями, – это государственное регулирование цен на топливо и ГСМ, развитие конкуренции в целом, улучшение экономической ситуации в стране, повышение уровня жизни населения; также важны антикоррупционные меры и улучшение законодательства.

– Сегодня нельзя сказать, что потребители готовы быть вовлечены в процессы развития

конкуренции на региональных рынках. В их сознании пока нет понимания необходимости регулирования и развития процессов рыночной конкуренции, поскольку те организации федерального и регионального уровня, которые призваны защищать интересы бизнеса и потребителей, не воспринимаются населением как инструменты по развитию конкурентной среды. В представлении потребителей сфера регулирования конкурентных отношений на рынках региона лежит, скорее, в зоне ответственности региональных и местных властей.

– При этом несколько повышен уровень критики работы районных отделов (департаментов) по развитию предпринимательства, районных комитетов по защите прав потребителей и Нижегородской региональной общественной организации по защите прав потребителей.

– Общественные организации федерального уровня, основная деятельность которых связана именно с развитием бизнеса («ОПОРА России», «Деловая Россия»), как и бизнес-сообщество, не воспринимаются населением Нижегородской области как инструменты регулирования конкурентных процессов.

– Одним из механизмов развития конкурентной среды может стать использование потенциала интернет-торговли. Сегодня большинство потребителей Нижегородской области пользуется услугами интернет-магазинов, а высокая удовлетворенность практически всеми аспектами онлайн-торговли и отсутствие значимых барьеров, способных повлечь сокращение сделок онлайн, должны способствовать дальнейшему развитию потенциала товарных рынков и конкуренции в сети Интернет.

– Можно выделить направления развития и повышения активности потребителей. Население готово писать отзывы на различных сайтах о работе компаний. Повышенная информированность населения о такой форме действий, созда-

вая площадки с отзывами о компаниях Нижегородской области, рейтингами организаций, можно повысить активность потребителей в этом направлении и, возможно, познакомить с другими формами активности.

Часть потребителей поддерживает такую форму участия, как обращение в органы власти с запросом об информации. Существует некоторое одобрение протестной активности, направленной на недобросовестных продавцов и против повышения цен естественными монополиями.

Список литературы

1. Радаев В.В. Атомизированные действия и социальные связи: основы конкуренции в российской розничной торговле // Мир России. 2009. Т. 18. № 2. С. 50–88.
2. Уайт Х. Рынки и фирмы: размышления о перспективах экономической социологии / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 33–49.
3. Ивашиненко Н.Н. Изучение процессов конкуренции: анализ сетей взаимодействия предприятий // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4. С. 54–66.
4. Радаев В.В. Что такое конкуренция // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 16–25.
5. Варызгина А.А., Патокина Н.Н., Теодорович М.Л. Стандарт развития конкуренции – новый политico-управленческий механизм регулирования социального неравенства // Материалы VI Международной научной конференции «Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления». Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 222–226.
6. Патокина Н.Н., Теодорович М.Л. Стандарт развития конкуренции на региональном уровне: потенциал снижения социального неравенства // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 86–87.
7. Теодорович М.Л., Окшин В.В. Социально-ориентированная конкурентная политика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2017. № 4(48). С. 98–109.
8. Распоряжение Правительства РФ от 5 сентября 2015 г. № 1738-р «О стандарте развития конкуренции в субъектах РФ». URL: <https://base.garant.ru/71179344> (дата обращения: 27.11.2019).
9. Куликова А.В. Удовлетворенность потребителей состоянием конкурентной среды в Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2016. № 3. С. 96–102.

MECHANISMS FOR COMPETITION DEVELOPMENT IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

A.V. Kulikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The sociological study of competition is a relatively new area of research. An important stage in the development of studies of competition processes was the formulation of socially oriented competition policy, the basic principles of which are contained in the Standard for the development of competition in the subjects of the Russian Federation. The relevance of this article is that the processes of competition are considered through consumers' perception. The article presents an analysis of the mechanisms for developing a competitive environment: the infrastructure for regulating competition processes in the region, as represented by the government and public organizations. Consumers are considered as active participants of market relations, who could be involved in the development of competition in regional markets. The article presents some findings of the sociological research focused on customers' satisfaction with the state of competitive environment in the region. The study was conducted by the Department of Sociology of Project Activities and Pro-Competitive Regulation at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, the UNN Center for the Study of Social Systems, the EON Research Center and the Ministry of Economic Development and Competition of the Nizhny Novgorod region. The sample population was 3000 respondents (residents of the Nizhny Novgorod region). A total of 986 entrepreneurs doing their business in the Nizhny Novgorod region were also interviewed.

Keywords: competition, market, customers, entrepreneurs, mechanisms for competition development.

УДК 316:303.064

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

© 2020 г.

M.B. Кильдеев

Кильдеев Мансур Вилевич, к.соц.н.; директор Ассоциации
«Союз исследователей современного общества», Казань
makhmud_e@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 07.10.2019
Статья принята к публикации 31.01.2020*

С опорой на изучение специальной литературы и архивных данных раскрывается проблема компьютеризации в социологии на примере частной социологической дисциплины – социологии религии. Объектом исследования послужили материалы различных исследований, проведенных в регионах РСФСР в 1960–1980-х гг. (особую ценность в качестве источника имеет созданный в 1972 г. свод конкретно-социологических исследований проблем атеизма и религии, проведенных в СССР). Прослеживаются этапы компьютеризации социологии в условиях работы с ЭВМ второго, третьего и четвертого поколения. Описана методика подготовки и обработки социологических данных на ЭВМ. Показано, как росли стандарты научно-социологической деятельности, включая методический уровень и оперативность исследований, расширялась сфера применения математических и статистических методов. Выявлены ретроградные тенденции в обществоведческой среде по отношению к внедрению ЭВМ в социологическую практику и описаны причины подобных настроений. Отмечено, что нараставшее техническое отставание СССР не позволило реализовать амбициозные планы по информатизации общественных наук и по созданию научно-информационных сетей; только освоение персональных компьютеров и универсальных статпакетов избавило социологов от односторонней зависимости от вычислительных центров и способствовало автономизации профессиональной деятельности.

Ключевые слова: социология религии, социологические данные, ЭВМ, компьютеризация, Институт научного атеизма, вычислительный центр, персональный компьютер.

1. Предпосылки компьютеризации советской социологии религии

Социология религии возродилась в СССР в начале 1960-х гг. Внешнее западное влияние и внутренние факторы предопределили развитие советской социологии религии как позитивистской науки, изучающей только те явления и процессы, которые поддаются квантификации. Одним из условий развития социологии религии стало освоение ею методов прикладной статистики и программирования. Этому, в первую очередь, способствовала потребность в обработке больших массивов информации и в анализе всех составляющих социологического измерения: статистики случайных величин, многомерного статистического анализа и статистики временных рядов. Применение ЭВМ для обработки анкетного материала стало важнейшим атрибутом состоятельного, с научно-методической точки зрения, проекта.

Источники исследования – работы советских и зарубежных авторов и архивные документы. Материалы по изучаемой теме обнаружены в фонде Института научного атеизма в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), научном ар-

хиве УНЦ РАН (НА УНЦ РАН), в фонде МарНИИ Государственного архива Марий Эл (ГА РМЭ).

Наиболее известный западный критик советской социологии религии У.С. Флетчер, отмечая заметные успехи отрасли, указывает на полное отсутствие математического анализа как на главный недостаток при анализе данных [1, р. 189]. «Если не считать процентных распределений и, нечасто, простых математических операций, математический анализ совершенно неизвестен советским социологам религии» [1, р. 190]. Основной причиной, как полагает Флетчер, является элементарное отсутствие оборудования. «Компьютеры, вопреки утверждениям об обратном, в действительности (*virtually*) недоступны»; «Даже машинная сортировка вопросников все еще недоступна» [1, р. 190]. Эти наблюдения Флетчера основаны на литературе, изданной в 1967–1969 гг., то есть в «докомпьютерную» для советской социологии эпоху. В тот период развития социологии религии данные обрабатывались преимущественно вручную. В ряде случаев анкеты передавались на станции механизированного счета ЦСУ, где в то время применялись электромеханические СПМ (счетно-перфорационные машины) – предшественники ЭВМ [2].

Уже в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. социологи взялись за масштабные и смелые проекты, претендующие на высокие научные стандарты, включая статистическую репрезентативность и оперативность обработки данных. Возникает потребность в кооперации с математиками и программистами. Первое социологическое исследование в области изучения религии и атеизма, претендующее на репрезентативность в масштабах целого региона, было проведено в Пензенской области в декабре 1968 г. Всего было опрошено около 15 тысяч человек по теме «Процесс секуляризации в условиях социализма». Обработка данных была произведена на СПМ, данные по ряду показателей были обработаны на ЭВМ позднее.

В 1972 г. Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС (далее – ИНА) приступает к созданию свода конкретно-социологических исследований проблем атеизма и религии, проведенных в СССР, начиная с 1962 г. [3, л. 1]. Были получены данные из 17 регионов страны (от 17 опорных пунктов ИНА). В сводной информации отражены методы обработки информации: вручную, на СПМ или на ЭВМ. Из собранных сведений известно, что электронно-вычислительная техника для обработки данных применялась в Пензенской и Ярославской областях РСФСР, в Одесской области УССР, в Алма-Атинской области Казахской ССР и в Гродненской области БССР. В г. Даугавпилсе Латвийской ССР, в Ровенской области УССР данные обрабатывались при помощи СПМ [3, л. 109]. ЭВМ использовались для обработки данных исследований, проведенных позднее в Марийской АССР (1973 г.), Чечено-Ингушской АССР (1974–1975 гг.).

Проведенное в 1973 г. при участии ИНА исследование «Быт, культура, традиции и верования населения Марийской АССР» (научный руководитель – В.С. Соловьев) дает представление о масштабах данных, получаемых в процессе исследования. Информационный фонд представлял 5 массивов документов. Общий объем фонда – 12000 вопросников [4, с. 104]. В Ярославле было собрано и обработано на ЭВМ 4000 опросных единиц, в Гродно – 43500. ЭВМ вывели исследования на новый научно-методический уровень, снабжая социологов огромными массивами таблиц, диаграмм, необходимых для проверки статистических гипотез.

Социологические лаборатории не располагали собственной электронно-вычислительной техникой. Социологам приходилось обращаться за помощью к учреждениям, имевшим собственные вычислительные центры. Вычислительный центр (ВЦ) – комплекс помещений,

предназначенных для размещения компьютерных систем и вспомогательного оборудования; предприятие, предназначенное для выполнения сложных и трудоёмких вычислительных работ с помощью ЭВМ. Самые первые ВЦ были созданы при Министерстве обороны СССР. После июньского 1959 г. Пленума ЦК КПСС, на котором рассматривались вопросы, связанные с созданием в стране ЭВМ и их внедрением в народное хозяйство, ВЦ стали появляться при центральных министерствах, научных учреждениях, крупных промышленных предприятиях. «На месте» обработка данных исследований атеизма и религии проводилась в г. Пенза (в ВЦ НИИПТХиммаш), в г. Йошкар-Ола (в ВЦ Марийского политехнического института), в ВЦ Грозненского НИИ, в г. Горьком. Там, где требуемые условия отсутствовали, процедуры ввода, обработки и контроля ввода данных осуществлялись в московских научных учреждениях.

2. Методика обработки социологических данных на ЭВМ второго поколения

В середине 1970-х гг. применение ЭВМ считалось оправданным при величине обрабатываемого массива анкет свыше 1000 единиц. При меньшем числе документов рекомендовалось применять СПМ [5, л. 74]. При объеме документов менее 500 допускался ручной подсчет [4, с. 106].

Среди наиболее важных особенностей работы по обработке данных на ЭВМ первых поколений был крайне трудоемкий процесс подготовки данных. Он включал: выбор системы кодирования, кодирование закрытых вопросов, формализацию и кодирование открытых вопросов, редактирование источников информации, корректирование информации. Подготовка данных к обработке заключалась в их перенесении из анкеты на кодировочный бланк, оттуда – на перфокарту или перфоленту. Каждая анкета занимала 4 или 5 стандартных восьмидесятиколонных перфокарт [4, с. 181]. Затем данные проверялись на точность и логическую непротиворечивость, переносились на магнитную ленту, обрабатывались и выдавались в виде бинарных, с суммами по строкам и столбцам, четырехмерных таблиц [4, с. 116]. Данные необходимо было сохранить в электронном виде, для чего они переносились с перфокарт на машиноситель, находящийся в оперативной памяти. Далее кодированная информация на носителях передавалась в ВЦ.

В связи с разнообразием применяемой в СССР электровычислительной техники не сложились предпосылки для создания универсальных статистических и социологических про-

грамм, подобных *SPSS*, *Statistica* и др. Институт научного атеизма вел работу по созданию программного обеспечения для обработки анкет на базе ЭВМ «Минск-22». Социологи г. Горького применяли «БЭСМ-3М» и «Минск-22», в Пензе применялся «Урал-11», в Грозном – «Минск-22», в Йошкар-Оле – «М-222». Перечисленные машины принадлежат к ЭВМ второго поколения. К разработке программного обеспечения привлекались профессиональные программисты. Каждый раз разрабатывалась собственная уникальная программа. Программное обеспечение позволяло осуществлять управление базами данных, представлять графические данные, создавать аналитические программы.

В исследованиях, где собранные данные были обработаны вручную, они были представлены в основном путем расчета процентных соотношений. Создание таблиц сопряженности вручную стоило огромных усилий. По глубине машинной обработки данных исследования конца 1960-х – начала 1970-х гг. недалеко ушли от ручной обработки. Так, материалы исследования в Марийской АССР 1973 г. после обработки были представлены в виде двухмерных таблиц, содержащих только абсолютные величины. При повторном исследовании в 1985 г. были получены уже трехмерные таблицы, вычислены статистические связи между некоторыми переменными. Для достижения сравнимости данные первого исследования были пересчитаны заново [6].

Программа обработки данных на ЭВМ второго поколения обеспечивала, как минимум, получение многомерных таблиц (по интересующим исследователя зависимостям), группировку данных, анализ совокупностей, выделяемых по социальному, национальному, территориальному, конфессиональному признаку. Более углубленный анализ (в виде установления связи между переменными и ее тесноты, корреляционный и дисперсионный анализ) в тот период не применялся [7, с. 114].

ЭВМ позволяли, при должном уровне программного обеспечения, в короткие сроки обработать большой объем анкет. Как правило, машинная обработка данных одного исследования занимала 2–3 месяца. В исследовании в Марийской АССР (1973) обработка на ЭВМ заняла меньше трех месяцев, было затрачено 400 машинных часов. Но до этого только на кодирование, логический контроль и на перенос данных на перфокарты ушло 9 месяцев [4, с. 183]. Нередко обработка затягивалась на годы, иногда вообще не доводилась до конца. На 1976 г. 2/3 данных исследования в Пензенской области, которое было проведено в 1968 г., не были обработаны [4, с. 37].

3. Ретроградные тенденции

Использование ЭВМ в социологической практике осложнялось дефицитом свободного машинного времени в ВЦ и высокой стоимостью обработки данных на ЭВМ [2, с. 84]. По сведениям А.Ф. Окулова, директора ИНА, исследование в Пензенской области в 1968 г. обошлось в 26 тыс. руб., причем большая часть расходов пришлась на оплату услуг вычислительного центра (в остальном исследование проводилось на «общественных началах», исполнители: интервьюеры, контролеры, кодировщики и т.д. – работали без вознаграждения). Социологи из Ивано-Франковского опорного пункта ИНА (УССР) сетовали, что ВЦ в Киеве запросил с них сумму 100 тыс. руб. за обработку 28 тысяч социологических анкет [8, л. 44].

На этой почве на начальном этапе внедрения электронно-вычислительной техники в социологии среди обществоведов были слышны голоса противников компьютеризации и математизации. Эти настроения выразил М.К. Тепляков, руководитель Воронежского опорного пункта ИНА, выступая на семинаре руководителей опорных пунктов: «Никогда машина не даст той информации, которая нужна»; «Я не против машин, но те финансы, которые мы тратим на машины, нужно отдать атеистической пропаганде, ... и надо готовить кадры, ... а мы изучаем какими-то окольными путями» [9, л. 15].

Почвой для подобных анахронических выпадов служила специфика социологических исследований, проводившихся по заказу партийных органов. В качестве исполнителей на общественных началах привлекались партийные, комсомольские активисты, служащие учреждений и предприятий. Например, только для сбора данных в Пензенской области были привлечены 7 тысяч человек [9, л. 17]. Над подготовкой данных к машинной обработке в течение месяца трудились 40 человек, освобожденных на это время от основной работы по месту службы [10, л. 75].

Под руководством вышеупомянутого М.К. Теплякова в Воронежской области в 1965–1968 гг. было реализовано комплексное ретроспективное исследование проблем религии и атеизма при участии 8 тысяч исполнителей, в ходе которого было собрано 59 288 анкет. Были получены данные об отходе населения области от религии на протяжении нескольких поколений. Причем обработка данных была проведена исключительно вручную. При наличии неограниченного ресурса бесплатной рабочей силы у организаторов терялись всякие представления о реальной стоимости научно-исследовательских работ.

Следует сказать, что наличие в рядах обществоведов и бюрократии влиятельных ретрографдов не оказало влияния на компьютеризацию социологии, поскольку она осуществлялась в исполнение решений по информатизации советской экономики.

4. Преодоление удаленности информационных услуг от рабочего места социолога в условиях третьего и четвертого поколений ЭВМ

Сохранилась проблема удаленности вычислительных и информационных услуг от рабочего места ученых и исследователей. Появление в 1972 г. отечественных ЭВМ третьего поколения не решило проблем доступности электровычислительной техники и зависимости социологов от сторонних вычислительных центров. Обработка данных на ЭВМ оставалась дорогостоящим мероприятием и была доступна социологам только в централизованном режиме. 1 час машинного времени весьма распространенной в конце 1970-х гг. ЭВМ ЕС-1022 стоил около 80 рублей [11, с. 223]. Проблему дефицита и недоступно высокой стоимости ЭВМ украинские социологи предлагали решить применением программируемых микрокалькуляторов [11¹]. Эти недорогие устройства поступали в свободную продажу, пользователи снабжали их устройствами считывания с магнитной ленты или перфокарт, дисплеем, графопостроителем, принтером и применяли для выполнения достаточно сложных вычислений. Программируемые микрокалькуляторы были эффективны для вторичных вычислений с данными, предварительно обработанными на «больших» ЭВМ. Естественно, что вычислительные операции на программируемых микрокалькуляторах были под силу только квалифицированным математикам и программистам и широкого распространения среди социологов такой способ анализа данных не получил.

Советские социологи строили планы по приближению функций обработки и анализа данных, а также поиска социологической информации путем доступа к ЭВМ третьего поколения через терминалы общего доступа [12, с. 127]. Эти планы увязывались с программами развития телекоммуникационных сетей (например, ВЦКП и «Академсеть»), которые в итоге не были реализованы в связи с кризисными явлениями в экономике и распадом СССР. Частью этих планов было создание банков социологических данных. В Институте социологии АН СССР банк данных появился в 1985 г. В настоящее время в банке данных Института социоло-

гии РАН² хранится 192 проекта, выполненных в советский период. Проектов, связанных с изучением религиозности и атеизма, среди них нет. Ранее планировавшийся Всесоюзный банк социологических данных исследований религии и атеизма [4, с. 37] не был создан.

Децентрализовать, значительно упростить и удешевить процедуру, сократить сроки, отводимые на обработку данных, позволило появление производимых совместно с СЭВ персональных компьютеров (ПК), имеющих архитектуру IBM PC и относимых к четвертому поколению ЭВМ.

Созданный в конце 1987 г. информационно-социологический сектор идеологического отдела Татарского обкома КПСС располагал двумя собственными ПК ЕС-1840. ПК были снабжены пакетом прикладных социологических программ, которые позволяли не только выводить многомерные распределения, но и производить факторный и корреляционный анализ. Применение статпакетов облегчило приемы взаимодействия социолога с ЭВМ за счет более простого ввода эмпирической информации и удобной формы представления результатов анализа. Использование современной техники и программ позволило сократить до одного месяца весь исследовательский цикл от постановки задачи до выдачи готового социологического продукта [13, с. 93].

Следует сказать, что широкое применение современных ПК вузовскими и академическими социологами по-прежнему было ограничено. Так, заведующий сектором социологии Марийского НИИ В.И. Шабыков в конце 1980-х гг. неоднократно ставил перед руководством института вопрос о приобретении персональной ЭВМ [14, л. 24; 15, л. 3]. Вопрос с приобретением техники решен не был, марийские социологи еще долгое время (до 1992 г.) находились в зависимости от республиканского статуправления, услугами ВЦ которого они пользовались.

Компьютеризация предъявляла новые требования к профессионализму социологов. Ведущими профессиональными качествами социолога стали методическая аккуратность, оперативность, стремление к овладению математическими, техническими знаниями, умение работать со статистическим материалом и с formalizованными моделями, умение налаживать сотрудничество со специалистами из других отраслей. Приведем показательный пример невнимательного отношения к методическим основам исследования и неудачного взаимодействия социологов с ВЦ. Анкетирование на тему «Современные этнические процессы в Башкирской АССР» (научный руководитель –

Н.В. Бикбулатов) было проведено в 1986 г. [16, л. 5]. Ввод данных осуществлялся в ВЦ Института математики БНЦ. С одной стороны, процесс тормозился из-за технических обстоятельств. Так, с самого начала обозначился дефицит машинного времени в ВЦ при большом числе пользователей [16, л. 24], в 1987 г. отсутствовала магнитная лента для записи программы [16, л. 24], в 1990 г. возник дефицит бумаги для АЦПУ [16, л. 44]. С другой стороны, имело место постоянное нарушение разработанной в Институте этнографии СССР процедуры. На этапе ввода были допущены систематические ошибки при кодировании данных о социально-профессиональном статусе [16, л. 36]. В 1987 г. уфимские этнографы провели новый выезд в два района республики с целью добра анкет взамен забракованных [17, л. 4], провели корректировку уже зашифрованных материалов [16, л. 21]. Полученные рабочие материалы, по всей видимости, оказались непригодны для обработки. Сроки окончания обработки данных постоянно сдвигались, пока, наконец, в 1992 г. тема не была закрыта. Результаты исследования не были опубликованы.

Заключение

Компьютеризация, начавшаяся в конце 1960-х гг., вывела социологические исследования в области религии и атеизма на новый уровень. Усложняется научно-техническая документация. В программу социологического исследования включается техническое задание на обработку данных. Новые требования предъявляются к опросному инструментарию, который ранее нередко создавался в произвольной форме, без учета параметров измерения. Формулировки вопросов и ответов предполагают последующую компьютерную обработку, вычисление корреляций. Возросший методический уровень исследований теперь позволяет осуществлять более строгий и научный отбор фактов.

Компьютеризация не ограничивалась этапом обработки первичной информации, распространяясь на этапы разработки программы и инструментария, информационного обслуживания, хранения и поиска эмпирической информации, редактирования отчетов.

Обработка на ЭВМ сделала социологические данные «многоразовыми», позволяя другим ученым возвращаться к ним, развивая собственный аспект, срез или объект исследования. Благодаря этому в Марийской АССР (1973 и 1985 гг.), Горьковской области (1972 и 1982 гг.), в различных районах Чувашской АССР были проведены повторные исследования, показавшие динамику и тенденции религиозной жизни.

Среди проблем, которые сопровождали компьютеризацию социологических исследований, следует перечислить отсутствие единой, комплексной программы обработки данных, неумение формализовать социальные явления, слабое взаимопонимание и отсутствие общего языка у социологов с программистами и математиками.

Особенно важным шагом в компьютеризации стало появление на рынке на рубеже 1980–1990-х гг. персональных компьютеров и компьютерных статпакетов. Благодаря этому была достигнута значительная степень автономизации деятельности социолога-профессионала, независимого от вычислительных центров. Этот процесс в стране надолго затянулся, поскольку повышению компьютерной грамотности социологов препятствовало зачаточное состояние социологического образования в российских вузах.

Примечания

1. Раздел «Использование программируемых микрокалькуляторов для анализа социологической информации».
2. Банк данных доступен по адресу: <https://www.isras.ru/Databank.html>

Список литературы

1. Fletcher W.C. Soviet sociology of religion: an appraisal // The Russian Review. 1976. Vol. 35. № 2. P. 173–191.
2. Алексеев Н.П. Результаты и методика изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. 1967. № 3. С. 132–151.
3. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 120.
4. Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1976. 184 с.
5. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 92.
6. Образ жизни населения Марийской АССР (по материалам сравнительных социологических исследований 1973 и 1985 гг.) / Под ред. В.И. Шабыкова. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1989. 288 с.
7. Пивоваров В.Г. На этапах социологического исследования. Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. 207 с.
8. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 104.
9. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 93.
10. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 92.
11. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова думка, 1982. 270 с.
12. Проблемы накопления и анализа на ЭВМ данных социологических исследований. М.: Наука, 1986. 152 с.
13. Юртаев А.Н. Социальная информация как фактор оптимизации партийно-политических решений на примере управления идеологической сферой: Дис. ... канд. филос. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 1990. 155 с.

-
- 14. ГА РМЭ. Ф. Р-373. Оп. 2. № 373.
  - 15. ГА РМЭ. Ф. Р-373. Оп. 2. № 404.
  - 16. НА УНЦ РАН. Ф. 112. Оп. 1. № 60.
  - 17. НА УНЦ РАН. Ф. 112. Оп. 1. № 62.

APPLICATION OF COMPUTERS IN SOVIET SOCIOLOGY OF RELIGION

M.V. Kildeyev

Association «Union of Researchers of Modern Society», Kazan

Based on the study of special literature and Soviet archival data, the author examines computerization in sociology on the example of a particular sociological discipline, the sociology of religion. The object of the research are the materials of various social studies conducted in the regions of the RSFSR in the 1960s – 1980s. Of special importance for this article is the Corpus of concrete sociological studies of atheism and religion problems that were conducted in the USSR. The Corpus was compiled in 1972 by the Institute of Scientific Atheism. The author traces the stages of computerization of sociology when computers of the second, third and fourth generation were used in research work. The techniques of preparation and processing of sociological data on computers are described. It is shown how the standards of scientific and sociological activity grew over time. Some retrograde tendencies in the social science environment in relation to the computerization in sociological practice are also identified, and the reasons for such sentiments are described. USSR's growing technological lag did not allow the realization of ambitious plans for the informatization of social sciences and for the creation of scientific information networks. It was the introduction of personal computers and universal statistical packages that saved sociologists from one-sided dependence on computer centers and promoted the autonomy of professional activity.

Keywords: sociology of religion, sociological data, computerization, Institute of Scientific Atheism, computer center, personal computer.

УДК 316.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОДИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ГАДЖЕТИЗАЦИИ ПРАКТИК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЬНИКОВ

© 2020 г.

И.А. Исакова

Исакова Инна Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
inna_isakova@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 01.12.2019
Статья принята к публикации 19.02.2020*

Охарактеризованы изменения родительских практик, возникающих в современных условиях, и в первую очередь гаджетизации взаимодействия школьников. Трансформации подверглись взаимоотношения родителей и детей, детей и учителей, учителей и родителей. Изменения детско-родительских отношений рассматриваются во временном и территориальном контексте. Описаны новые практики взаимодействия родителей со своими детьми и определены основные их типы: небрежный, авторитарный, лояльный и авторитетный. Наиболее распространенным является небрежный тип, когда родители уделяют недостаточно внимания поведению ребенка в глобальной сети и их собственные практики ее использования нельзя назвать «социально здоровыми». Авторитарный тип менее распространён и связан с жесткими ограничениями или запретами в использовании гаджетов. Для авторитетного стиля нужен высокий уровень сформированности культуры использования гаджетов у самих родителей, что также является достаточно редким. Недирективный способ набирает популярность у родителей от 25 до 40 лет и связан с фрагментарным скрытым контролем, не способствующим установлению доверительных отношений в вопросах использования гаджетов. В целом отмечается противоречивый характер формирования практик взаимодействия родителей со своими детьми в эпоху гаджетизации.

Ключевые слова: гаджет, Интернет, социальная практика, цифровизация, гаджетизация, родительство, детство, школа, травля, цифровая компетенция.

Введение

Современное российское общество характеризуется переходом к информационному типу, значимыми признаками которого являются активное проникновение и возрастание влияния новых информационно-коммуникационных технологий. Информатизация социальной сферы происходит очень быстро на фоне того, что рынок мобильных устройств, в том числе смартфонов, планшетов и другой подобной техники, демонстрирует беспрецедентные темпы роста. Продажа и производство подобных технических устройств – одна из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики; разнообразие её повлекло введение специального термина «гаджет», означающего техническое приспособление из области цифровой техники, обладающее повышенной функциональностью, мобильностью, доступом к сети Интернет и набору специализированных приложений. Функциональность современных гаджетов позволяет им быть одновременно центром коммуникации, развлечений, финансовых операций, безопасности.

Проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности (и даже в семью) происходит быстро,

стихийно и бесконтрольно. Это провоцирует проблемы цифрового неравенства, перехода преступлений в киберпространство, смены парадигмы культурного и нравственного поведения, социальной стабильности, что актуализирует исследование родительских практик, возникающих в условиях гаджетизации.

Теоретико-методологические подходы

Исследование опирается на теорию информационного общества, а именно на идеи о трансформации социальных взаимодействий в новых условиях. Изучением общества нового типа занимались, начиная с 60-х гг. XX в., ведущие ученые: Д. Белл [1], М. Кастель [2], Н. Луман [3], Э. Тоффлер [4] и Ю. Хабермас [5].

В российской науке идеи о социальных изменениях в условиях информационного общества развивались в работах А.Д. Елякова [6], Г.Е. Зборовского [7], В.В. Козловского [8], В.Н. Костюка [9], И.С. Мелохина [10], А.Н. Чуракова [11] и В.В. Щербины [12].

Семейные практики в информационном обществе привлекают внимание ведущих ученых современности: А.Д. Андреевой [13], О.Н. Безруковой [14], С.И. Голода [15], Т.А. Гурко [16],

И.Ф. Дементьевой [17], Е.Я. Ореховой и И.С. Даниловой [18], М.А. Полутовой и О.О. Жанбаз [19], З.Х. Саралиевой [20], Ж.В. Черновой и Л.Л. Шпаковской [21].

Формирование опыта социального взаимодействия детей и подростков в информационном обществе рассматривалось Е.С. Вагайцевой и Т.Б. Игониной [22], Х.Т. Загладиной [23], Т.Б. Малининой [24], Е.В. Рашидовской и Е.Н. Барашко [25], Т.В. Трофименко [26], И.В. Чельшевой [27], П.Г. Ухлебиной [28], А.В. Щекотуровым [29].

Большая часть имеющихся в литературе исследований фокусируется на теоретических основах изучения процесса информатизации, информационных ресурсов общества или на отдельных аспектах влияния компьютеризации на сферы семьи и образования, однако предметом специального анализа редко выступает трансформация взаимодействия родителей и детей-школьников, произошедшая под влиянием развития информационных технологий.

Эмпирическая база

Для анализа трансформации родительства в эпоху гаджетизации были проведены фокус-группы с родителями детей, использующих гаджеты в повседневной жизни (в фокус-группе приняло участие 6 родителей), анкетные опросы «Тенденции к интернет-зависимости среди нижегородских подростков» (Нижний Новгород, 2018 г., $n=151$) и «Отношение подростков к агрессивному поведению в сети Интернет» (Нижний Новгород, 2018–2019 гг., $n=200$), которые позволили изучить изменения в отношениях детей и родителей к практикам их взаимодействия под влиянием гаджетизации.

Результаты и обсуждение результатов

Под гаджетизацией мы понимаем опосредование практик взаимодействия людей через мобильные, многофункциональные технические средства с возможностью доступа в глобальную сеть Интернет. С нашей точки зрения, современные гаджеты нельзя считать только техническим способом для установления связи. Мобильные гаджеты создают основу для многоканальной коммуникации с множественными аспектами – временными и территориальными.

Если рассматривать происходящие изменения в контексте современного родительства, то гаджеты изменили характер общения внутри семьи: во-первых, увеличилась частота контактов, мобильные средства позволяют находиться на связи в любое время, в любой точке. Комму-

никация происходит как в устной, так и в письменной форме, причем иногда письменная преобладает. Во-вторых, взаимодействие изменилось во временном ракурсе: если раньше с возрастом регулярность контактов уменьшалась, то сейчас, даже если ребенок уехал учиться в вуз в другой город или страну, он может поддерживать общение в сопоставимом объеме.

Изменения происходят и в территориальном аспекте. Гаджет, давая человеку возможность большей мобильности, в то же время сильнее привязывает его к дому. Например, для расширения сферы социальных контактов ребенку уже не надо выходить во внешнюю социальную среду: общаться можно через гаджеты в глобальной сети. Безопасная для ребенка среда создается чаще всего только дома, поэтому родители стараются обеспечить ему комфортное в ней нахождение (например, для игр с одноклассниками ребенку приобретаются дорогие технические средства, а не организуются площадки для личного непосредственного общения). Однако обеспечение территориально безопасной зоны не гарантирует своего рода социальной безопасности, отсутствие достаточного опыта в естественной среде (взаимодействие в школьной и иной образовательной среде все-таки является управляемым, с точки зрения социальной и моральной) сказывается на умении налаживать межличностные коммуникации, необходимом ребенку в будущем, например, в той же профессиональной сфере.

Нарастающая гаджетизация повлияла и на размытие границ между семейной и школьной системами. Гаджет способствует более плотному включению родителей во внутришкольные взаимодействия. Если раньше, нуждаясь в освобождении от урока, ребенок должен был самостоятельно обратиться к медицинской сестре или объяснить ситуацию учителю, то сейчас он звонит маме, а она, связавшись с учителем, вносит необходимые корректировки в учебный процесс. Теперь мама является посредником между ребенком и учителем, причем не в исключительных ситуациях, а во вполне повседневных, что впоследствии может оказаться на умении ребенка самостоятельно решать проблемы и не терять присутствия духа в нестандартных ситуациях.

Изменилось и взаимодействие родителей школьников. Современные технические средства позволяют организовывать межродительские чаты (программы обмена сообщениями по компьютерной сети в режиме реального времени), причем как открытые с включением родителей и детей, так и закрытые с их исключением. Прежде обсуждение проблем и происше-

ствий в классе велось периодически (например, в рамках родительских собраний); теперь к их обсуждению родители подключены постоянно, причем наличие закрытой от детей беседы позволяет им высказывать свою точку зрения в более грубой и даже иногда некорректной форме. При этом нет гарантии, что один из родителей не познакомит своего ребенка с комментариями (а тот, в свою очередь, одноклассников). Мало того, что произошла интенсификация коммуникаций родителей, так еще и культурная природа этого общения существенно изменилась в сторону утраты моральных и культурных барьеров, а также элементов конфиденциальности.

Трансформации подверглись и отношения учителей и детей. Гаджеты предоставили детям возможность фиксировать слова и поступки учителей и демонстрировать их в широком общественном пространстве, без учета контекста и ситуации их проявления. Гаджеты дали детям ощущение власти над учителями, нарушив тем самым классическую иерархию взаимоотношений в школе. Еще более иерархия нарушается из-за постоянного включения родителей.

Во взаимоотношениях родителей и учителей тоже происходят изменения: размываются личные и профессиональные границы. Благодаря приложениям, доступным через гаджеты, родители могут общаться друг с другом и учителями через социальные сети, получая таким образом доступ к личной информации. Например, в Барнауле учительнице русского языка и литературы вынудили уйти из школы, поскольку её фото в спортивном купальнике родители учеников сочли порочащим её репутацию и лишающим морального авторитета [30]. Родители, привыкавшие решать профессиональные вопросы (отвечать на звонки коллег, вести рабочую переписку) как в рабочее, так и в личное время, переносят этот опыт и на иные взаимоотношения с окружением, например с учителями. С нашей точки зрения, случай показателен тем, что подтверждает отсутствие границ между личной и профессиональной областями и, в первую очередь, у взрослого населения, давая ощущение морального права вмешиваться в обе сферы. Распространенности данной проблемы способствует и отсутствие социальных норм понимания личных границ в медийном онлайн-пространстве в современном обществе в целом.

Процессы информатизации и гаджетизации требуют осмыслиения в первую очередь родителями – для выработки норм и правил использования гаджетов в соответствии с целями и ценностями семьи. В контексте гаджетов трансформация родительства происходит нетипично и неоднородно: поколение родителей старше

50 лет и особенно прародителей чаще владеет техникой хуже детей, а следовательно, примером быть не может (и даже не может обеспечить достаточный контроль). Поколение родителей 30–45 лет осваивает гаджеты параллельно с детьми, границы допустимого поведения в сети определяет методом собственных «проб и ошибок» и демонстрировать «здравое» общение с использованием гаджетов не может. Таким образом, современные практики взаимодействия родителей и их детей складываются спонтанно, под влиянием внешних обстоятельств и семейных традиций.

Изменения родительства в эпоху гаджетизации мы оценивали по результатам общения с родителями детей, владеющих гаджетами, которое проходило в формате фокус-группы. Исследовательская группа во главе с А.Л. Янак в ходе фокус-группы выявила три типа детско-родительских отношений, опосредованных использованием гаджетов: нарциссический тип, гиперопека (гаджет как дополнительная площадка для воспитания, баловства или наказания), симбиоз (гаджет как средство сближения, совместного досуга) [31]. Выделенные типы являются, с нашей точки зрения, достаточно обобщенными и поляризованными, поэтому нами предлагается разделение их на четыре: «небрежный», «авторитарный», «вовлеченный» и «симбиотический» типы.

Педагогами, психологами, социологами неоднократно подтверждалось, что дети усваивают паттерны поведения своих родителей. В подтверждение выдвинутой теории приведем несколько фактов. Из исследования фокус-группы очевидно, что родители используют гаджет для осуществления разного рода контроля за детьми: развлечь, отвлечь, занять на время.

Опираясь на типологию детско-родительских отношений А.Л. Янак и Е.А. Шорыгина, отметим, что нарциссический тип детско-родительских отношений понимается ими как способ организации взаимодействия ребенка и родителя, где гаджет выступает отвлекающим средством для получения родителями свободного времени [31]. С нашей точки зрения, данный тип можно назвать «невовлеченный», а именно «небрежный», и описать его следующим образом: родители не уделяют внимания формированию культуры отношения к гаджетам и поведения в сети и, что не менее важно, сами здорово-го использования не демонстрируют.

Приведем пример с видеограммами на мобильном телефоне. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на тему «На игре: социальные эффекты компьютерной игромании» (всероссий-

Таблица 1

Мнение опрошенных о пользе и вреде видеоигр (открытый вопрос, до трех ответов, %) [32]

Варианты ответа	%
Возникновение зависимости	26
Ухудшение зрения	23
Бесполезная траты времени	16
Негативное влияние на психику	13
Провокация агрессии	10
Деградация умственных способностей	10
Отрыв от реальности, стираются границы между реальностью и виртуальностью	7
Ухудшение здоровья в целом	6
Повышенная нервная возбудимость	6
Малоподвижный образ жизни, сопутствующие заболевания	5
Асоциальность, ухудшение коммуникативных навыков	4
Финансовые затраты	2
Ухудшение осанки	1
Перенимаются образцы поведения	1
Дети становятся непослушными	1

ский телефонный опрос россиян, 2019 г., $n=1600$), в семьях 35–44-летних – играют в видеоигры 47% детей и 12% родителей, в семьях 45–59-летних – играют в видеоигры 50% детей и 8% родителей [32]. Таким образом, родители 35–44 лет демонстрируют высокую лояльность к виртуальным играм, и их дети демонстрируют высокую увлеченность ими; а родители 45–59 лет пользуются техникой неуверенно и увлечённость своих детей играми проконтролировать не могут. При этом сами взрослые осознают опасность такого способа организации досуга: в рамках того же исследования ВЦИОМ взрослые признали, что от видеоигр больше проблем (из 25–34-летних 57% считают их вредными; среди 35–44-летних – 63%; среди 45–59-летних – 63% (табл. 1) [32]).

Увлеченность играми в гаджете наносит вред физическому здоровью в целом и в особенности зрению, осанке и провоцирует болезни малоподвижности; в психическом плане – провоцирует агрессию, деградацию умственных способностей и повышение нервной возбудимости; и в социальном – отрыв от реальности, асоциальность, ухудшение навыков коммуникации [33]. Взрослые осознают вред, но, сопоставляя его с получаемым удовольствием, считают вред допустимым.

Наличие рассогласованности действий родителей в понимании вреда от видеоигр и лояльность к их ненормированному использованию показывает, с нашей точки зрения, пренебрежение безопасностью ребенка в сети Интернет (где эти игры находятся), что позволяет назвать их тип родительства небрежным. Необходимо к тому же отметить, что многие видеоигры оснащены чатом, где можно переписываться с другими игроками, то есть родители не контроли-

руют не только досуг, но и своего рода круг общения ребенка.

Причинами формирования небрежного типа родительства, с нашей точки зрения, являются высокая занятость родителей, наличие у них самих «нездоровых» привычек поведения, недостаточная цифровая компетентность. Данный тип формируется под воздействием современной социальной среды: периодические экономические кризисы в России заставляют взрослых концентрироваться на проблеме получения материальных благ, высокая занятость на работе, необходимость совмещения профессиональных и домашних обязанностей ограничивают их возможности конструктивной организации совместного досуга с ребенком, заменой которому выступает игра с гаджетом. Но если в контексте современной социально-экономической реальности возникновение данного типа родительства вполне объяснимо, то в долгосрочной перспективе такое воспитание неконструктивно, так как способствует разъединению членов семьи, усвоению ребенком небезопасных паттернов поведения, выработанных в основном самостоятельно и стихийно.

Противоположностью невовлеченному являются вовлеченные типы родительства, которые специалисты по семеведению называют авторитарным, авторитетным и недирективным. Авторитарный тип родительства в эпоху гаджетизации является инструментом контроля, который может быть разнонаправленным: родители могут полностью запрещать использование гаджетов ребенком, однако это происходит до достижения им школьного возраста (далее наличие техники – это своего рода необходимость); родители полностью контролируют действия ребенка в глобальной сети.

Некоторые российские родители достаточно лояльно относятся к полному отказу от гаджетов, даже невозможность связаться с ребенком, пока он, например, в школе, их пугает меньше, чем потенциальная гаджет-зависимость. По данным Фонда общественного мнения, проводившего опрос на тему «Мобильные телефоны в школе» в 2019 г. ($n=1500$), россияне отмечают, что «надо в принципе запретить школьникам приносить телефон в школу»: 31–45 лет – 18%, 46–60 лет – 21%; допускают наказания за использование гаджетов на уроке – 24% и 25% [34]. Таким образом, пятая часть современных родителей всех возрастов лояльна к авторитарному типу родительства.

При авторитарном стиле родители строго контролируют время, проведенное у компьютера, читаемый контент и информацию, которую ребенок выкладывает. В этом им помогает современное программное обеспечение, позволяющее тайно читать сообщения на чужом гаджете (такое, как Cocospy, mSpy и Spyzie) и отслеживать перемещения владельца (iBeacon или Geofencing). Однако гиперопека в вопросах гаджетов вызывает острое отторжение, особенно у подростков. Сообщение с интернет-форума: «Мне 13 лет. Моя мама говорит, что имеет полное право читать то, что я пишу в переписке... Она просто подходит... и читает... да ещё и ругается, если я возмущаюсь! Я где-то читала, что она не должна вмешиваться в мою личную жизнь. Так ли это? Как мне объяснить ей это? ПОМОГИТЕ!» [35]. Отметим, что практики решения подобных проблем пока нет: мнения расходятся – от ответственности по статье 138 УК РФ [36] до приравнивания интернет-прогулок к привычным уличным, что еще раз подтверждает отсутствие сложившихся апробированных практик родительства в эпоху гаджетизации.

Самым опасным последствием выбора авторитарного типа родительства является то, что запрещенная техника становится более желанной, ребенок даже использует чужие телефоны, скрывает выходы в сеть. По данным нашего исследования, проведенного в Нижнем Новгороде в 2018 г., четверть опрошенных молодых людей скрывает от родителей время пребывания в глобальной сети. Родители отбирали гаджеты и компьютеры у 31% опрошенных.

Распространенность авторитарного типа родительства объясняется страхами родителей и неверием в возможность самим стать авторитетом в вопросах использования их ребенком гаджета.

Третий выявленный тип родительства – вовлеченный, лояльный, характеризуется тем, что родители покупают ребенку гаджеты, обозна-

чают правила их использования, осуществляют перманентный, чаще скрытый, контроль, однако достаточно редкий, объясняя его доверием к ребенку. Активное вмешательство начинается только в случае проблем у ребенка (например, снижения успеваемости), тогда сокращение времени с гаджетом может использоваться как средство наказания (то есть могут воспроизводиться элементы гиперопекающего стиля). В семьях такого типа дети и родители редко обсуждают вопросы использования гаджетов, даже если они переходят в разряд проблем. Установки таких родителей будут звучать так: «На уроках нельзя, а остальное время – это их личная жизнь»; «На перемене пусть делает, что хочет» [34].

Четвертый тип – симбиотический, где гаджет выступает как средство сближения, совместного досуга [31]. Симбиотический стиль заключается в том, что родители жестко не устанавливают правила использования гаджетов, но собственным примером демонстрируют, как надо относиться к технике. При данном стиле ребенок самостоятельно вырабатывает границы в использовании гаджетов, однако, чтобы это произошло, родители должны проявлять и демонстрировать высокий уровень культуры взаимодействия. В здоровой семейной структуре устанавливается подвижное равновесие, проявляющееся в том, что родители осуществляют фрагментарный и открытый для ребенка контроль за его информационным контентом. Ребенок обсуждает с родителями материал, с которым встречается в сети, обращается за помощью, если возникает потребность. Гаджет не используется как средство наказания. Родительские установки звучат так: «Запрет – это плохо, кто хочет, тот найдет, на что отвлечься»; «В экстренных случаях нужен телефон»; «В нашей стране очень много запретов, а это приносит вред»; «Запрет ведет к запретному плоду» [34]. То есть данный тип строится на идеи уважения личного пространства и веры в то, что ребёнок достаточно обучен для самостоятельного определения границ допустимого.

Таким образом, несколько типов воспитания отличает неготовность родителей конструктивно обсуждать практики поведения ребенка с гаджетами; при этом большая часть родителей признает, что современный ребенок не может без них полноценно существовать. Значимым в определении типов родительства является отношение к вопросам контроля и самоконтроля использования гаджетов. Большинство стратегий отличает непоследовательность, игнорирование демонстрации образца, подмена обучения системой запретов. Однако нельзя сказать, что родители отстраняются от проблем использова-

ния гаджетов, просто их больше волнуют проблемы экономического характера: социальная несправедливость, снижение доходов и возможность отказа в бесплатной медпомощи (ВЦИОМ, всероссийское телефонное интервью с россиянами старше 18 лет, 31 октября 2019 г., $n=1800$). Меньше всего граждане боятся международных конфликтов и роста преступности [37].

Здоровьесохранительные практики родителей негативно влияют на физическое, психическое и социальное здоровье. Причем взрослые осознают вред злоупотребления гаджетами, однако при этом собственные практики контролируют недостаточно, вплоть до оценки их поведения как интернет-аддикции. По данным нижегородских исследований, половина опрошенных школьников считает, что в их окружении есть люди с интернет-зависимостью (51.7%). Безусловно, отказ от гаджетов не станет решением возникающих в эпоху гаджетизации проблем; необходимо конструктивное развитие цифровых компетенций у всех членов семьи, переход к концепции осознанного родительства в цифровом мире.

Заключение

Правильно выбранный стиль воспитания ребенка в области поведения в сети Интернет и демонстрация родителями социально одобряемых и безопасных привычек использования гаджетов позволяют совместно с детьми решать проблемы в условиях новых вызовов цифрового мира, адекватно реагировать на негативную информацию, избегать опасного контента. В рекомендациях МВД РФ указано, что залогом безопасности может быть только благоразумное и осторожное поведение [38]. Обучить этому детей должны взрослые. В век гаджетизации нельзя игнорировать эту проблему, оставляя все современные технологии на самообучение детей. Трансформация социальных практик как детей, так и взрослых, обусловленная меняющимися коммуникационными технологиями, рождает новые вызовы для современной социологии семьи, ставит новые исследовательские задачи, а именно необходимость изучения нового цифрового капитала современной российской семьи.

Выполнено при финансовой поддержке РFFI в рамках научного проекта №18-311-00348 «Трансформация детско-родительских отношений в эпоху информатизации общества».

Список литературы

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. 557 с.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
6. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.
7. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Образование как ресурс информационного общества // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 107–113.
8. Козловский В.А., Козловский В.В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 55–65.
9. Костюк В.Н. Информационные процессы в постиндустриальном обществе // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 101–110.
10. Мельхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. 208 с.
11. Чураков А.Н. Информационное общество и эмпирическая социология // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 35–44.
12. Щербина В.В., Попова Е.П. Социальные изменения и проблемы развития в специальных организационных теориях // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 77–86.
13. Андреева А.Д. Особенности семейной среды ребенка в постиндустриальном обществе // Научный диалог. 2018. № 7. С. 292–307.
14. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 88–110.
15. Голод С.И. Современная семья: патриархальность, женская эмансипация, «кризис» моногамии // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. № 1 (31). С. 37–39.
16. Гурко Т.А. Семья и родительство в России на фоне постиндустриальных обществ // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 3343–33501. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
17. Дементьева И.Ф. Трансформация семьи как института воспитания // Педагогика. 2017. № 1. С. 70–75.
18. Орехова Е.Я., Данилова И.С. Ответственность как аспект компетентностного родительства // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 32–39.
19. Полутова М.А., Жанбаз О.О. Ценностные и мотивационные установки сообщества «чайлдфи» с позиций постмодернизма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 1 (116). С. 89–100.

20. Саралиева З.Х. Роль семьи в реализации человеческого потенциала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 81–85.
21. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 521–534.
22. Вагайцева Е.С., Игонина Т.Б. Факторы формирования гражданственности школьников в условиях информационного общества // Проблемы и перспективы современной науки. 2015. № 7. С. 33–42.
23. Загладина Х.Т. Информационное общество, семья и меняющиеся условия социализации школьников // Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 7. С. 46–52.
24. Малинина Т.Б. Современное образовательное пространство как фактор успешной цифровизации экономики и общества // Перспективы науки. 2018. № 12 (111). С. 248–252.
25. Рашидова Е.В., Барашко Е.Н. Особенности развития математического мышления школьников в информационном обществе // Гуманизация образования. 2012. № 4. С. 49–53.
26. Трофименко Т.В. Клиповое мышление современного школьника. Приемы и методики обучения детей, обладающих клиповым мышлением // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2018. № 8. С. 27–33.
27. Челышева И.В. Личностное развитие школьников в информационном обществе: перспективы медиаобразования // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2009. № 2. С. 285–290.
28. Ухлебина П.Г. Формирование полезных привычек у младших школьников как проблема информационного общества // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5-1. С. 68–69.
29. Щекотуров А.В. Гендерные саморепрезентации подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 80–88.
30. Учительницу уволили за красивую фигуру: кому помешало фото в купальнике // Московский комсомолец: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/02/07/uchitelnicu-uvolili-za-krasivuyu-figuru-komu-pomeshalo-fo-to-v-kupalnike.html> (дата обращения: 18.10.2019).
31. Янак А.Л., Шорыгин Е.А. Траектории гаджетизации детско-родительских отношений: основные модели // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 141–148.
32. На игре: социальные эффекты компьютерной игромании // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Вып. № 4053. Опубликовано 10.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9889> (дата обращения: 18.09.2019).
33. Ященко С.Г., Рыбалко С.Ю., Пилунская О.А., Шибанов С.Э. Гигиеническая оценка влияния электромагнитных факторов коммуникационных устройств на состояние здоровья студентов // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96. № 10. С. 1001–1003.
34. Мобильные телефоны в школе // Официальный сайт Фонда общественного мнения. Опубликовано 14.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14239> (дата обращения: 20.09.2019).
35. Форум Mail.ru: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://touch.otvet.mail.ru/question/71601454> (дата обращения: 20.09.2019).
36. Статья 138. Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ca87fb351934e731be49cb6ee1b17de00c25d46/ (дата обращения: 20.09.2019).
37. Карта страхов россиян: осень-2019 // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Вып. 4100. Опубликовано 12.11.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9999> (дата обращения: 18.09.2019).
38. Интернет-мошенничество – памятка для граждан // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/document/1910260> (дата обращения: 10.11.2019).

TRANSFORMATION OF PARENTHOOD IN THE ERA OF GADGETIZATION OF SCHOOLCHILDREN'S INTERACTION PRACTICES

I.A. Isakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article describes the changes in parental practices arising in modern conditions and, first of all, the gadgetization of schoolchildren's interaction. Relationships between parents and children, children and teachers, teachers and parents have undergone transformation. Changes in children's and parents' relations are considered in the temporal and territorial context. New practices of interaction between parents and their children are described and their main types are defined: careless, authoritarian, loyal and authoritative. The most common is the careless type, where parents do not pay enough attention to the child's behavior in the Internet and their own practices of use cannot be called «socially healthy». The authoritarian type is less common, and is associated with severe restrictions or prohibitions on the use of gadgets. The authoritative style requires a high level of parents' culture in using gadgets, which is also quite rare. Non-directive method is gaining popularity among parents aged from 25 to 40 years and is associated with fragmented hidden control, which does not contribute to the establishment of trust in the use of gadgets. In general, it is noted that the development of practices of interaction between parents and their children in the era of gadgetization is controversial.

Keywords: gadget, Internet, social practice, digitalization, gadgetization, parenthood, childhood, school, bullying.

УДК 316

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ФАНДРЕЙЗИНГА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2020 г.

A.B. Карпунина

Карпунина Анастасия Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры социальной работы
Российского государственного социального университета, Москва
karpuninaav@rgsu.net

*Статья поступила в редакцию 24.10.2019
Статья принята к публикации 17.02.2020*

Анализируются внешние и внутренние условия привлечения ресурсов государственными организациями социального обслуживания населения, оказывающие влияние на достижаемые результаты. К показателям результативности фандрейзинга отнесено количество постоянных доноров, юридических и физических лиц, а также количество согласий в ответ на обращение фандрейзера. На основе опроса сотрудников организаций социального обслуживания российского региона (Омская область, N=65) сгруппированы благоприятные условия, которые определены как факторы результативности. Они разделены на 3 группы: сильные, средние и слабые (в зависимости от силы корреляционных связей между показателями). К наиболее значимым факторам отнесены близость к районному центру, планирование фандрейзинга, использование сайта в фандрейзинговых целях. Формы оказания социальных услуг, обслуживаемые клиенты, наличие систем стимулирования определены как факторы со средней силой влияния. Наименьшее влияние имеют организационно-правовая форма и пол сотрудника, привлекающего ресурсы. Выделяются также факторы, снижающие результативность фандрейзинга: отсутствие профильного образования, отсутствие поддержки со стороны руководства организации, отсутствие регламентов привлечения ресурсов, бедность населения и слабое развитие бизнеса в сельских районах. Эти проблемы приводят к эмоциональному выгоранию фандрейзеров и отказу от работы с донорами.

Ключевые слова: фандрейзинг, учреждения социального обслуживания, привлечение ресурсов, результативность фандрейзинга.

Введение

В РФ насчитывается несколько тысяч учреждений, оказывающих социальные услуги населению. Абсолютное большинство из них – организации, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования (государственные организации социального обслуживания). Они оказывают около 6.5 основных и 78.4 млн дополнительных социальных услуг ежегодно. Это 96.2% от всех социальных услуг, оказанных на территории РФ. Остальные 3.8% приходятся на долю некоммерческих социально ориентированных организаций (3.04%), коммерческих организаций (0.74%) и индивидуальных предпринимателей (0.02%) [1]. Таким образом, рынок социальных услуг в РФ до сих пор характеризуется абсолютным доминированием государственных учреждений.

Эти учреждения, находясь в условиях минимального ресурсного обеспечения, вынуждены изыскивать дополнительные ресурсы, работая с донорами – частными и юридическими лицами. Учитывая количество учреждений, эта деятельность носит достаточно масштабный характер,

ее результаты имеют большое значение для всех социально уязвимых групп. В первую очередь, для семей с детьми, лиц пожилого возраста и лиц с инвалидностью. При этом результативность фандрейзинга в государственных организациях и те факторы, которые на нее влияют, являются практически неизученными.

Актуальность исследования, таким образом, определяется сложившейся ситуацией:

1) правовой, связанной со значительным преобладанием государственных учреждений в общей совокупности поставщиков социальных услуг;

2) экономической, связанной, во-первых, с явной недостаточностью государственного финансирования государственных учреждений социального обслуживания, которая вынуждает сотрудников самостоятельно искать дополнительные ресурсы, и, во-вторых, с ролью этих ресурсов в улучшении жизненной ситуации социально уязвимых групп населения;

3) научной, связанной с отсутствием значимых исследований результативности фандрейзинга в государственных учреждениях, несмотря на его массовую распространенность и значимую роль в оказании помощи населению РФ.

Исходя из этих тезисов, изучение результативности привлечения ресурсов государственными организациями обладает научной новизной и высокой целесообразностью, т.к. имеет целью определение совокупности тех факторов, которые оказывают положительное или отрицательное влияние на результаты привлечения ресурсов. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- определить возможные подходы к исследованию результативности фандрейзинга в государственных организациях социального обслуживания и ее индикаторы;
- провести анализ связей между выделенными показателями результативности и условиями осуществления фандрейзинга;
- выделить условия, имеющие наиболее тесные связи с показателями результативности, и определить их как ее положительные факторы;
- выделить проблемы фандрейзинга, оказывающие негативное влияние на его результаты.

Теоретико-методологические подходы

Фандрейзинг – это привлечение ресурсов для достижения социально значимых целей. В российском научном поле он все еще остается довольно новым понятием. Сам термин является заимствованным англизмом, его возникновение связывают с развитием некоммерческих организаций в зарубежных странах в XX веке и их активной деятельностью по поиску и привлечению ресурсов. За рубежом о фандрейзинге опубликовано большое количество работ, однако все они касаются работы именно некоммерческих негосударственных организаций, что обусловлено спецификой понимания термина «социальные организации» и их финансирования.

Зарубежные авторы для измерения результатов фандрейзинга используют термин «эффективность». Она рассматривается с позиций двух подходов: американского (маркетингового) и европейского (менеджмент-подхода). Общее для двух подходов состоит в том, что эффективность фандрейзинга определяется разницей между затратами и прибылью. Оптимальным соотношением считается 20%: если затраты на привлечение ресурсов не превышают пятой части от привлеченных средств, то эта деятельность эффективна [2, с. 136–150].

В американском подходе понятие эффективности фандрейзинга анализируется с позиции маркетинга. Главным индикатором является объем привлеченных ресурсов, в первую очередь – финансовых. Разница между расходами и прибылью определяет эффективность фандрейзинга [3; 4].

Европейский подход [2, с. 97–98] большее внимание уделяет фандрейзингу как инструменту решения социальных проблем, а эффективность привлечения ресурсов определяется социальной полезностью.

При этом оба зарубежных подхода подчеркивают важность донорского сервиса, привлечения волонтеров, рекламы деятельности организации, честности и открытости работы в эффективности фандрейзинга. Оказывает влияние и тип клиента: социальные организации, работающие с детьми, привлекают больше средств [2, с. 12–14].

Но зарубежные подходы к определению эффективности фандрейзинга касаются именно общественных негосударственных организаций, что делает их неприменимыми к анализу привлечения ресурсов в российских социальных учреждениях.

Большинство отечественных работ также посвящено привлечению ресурсов именно в общественных организациях. Среди них можно отметить работу Т.С. Коробовой, которая выделяет ключевые точки роста эффективности фандрейзинга для благотворительных организаций: квалификацию кадров, развитие социального партнерства, обеспечение прозрачности и информационной открытости данных об использовании привлеченных ресурсов [5].

Отечественные ученые К.Ю. Дятликов [6], Т.В. Артемьева и Г.Л. Тульчинский [7, с. 134] рассматривают эффективность фандрейзинга в учреждениях культуры, определяя ее как сумму эффективности предполагаемых целей, достигнутых результатов и потраченных усилий. Ими предложены коэффициенты окупаемости расходов на фандрейзинг и коэффициент его рентабельности, которые рассчитываются исходя из объема привлеченных средств, расходов на фандрейзинг и прибыли.

Однако результативности фандрейзинга именно в государственных социальных учреждениях не посвящено ни одной фундаментальной работы. На наш взгляд, проводить ее анализ по описанным показателям, которые используются в НКО, в практике государственных социальных служб практически невозможно из-за специфических особенностей фандрейзинга в социальных учреждениях. Здесь ресурсы привлекают обычные сотрудники в основном для проведения текущих мероприятий. В основном учреждения получают натуральные ресурсы, часто уже бывшие в употреблении. Учет привлеченных ресурсов не ведется. Сотрудники практически не получают вознаграждения, фандрейзинг для них – дополнительная, часто добровольная, обязанность. Все это препятству-

ет оценке эффективности фандрейзинга с использованием уже существующих методик. Сложно или практически невозможно посчитать в денежном выражении стоимость вещей, бывших в употреблении, или, например, стоимость работы *pro bono*. Но самая главная проблема – это отсутствие учета привлеченных ресурсов и, как следствие, невозможность оценки их общего объема, выделения доли прибыли и пр. (об особенностях фандрейзинга в социальных службах см. [8]). Невозможность применения имеющихся методик оценки эффективности фандрейзинга обуславливает использование термина «результативность» и необходимость разработки собственного подхода к ее измерению.

Основные понятия и методика исследования

Результативность фандрейзинга оценивалась по результатам анкетного опроса сотрудников ($N=65$), ответственных за привлечение ресурсов в учреждениях социального обслуживания населения Омской области. Выборка носит целевой характер: опрошены представители всех государственных учреждений социального обслуживания выбранного региона (одно учреждение – один респондент). Регион выбран не случайно: в Омской области, согласно статистическим данным за последние 10 лет, уровень расходов на сферу предоставления социальных услуг приближен к среднему по России [9], что делает результаты исследования применимыми ко всей совокупности организаций социального обслуживания на территории РФ.

В Омской области наибольшую численность имеют комплексные центры социального обслуживания (38 учреждений), психоневрологические интернаты (10), социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних (8). 75.8% учреждений являются бюджетными, 13.6% – казенными, 10.6% – автономными. 16 учреждений расположены в пределах г. Омска, остальные – в районах области. Учреждения обслуживают все категории населения: инвалидов (76.9% учреждений), пожилых (70.8%), детей (67.7%) и семьи с детьми (61.5%), малообеспеченных граждан (36.9%) [8].

В данной работе вместо термина «эффективность», используемого для оценки работы некоммерческих организаций, предложен термин «результативность», который отражает степень реализации запланированной деятельности, достигнутый эффект.

Для ее измерения введены индикаторы результативности фандрейзинга в организациях социального обслуживания. К *субъективным показателям результативности* отнесена

оценка собственных результатов деятельности, субъективное восприятие ее значимости. Важными для исследования были оценки степени нуждаемости в ресурсах (среднее по 5-балльной шкале), так как если фандрейзер не осознает нуждаемость, считает ее низкой, то он не будет активно искать ресурсы и не будет считать свою деятельность значимой.

К *объективной оценке* отнесены видимые результаты: доля компаний, соглашающихся помочь в ответ на просьбу о помощи (из 10), количество постоянных доноров (юридических и физических лиц) за последний год. Количество постоянных доноров является важнейшим показателем правильно выстроенных отношений [10, р. 11].

Результаты исследования, представленные в статье, позволяют оценить влияние различных условий на значения этих показателей. Под условиями понимаются некие обстоятельства внешней и внутренней среды, в которой протекает деятельность. Фактор определен как движущая сила, существенное обстоятельство деятельности, имеющее воздействие на результаты деятельности [11, с. 462].

Результаты исследования

Общая характеристика фандрейзинга в государственных организациях социального обслуживания

Среди организаций социального обслуживания (ОСО) выбранного региона 100% активно занимаются фандрейзингом. Объекты фандрейзинга, называемые «спонсорами», – чаще всего коммерческие компании, производящие и реализующие товары народного потребления, и частные лица (знакомые и незнакомые), реже – НКО.

В среднем ОСО в качестве постоянных доноров имеет 3–4 коммерческие компании и 13–14 частных лиц. Юридические лица оказывают помощь в виде своей продукции, частные лица предоставляют натуральные ресурсы, как правило бывшие в употреблении. Мотивы доноров носят альтруистический характер, частные лица имеют более высокий уровень субъектности, чем компании.

Фандрейзингом занимаются в основном сотрудники, находящиеся на руководящих позициях в учреждении (уровень «заведующий отделением» и выше). Цели фандрейзинга имеют социально значимый характер, поскольку сотрудники осознают высокую потребность в ресурсах, несмотря на постоянное финансирование. Наиболее аттрактивными являются финансовые и материальные ресурсы, но чаще орга-

Таблица 1

Показатели фандрейзинга в организациях с разной удаленностью от районного центра			
Удаленность	Небольшая	Средняя	Большая
Степень нуждаемости в ресурсах, среднее по каждой группе (по 5-балльной шкале)	4.06	4.05	4.2
Доля компаний, соглашающихся помочь (из 10)	3.26	2.66	2.11
Среднее количество компаний, оказывавших помощь в течение года на постоянной основе	5.38	1.97	1.38
Количество частных лиц-доноров, среднее по каждой группе	12.43	19.03	5.29

Таблица 2

Показатели фандрейзинга в организациях с разной формой обслуживания		
Форма	Стационарное	Полустационарное
Степень нуждаемости в ресурсах (по 5-балльной шкале)	3.75	4.2
Доля компаний, соглашающихся помочь (из 10)	2.47	3.05
Среднее количество компаний, оказывавших помощь в течение года на постоянной основе	4.4	2.6
Количество частных лиц-доноров, среднее по каждой группе	8.9	15.9

низации получают натуральные ресурсы (одежду, обувь, канцелярские товары).

В регионе нет единых правовых документов, которые могли бы регламентировать результативность фандрейзинга, но в трети организаций введены собственные нормативы фандрейзинга, например, сотрудничество с не менее 3 компаниями в течение года.

Результативность фандрейзинга в учреждениях, имеющих разную удаленность от центра

Если проранжировать организации социального обслуживания по расстояниям от центра региона, можно разделить их на 3 группы. Около половины (47.7%) отнесены к группе организаций, расположенных в г. Омске и его ближайших районах (Омский, Азовский, Любинский), треть (33.8%) – ко второй группе со средней удаленностью (Саргатский, Русско-Полянский), остальные (18.5%) – к группе отдаленных организаций (Усть-Ишимский, Седельниковский и др. районы).

Данные таблицы 1 показывают, что близость к большому городу оказывает влияние на количество доноров. Организации первой группы более успешны при обращении к донорам. Но организации, расположенные на среднем расстоянии, успешны в привлечении частных доноров. Городские и областные организации одинаково активны в поиске, но городские чаще просят о помощи население, НКО, областные – средний и малый бизнес.

Результативность фандрейзинга в учреждениях с разной формой предоставления услуг

В таблице 2 приведены результаты анализа показателей стационарных и полустационарных организаций.

Стационарные организации менее успешны в фандрейзинге – возможно, из-за того, что у них потребность в дополнительных ресурсах ниже. При этом они имеют больше доноровых компаний. Вероятные причины могут быть заключены в ориентации фандрейзинга на юридических лиц и в большей известности стационарных, а также в более удаленном расположении их от спальных районов. Нестационарные организации, наоборот, приближены к домам, поэтому имеют большую известность у населения.

Результативность фандрейзинга в учреждениях разной организационно-правовой формы

Не только стационарная форма учреждения влияет на показатели результативности, но и организационно-правовая. У бюджетных учреждений больше доноров – частных лиц (в среднем – более 15), а у казенных – юридических лиц (6.4). Но в целом связь организационно-правовой формы учреждения и показателей фандрейзинга является средней (значения коэффициента Ета – 0.250–0.370).

Результативность фандрейзинга в учреждениях с разными категориями получателей услуг

Был проведен анализ показателей организаций, работающих с детьми, и прочих организаций. Такое деление на подмассивы обусловлено доминированием благотворительной поддержки детей и, соответственно, детских организаций. Установлено, что у детских организаций больше постоянных доноров, особенно частных лиц, немного выше доля компаний, соглашающихся помочь (табл. 3).

Интересен и тот факт, что в детских организациях больше женщин, занимающихся привлечением ресурсов. Возможно, поэтому они более

Таблица 3

Показатели фандрейзинга в организациях с разными категориями получателей услуг

	Клиенты	
	Семьи с детьми	Прочие категории
Степень нуждаемости в ресурсах	4.2	3.8
Среднее количество компаний, оказывавших помощь в течение года на постоянной основе	3.64	3.0
Доля компаний, соглашающихся помочь	2.94	2.58
Количество частных лиц-доноров	15.5	6.6

Таблица 4

Использование сайтов организаций в фандрейзинговых целях

	Используете ли сайт организации для фандрейзинга?			
	да, постоянно	да, иногда	нет, не использую	нет сайта
Количество доноров, которые в течение последнего года оказывали помощь УСО на постоянной основе:				
коммерческих компаний	9.3	6.6	1.9	3.03
частных лиц	33.5	32.7	10.3	5.0
Доля компаний, соглашающихся помочь	4.0	3.7	2.4	3.0

активны, выше оценивают потребность в ресурсах, глубже осознают значимость своей работы.

Результативность фандрейзинга в учреждениях с системами стимулирования и планирования

Более 80% организаций имеют внутренние системы стимулирования фандрейзеров. Однако значимых отличий по всем показателям фандрейзинга не было обнаружено, кроме отличий в количестве доноров – частных лиц. В тех организациях, где фандрейзеров поощряет руководство (финансово или морально), количество частных доноров почти в 6 раз выше, чем в организациях без стимулирования.

Более значимым фактором результативности оказалось наличие внутреннего планирования, утвержденных нормативов привлечения ресурсов. Организации, планирующие фандрейзинг и его результаты, более активны, количество доноров у них выше. Они имеют больший опыт фандрейзинга, обязательно размещают информацию на сайте учреждения, имеют более высокую удовлетворенность результатами своего труда. Интересно, что большинство фандрейзеров в этих организациях – мужского пола. Таким образом, гендерный признак оказывает влияние на результативность фандрейзинга, но по-разному: женщины более альтруистичны, ориентируются на интуицию и человеческие отношения. Мужчины более прагматичны, любят ставить цели и добиваться их.

Результативность фандрейзинга в учреждениях, использующих сайты для привлечения ресурсов

В теории фандрейзинга большое внимание уделяется сайту организации как инструменту

информирования, поиска и привлечения доноров. Все некоммерческие организации обязательно используют сайты для фандрейзинга, т.к. в современных условиях это жизненно необходимо [12].

Среди опрошенных сотрудников государственных учреждений только половина указала, что ими используются сайты. У 30% учреждений сайтов вообще нет.

Данные таблицы 4 наглядно демонстрируют значимость интернет-возможностей в сфере привлечения ресурсов. Те организации, которые их не используют, имеют в 3–6 раз меньше доноров, а значит, и оказывают гораздо меньший объем помощи своим клиентам. Конечно, можно много спорить о влиянии современных технологий на развитие человека и общества, но для фандрейзинга, а значит, и для благотворительности они имеют первостепенное значение.

Результативность фандрейзинга в зависимости от личностных и профессиональных качеств фандрейзера

В результате анализа данных были выделены личностные характеристики сотрудников, влияющие на результативность привлечения ресурсов. К ним можно отнести активность фандрейзера, его желание привлекать ресурсы, понимание проблем клиентов и своих возможностей в оказании им большего объема помощи.

Сотрудники, работающие в организациях, имеющих более высокие результаты, указали такие свои качества: доброта, отзывчивость, желание помогать другим людям, альтруизм. Однако им важно чувствовать поддержку руководства и коллектива: именно это придает фандрейзеру ощущение признания, формирует желание продолжать работу, несмотря на трудности.

Проблемы фандрейзинга, снижающие его результативность

Необходимо сказать и о проблемах, которые существенно снижают результативность привлечения ресурсов. Почти половина респондентов в поле открытого вопроса указала на наличие каких-либо проблем. Предложенные варианты позволяют поделить проблемы на внешние и внутренние.

К первой группе можно отнести территориальные проблемы (неразвитость территории, которую обслуживает организация, небольшая численность населения, небольшое количество компаний среднего и малого бизнеса).

К внутренним проблемам организаций социального обслуживания относятся организационные (ощущение собственной некомпетентности: нехватка опыта, знаний, времени у сотрудников для осуществления фандрейзинга) и психологические (страх перед отказами, ощущение себя попрошайкой) проблемы.

Эти проблемы выступают факторами отрицательными, снижающими результаты привлечения ресурсов, существенно влияющими на психологический статус фандрейзера, вызывающими у него апатию и желание полностью отказаться от привлечения ресурсов.

Дискуссия

Изучение результативности фандрейзинга в государственных учреждениях – важная, но сложная задача. Имеющиеся научные разработки трудноприменимы для исследования в организациях, имеющих пусть и минимальное, но стабильное финансирование в течение всего года. Здесь не работают технологии мотивации фандрейзера, так как он не получает вознаграждения, зависящего от объема ресурсов, технологии самого фандрейзинга, потому что сотрудники не имеют профильного образования. Неоспоримым недостатком является невозможность оценки общего объема привлеченных ресурсов, выраженной в универсальных единицах, вследствие отказа учреждений от ведения учета ресурсов. Трудности вызывает и сбор эмпирических данных, так как опрос сотрудников возможен только с согласия руководства. И в этом случае есть риск желаемых, одобряемых сверху, «правильных» ответов. Необходимы особые подходы, требующие комплексной разработки. Представленный подход тоже не идеален и требует обсуждения со стороны исследователей и практиков.

Заключение

Привлечение ресурсов в организациях социального обслуживания имеет несколько показателей результативности: количество постоян-

ных доноров, количество согласий в ответ на просьбу о помощи. Эти показатели выше у организаций, расположенных ближе к районному центру, имеющих планы и стратегии привлечения ресурсов, использующих сайты организаций для привлечения ресурсов. Таким образом, эти условия можно назвать основными факторами результативности. Средние связи были обнаружены между формой оказания услуг, категорией клиентов, наличием систем стимулирования и величиной показателей результативности. Наиболее слабые, но заметные связи имеются между организационно-правовой формой учреждения и полом фандрейзера.

Важную роль играет активность, субъектность ответственного сотрудника, его желание помочь клиенту, понимание значимости деятельности, качества характера.

Не были обнаружены зависимости между результативностью деятельности и размером (численностью сотрудников) организации, составлением отчетов, опытом привлечения ресурсов у фандрейзера, заключением договоров, оказанием платных услуг.

Респонденты указали и ряд проблем фандрейзинга в государственных организациях социального обслуживания, к которым отнесены проблемы внешней среды (территориальные проблемы) и внутренней среды (организационные и психологические). Для устранения перечисленных проблем требуется пристальное внимание органов власти к привлечению ресурсов в государственных организациях, его нормативно-правовое регулирование и формализация.

Список литературы

1. Количество социальных услуг, оказываемых поставщиками социальных услуг, из числа включенных в перечень социальных услуг субъекта Российской Федерации, и дополнительных (платных) социальных услуг в соответствии со статьей 11 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (единиц) [Электронный ресурс] // Сводный отчет по РФ – Информация Минтруда России от 13 июля 2018 г. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/1310> (дата обращения: 24.09.2019).
2. Fundraising: Handbuch für Grundlagen, Strategien und Methoden. Frankfurt-am-Main: Fundraising Akademie, Gabler, 2008. 898 с.
3. Mindak W., Bybee M. Marketing's Application to Fundraising // Journal of Marketing. 1971. № 35(3). P. 13–18.
4. Kelly K. Effective Fundraising Management. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1998. 668 p.
5. Коробова Т.С. Социально-экономические условия развития фандрайзинга в благотворительных организациях России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2014. 23 с.

6. Дятликов К.Ю. Фандрейзинг как инструмент совершенствования системы финансирования государственных организаций культуры: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. 27 с.
7. Артемьева Т.В., Тульчинский Г.Л. Фандрейзинг: привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования: Учебное пособие. СПб.: Лань, Планета музыки, 2010. 288 с.
8. Карпунина А.В. Содержание и условия фандрейзинговой деятельности учреждений социального обслуживания населения: Дис. ... канд. соц. наук. Омск: Омский госуд. технический ун-т, 2017. 201 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2017/738/diss-Karpunina-738.pdf> (дата обращения: 24.09.2019).
9. Исполнение консолидированных бюджетов субъектов РФ по расходам (Социальное обслуживание населения) за 12 месяцев 2018 года [Электронный ресурс] // Открытый информационный ресурс по анализу финансового и социально-экономического развития субъектов РФ. URL: <http://old.iminfin.ru/index.php/razdely/raskhody/ispolnenie-raskhodov-subektoru-byudzhetnye-raskhody-na-dushu-naseleniya> (дата обращения: 24.09.2019).
10. Waters R.D. The value of relationship and communication management in fundraising: Comparing donors' and practitioners' views of stewardship // Prism. 2010. 7(1). URL: <http://www.prismjournal.org/homepage.html>.
11. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель, 2004. 511 с.
12. Hoefer R. From Web Site visitor to online contributor: Three internet fundraising techniques for non-profits // Social work. 2012. № 57(4). Р. 361–365.

FUNDRAISING EFFECTIVENESS IN STATE SOCIAL SERVICE ORGANIZATIONS (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

A.V. Karpunina

Russian State Social University

The article provides an analysis of external and internal conditions of fundraising in social services. Key performance indicators include the number of permanent donors, companies and private persons, as well as the number of positive answers to requests from the fundraiser. Based on a survey of employees of social services in a Russian region (the Omsk region, N = 65), we have grouped favorable conditions, which are defined as effectiveness factors. These factors are divided into 3 groups: having a strong, medium and weak influence (depending on the strength of the correlation between the indicators). The most significant factors include proximity to the district center, availability of fundraising planning, use of the website for fundraising. The form of social services, clients' type, availability of incentive systems are defined as factors with an average power of influence. The legal form and the fundraiser's gender have the least impact.

The author also highlights some factors that reduce the effectiveness of fundraising: lack of specialized education, lack of support from the organization's leadership, lack of regulations for attracting resources, poverty of the population and poor business development in rural areas. These problems lead to the emotional burnout of fundraisers and to their refusal to work with donors.

Keywords: fundraising, social services, resources, fundraising effectiveness.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПОДГОТОВКИ И ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ

© 2020 г.

B.N. Левкина

Левкина Вероника Николаевна, к.соц.н.; доцент кафедры менеджмента
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
starver@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 19.12.2019
Статья принята к публикации 20.02.2020*

Совокупность способов, приемов, процедур, позволяющих решать социальные проблемы на основе научного подхода, знания закономерностей протекания социальных процессов, точного аналитического расчета и выверенных социальных нормативов, называется *социальному развитием организации*. Целью исследования является определение влияния внедрения инновационных технологий подготовки и обучения персонала на социальное развитие сотрудников современных деловых организаций. В рамках социального развития сотрудников целесообразно разграничить понятия «развитие персонала» и «обучение персонала» (обучение персонала реализуется в рамках программ по развитию персонала, а развитие персонала включает в себя следующие компоненты: планирование карьеры, ротацию, делегирование полномочий, профессиональное обучение, повышение квалификации и переподготовку). Изложены основные понятия, цели, принципы и факторы, влияющие на необходимость социального развития современных организаций. Достаточно подробно рассматриваются конкретные технологии управления социальным развитием. Особое внимание уделяется возможностям развития персонала посредством внедрения технологий подготовки и обучения сотрудников.

Ключевые слова: развитие персонала, инновационные технологии, подготовка, обучение сотрудников, обучающаяся организация, повышение квалификации, переподготовка, мотивация персонала.

Постановка научной проблемы

Актуальность исследования заключается в том, что руководители современных деловых организаций постоянно находятся в поиске технологий, которые могут способствовать социальному развитию сотрудников, повышению уровня их знаний, навыков, умений, производительности труда, заинтересованности при выполнении работы и мотивации к достижению организационных целей.

Научную гипотезу можно сформулировать следующим образом: внедрение инновационных технологий подготовки и обучение персонала способствуют социальному развитию сотрудников современных деловых организаций.

Цель данного научного исследования – определить степень влияния внедрения инновационных технологий подготовки и обучения персонала на социальное развитие сотрудников современных деловых организаций.

Задачи исследования были сформулированы следующим образом: проанализировать существующие точки зрения, касающиеся социального развития сотрудников организации посредством подготовки и обучения сотрудников; выявить инновационные технологии подготовки и обучения сотрудников; определить препятствия на пути реализации программ социальногоразвития.

Теоретико-методологические подходы

«Развитие персонала является систематическим процессом, ориентированным на формирование сотрудников, отвечающих потребностям предприятия, и, в то же время, на изучение и развитие производительного и образовательного потенциала сотрудников предприятия», – такое определение термина «социальное развитие персонала» даёт П. Юнг.

Другие исследователи придерживаются иных точек зрения, давая определение понятию «социальное развитие персонала».

Социальное развитие персонала – комплекс мероприятий, которые включают в себя обучение профессиональным качествам и навыкам, переподготовку сотрудников и повышение технической и управленческой квалификации работников и управление карьерой сотрудников в организации [1].

Развитие профессиональных знаний, навыков, умений и мотивации необходимо для подготовки работника к запланированным кадровым перемещениям и, следовательно, к обновленным функциональным обязанностям, актуальным организационным задачам и целям, к возможным изменениям в коллективе или появлению сотрудников в подчинении и т.д.

Развитие персонала – совокупность взаимозависимых элементов, которая включает в себя разработку и реализацию кадровой стратегии, прогнозирование потребностей [2] в сотрудниках, качественные процессы подбора и отбора работников, организацию карьерного и профессионального роста, эффективную реализацию процессов адаптации, подготовки и обучения, поддержание и развитие организационной культуры.

Цель развития сотрудников – повышение трудового потенциала работников, так называемых *организационных способностей*, необходимых для качественной постановки личных и организационных целей и их последующей эффективной реализации.

Организационные способности – совокупность знаний, навыков, принципов, процедур, правил, которые обеспечивают процессы принятия и реализации управленческих решений и определяют организационное поведение сотрудников компании.

Одним из главных инструментов повышения развивающегося ресурса сотрудников компании является корпоративное обучение, т.е. формирование организационного знания.

Слагаемыми организационного знания являются индивидуальное, групповое, командное и общеорганизационное обучение. При этом организационное знание может быть теоретическим, практическим и стратегическим.

Процесс возникновения и функционирования организационного знания включает в себя следующие этапы: создание, развитие, накопление, тиражирование (распределение), обмен, потребление (использование), хранение и постоянное обновление.

Процесс управления организационным знанием включает в себя следующие элементы: генерирование, формализация, хранение, распределение, оценка, измерение, использование.

В.М. Матиашвили в работе «Технологии корпоративного обучения» дает следующее определение: обучение персонала – постоянный процесс приобретения новых знаний и навыков на основе деятельности, опыта, анализа, размышления, сравнения [3].

Целенаправленный, тщательно спланированный руководителями компаний, качественно организованный преподавателями, наставниками, бизнес-тренерами, коучами, профессиональными консультантами процесс овладения сотрудниками профессиональными знаниями, умениями, навыками и способами формулировки и разработки мероприятий по решению организационных проблем Н.А. Куртиков [4] называет *обучением сотрудников*.

Подготовка и обучение сотрудников чаще всего базируются на институциональных формах обучения, самообразовании, обучении на собственном опыте, целенаправленном обучении, обучении «мимоходом» в рамках выполнения текущих должностных обязанностей, ротации персонала и в процессе совмещения должностей.

Современными специалистами в области корпоративного обучения принято использовать понятие *обучающейся организации*.

По мнению М. Педлера, *обучающаяся организация* – это та компания, в которой корпоративная культура побуждает каждого работника к обучению и максимально полному развитию собственного потенциала; это та организация, которая распространяет процесс корпоративного обучения на своих потребителей, поставщиков и другие группы интересов во внешней среде; это та организация, которая рассматривает стратегию развития человеческих ресурсов в качестве ключевого элемента своей деятельности и условия успеха деловой активности; это та организация, которая постоянно осуществляет изменения в своей внутренней среде, внедряя проекты организационных изменений.

По мнению Дж. Стоунхауза, *обучающаяся организация* – это компания, способная достичь жизненно важного конкурентного преимущества путем быстрого обучения тому, как развить интеллектуальные ресурсы и компетенции организации, необходимые для формирования устойчивых и гибких базовых отличительных способностей.

По мнению Д. Гервина [5], только та компания может относиться к обучающимся организациям, которая способна и готова заниматься производством, приобретением, распространением, а также использованием знаний для разработки и внедрения мероприятий по совершенствованию своей собственной деятельности, а также готова и способна обучать и развивать своих клиентов, поставщиков, подрядчиков и партнеров.

Обучение, качественная подготовка, повышение квалификации и переподготовка работников – это элементы, которые целесообразно включить в систему социального развития сотрудников посредством корпоративного обучения.

Процесс *планирования подготовки и обучения* является неотъемлемой частью процедуры планирования человеческих ресурсов организации, которая дополнительно включает в себя расчет потребности в работниках, планирование процессов подбора и отбора сотрудников, горизонтального, вертикального, диагонального карьерного роста.

Под *качественной подготовкой* подразумеваются первичное обучение и выпуск квалифицированных работников для разных областей деятельности организации, обладающих совокупностью специализированных знаний, навыков, умений, качеств и технологий коммуникации.

Дальнейшее совершенствование и развитие имеющихся компетенций в зависимости от ситуации, которая может быть связана с повышением требований к должности или изменением самой должностной позиции, называется процессом *повышения квалификации*.

Изучение и постепенное внедрение в производственную и управленческую практику обновленных компетенций [6], связанных с изменением содержания и профессиональных стандартов, требований, уровня ответственности и сложности выполнения работ, называется *переподготовкой работников*.

Российский и зарубежный опыт исследования социального развития выделяет *три стадии организационного обучения* сотрудников: *когнитивная стадия, актуализация и реализация*. В рамках первой стадии осуществляется процесс получения новых знаний, идей и информации; в рамках второй стадии формируются обновленные компетенции; в рамках третьей стадии полученные компетенции переводятся из «пассивного» положения в «активное» состояние, т.е. начинают постоянно применяться во время выполнения должностных обязанностей.

Результаты и обсуждение результатов

Традиционный подход к социальному развитию сотрудников посредством подготовки и обучения предполагает ориентацию на приобретение сотрудниками знаний и навыков, которые потребуются им для повышения преимущественно индивидуальных показателей эффективности труда без внимания к развивающей функции подготовки и обучения.

Применение инновационных технологий подготовки и обучения сотрудников в современных деловых организациях позволит эффективно осуществлять процесс управления социальным развитием работников, что предполагает непрерывное приобретение, совершенствование и рациональное использование организационных, технических и управленческих компетенций.

Технологии социального развития сотрудников через подготовку и обучение внедряются для того, чтобы совершенствовать выполнение текущей работы сотрудниками на тех должностях, которые они занимают в настоящее время, грамотно использовать мотивирующую функ-

цию [7] включения сотрудника в кадровый управленческий резерв компании, а также заранее подготовить работников к тем функциям, которые они, вероятно, будут выполнять в будущем после принятия решения о кадровом перемещении.

Применение инновационных технологий социального развития посредством подготовки и обучения сотрудников возможно в организации только в том случае, если будут выполнены следующие условия:

- полная ориентация направлений, тематических и практических блоков подготовки и обучения на актуальные потребности организации и интересы ее сотрудников, а также на их тактические и стратегические цели и задачи;
- основное внимание – внутрифирменному обучению персонала (обучение на рабочем месте);
- ориентация на развитие высококвалифицированных сотрудников, которые способны и готовы в настоящее время войти в кадровый управленческий резерв компании, а в будущем своевременно и эффективно решать организационные проблемы;
- наличие у сотрудников права самостоятельного выбора форм и методов обучения;
- построение и осуществление обучения сотрудников на основе системного подхода;
- наличие эффективных механизмов мотивации и стимулирования работников к добросовестному и настойчивому приобретению новых компетенций;

– создание для работников посредством обучения возможности «пожизненной занятости» (в этом случае мотивация к социальному развитию у сотрудников будет выше);

– такое построение процесса индивидуального обучения, которое обеспечивает эффект мультипликации его результатов;

– использование обучения в рабочих группах как доминантной формы организационного обучения;

– инициирующая роль высшего руководства организации в осуществлении обучения;

– признание важной роли руководителей низшего и среднего звена в выявлении актуальных потребностей в обучении их сотрудников, а также при подготовке, организации, проведении процесса получения знаний, формирования навыков и умений.

Что касается инновационных технологий подготовки и обучения сотрудников, нацеленных на социальное развитие сотрудников, то в настоящее время выделяются следующие (но внедряются и используются регулярно они не во всех компаниях).

1. Ученичество, наставничество (предполагает аудиторное обучение и практическое применение полученных знаний на рабочем месте).

2. Предварительное обучение (осуществляется в обстановке, частично или полностью повторяющей рабочее место).

3. Обучение на рабочем месте (опытный сотрудник, руководитель, мастер, консультант осуществляет обучение на непосредственном рабочем месте сотрудника, а работник, в свою очередь, наблюдает и копирует методы работы наставника; либо сотруднику, которому необходимо обучение, поручают функциональные обязанности другого специалиста или руководитель делегирует свои непосредственные полномочия).

4. Инструктаж (прямые письменные или устные указания или распоряжения сотруднику относительно выполнения тех или иных работ; дополнительно работнику передаются планы-графики работ, методички, справочные и учебные материалы, чертежи, регламенты, инструкции, журналы) [8].

5. Демонстрация (опытный руководитель или наставник демонстрирует правильное, идеальное выполнение работы, услуги, процесса, затем обучаемый сотрудник пытается повторить продемонстрированную процедуру с максимальной точностью).

6. Командообразование (сотрудники обучаются и развиваются в рамках команды, перенимая знания и навыки от других членов команды, выполняя какой-то конкретный проект, работая над достижением межфункциональной рабочей задачи или организационной цели).

7. Обучение действием (обучение осуществляется индивидуально (консультирование, коучинг) или в рамках целевой группы благодаря обмену опытом по решению реальных рабочих проблем, разработке специальных проектов, подготовке итоговых презентаций для руководителей и внедрению одобренных руководством результатов разработок в непосредственную практику (например, «Кружки качества», «Советы молодых специалистов»)) [9].

8. Обучение вне рабочего места «внутри» компании (обучение, проводимое в конференц-залах, переговорных, компьютерных классах и других помещениях, оборудованных для проведения занятий, тренингов и практикумов).

9. Обучение вне рабочего места «за пределами» компании (обучение, осуществляющееся в рамках рабочих командировок, семинаров-практикумов, участия в выставках и переговорах с клиентами и поставщиками, научно-практических конференциях, симпозиумах, тренингах, на курсах обучения по бакалаврской и магистерской программе, по Президентской про-

грамме подготовки управленческих кадров и программе «Мастер делового администрирования»).

10. Ротация (обучение и развитие, реализуемое в рамках перемещения сотрудника с одной должностной позиции на другую или из одного подразделения в другое с целью ознакомления с функциональными обязанностями другого сотрудника и последующей возможностью замещения этого работника в случае необходимости).

11. Индивидуальное собеседование сотрудника с непосредственным или вышестоящим руководителем (обучение и развитие сотрудника реализуется через обсуждение результатов его работы за определённый период, самооценку своей трудовой деятельности, анализ причин отрицательных показателей в случае их наличия, постановку целей и задач на следующий рабочий период с последующим текущим контролем по отклонениям от плана (технология «Управление по целям, которая опирается на оценку «360 градусов»)).

12. Итоговые отчеты или презентации о результатах обучения (обучение и развитие сотрудника осуществляется в рамках подготовки и представления коллегам и вышестоящим руководителям результатов индивидуального или командного обучения, разработанных мероприятий по совершенствованию деятельности компании, по принципу «было/стало»).

13. «Структурированное обучение» (по модели А. Мамфорда) (сотрудники обучаются и развиваются не с целью получения знаний и практических навыков, а для решения конкретной задачи или системообразующей организационной проблемы, требующей решения в краткие сроки) [10].

14. Анализ аудио- или видеозаписей рабочих ситуаций, практикумов и тренингов (обучение и развитие осуществляются в рамках тщательного анализа поведения участников, аудио- и видеозаписей реальных конфликтных ситуаций с клиентами, удачных или неудачных переговоров, собеседований, процессов продажи продукта, оказания услуги, выполнения работ, а также практикумов, деловых игр, сцен или инсценировок с последующей разработкой рекомендаций по совершенствованию поведения, коммуникации, саморегуляции, по улучшению техники деловой презентации, ведения переговоров, осуществления процесса продажи товаров и услуг, проведения собеседований и т.д.).

15. Просмотр практических учебных фильмов (обучение и развитие сотрудников происходит посредством анализа учебных практических ситуаций (индивидуально или в группах) и разработки мероприятий по решению организационных проблем, которые могут использоваться сотрудниками в их практической деятельности).

16. *Индивидуальная и групповая психометрия сотрудников* (обучение и развитие сотрудников в рамках данной технологии осуществляются с помощью анкет, опросников, психологических тестов, проективных методик с соответствующей обратной связью по результатам тестирования и с последующими рекомендациями от руководителя, консультанта, бизнес-тренера относительно возможности развития определенных способностей, корректировки личностного психологического профиля сотрудника и повышения эффективности взаимодействия и коммуникации между сотрудниками с исходно отличающимися психологическими профилями).

17. *Электронное дистанционное обучение* (обучение и развитие сотрудников может осуществляться как в режиме «онлайн», так и в режиме «оффлайн» с помощью информационных технологий (Инtranet – внутренняя частная информационная сеть организации или корпорации со специализированными тематическими курсами и тренингами) и электронных коммуникаций (Интернет, электронная почта, мобильный телефон, программное обеспечение)).

18. *Учебные курсы, деловые игры, тренинги, практикумы* (обучение и развитие осуществляются посредством интерактивного взаимодействия руководителя, бизнес-тренера, преподавателя, коуча, наставника со слушателями, которые имеют возможность общаться, налаживать взаимодействие между собой, получать ответы на актуальные вопросы, «конкурировать» с отдельными участниками или командами, мотивировать друг друга).

19. *Образовательный бенчмаркинг, обмен визитами* (обучение и развитие сотрудников осуществляются в рамках посещения различных организаций с целью изучения позитивного и негативного опыта реализации организационных изменений, внедрения эффективных управленческих технологий и производственных инноваций, обмена информацией относительно качественного оказания услуг и выполнения работ, проведения эффективной маркетинговой деятельности, а также посредством постоянного изучения журналов, книг, специализированных сайтов, наполненных практикой управления успешными организациями).

20. *Экстремальные тренинги, практикумы по лидерству, «веревочные курсы»* (обучение и развитие сотрудников осуществляются через формирование команды, проявление лидерских качеств, развитие выносливости, настойчивости, концентрации, умения добиваться поставленной цели [11], увеличение синергетического

эффекта, улучшение межличностной коммуникации и т.д.) [12].

21. *Расширение и обогащение рабочего места сотрудника* (обучение и развитие сотрудников происходит путем внедрения в работу сотрудника сложных и интересных задач, межфункциональных проектов, использования технологии «делегирование полномочий», ротации деятельности сотрудника, совмещения должностей, разработки и внедрения рационализаторских предложений и т.д.).

22. *Создание экологически чистых, здоровых и безопасных рабочих мест*, оборудованных с использованием технологий «бережливое производство», «5S» и «кайдзен-офис» (обучение и развитие сотрудника происходят с помощью поддержания своего рабочего места в чистоте и порядке, стандартизации процесса выполнения производственных процедур, хранения документов и инструмента, постоянного соблюдения техники безопасности) [13].

23. *Партиципативное управление* (обучение и развитие сотрудников осуществляются с помощью вовлечения работника в процессы принятия управленческих решений, постановки целей и задач, приглашения на важные переговоры и совещания) [14].

В то же время на пути реализации программ социального развития сотрудников посредством подготовки и обучения в любой организации могут возникнуть существенные препятствия, которые способны снизить эффект от вложенных усилий, финансовых и интеллектуальных инвестиций, среди них:

– неадекватная организационная структура, не поддерживающая и не стимулирующая инновации, предпринимательский дух, изменения, эксперименты и развитие сотрудников;

– недостаточное внимание высшего руководства к потребностям организационного обучения и развития (не создаются или не используются механизмы генерирования, приобретения, хранения, обновления и тиражирования организационного знания);

– неадекватная оценка потребностей в подготовке, обучении и развитии персонала;

– изменение потребностей организации в подготовке кадров после завершения программы обучения;

– жесткие внутриорганизационные «перегородки» (идеи и информационные потоки блокируются жесткими «перегородками», существующими между подразделениями организации, острой конкуренцией между функциональными рабочими группами и командами; интегративные механизмы, необходимые для координации

- работы функциональных групп, слабы и неадекватны) [15];
- сверхцентрализация в принятии управленческих решений (все важные решения принимаются единолично (либо узкой группой лиц), делегирование власти и полномочий, обладающее обучающим и развивающим ресурсом, отсутствует);
  - организационная инерция (организации требуется слишком много времени для осознания возможностей и угроз и принятия соответствующих решений, члены организации не руководствуются её миссией и кредо при осуществлении своих функций);
  - искаженное или неполное понимание основных источников организационного знания и опыта (организация не изучает собственный опыт, основной акцент делает на «импортирование» чужих идей и заимствованного опыта);
  - неэффективность или неадекватность системы мотивации и стимулирования работников компаний во время прохождения обучения, разработки и внедрения мероприятий по совершенствованию деятельности организации;
  - низкая эффективность управления временем со стороны руководителей и сотрудников в момент реализации программ подготовки и обучения сотрудников, опоздание на занятия или отсутствие по неуважительной причине;
  - стойкое проявление у некоторых руководителей и сотрудников так называемой «ловушки опыта», по причине которой слушатели полностью уверены в том, что они знают всё в рамках своих должностных обязанностей, а профессиональные консультанты, наставники, преподаватели и бизнес-тренеры ничему новому и полезному не смогут их научить;
  - отсутствие реализации в деятельности организации разработанных сотрудниками в процессе обучения проектов организационных изменений, мероприятий по совершенствованию деятельности компании;
  - недостаточное финансирование программ подготовки, обучения и развития сотрудников.
- В том случае если указанные выше препятствия при реализации программ социального развития не будут устранены или, в крайнем случае, не будут минимизированы, рассчитывать на успешную реализацию этих программ бессмысленно.
- ## Выводы
- Таким образом, *социальное развитие сотрудников* является относительно самостоятельным элементом системы управления человеческими ресурсами, включающим в себя формирование и рациональное использование человеческого капитала, развитие человеческого потенциала, создание и поддержание социально-психологических и организационных условий функционирования сотрудников в организации, а также создание и поддержание эффективной компенсационной системы [16].
- Подготовка и развитие сотрудников неразрывно связаны в едином процессе корпоративного обучения, любая программа обучения содержит в себе элементы подготовки и элементы развития работников. Только в подготовке основная роль отводится руководителю, ментору, наставнику, преподавателю, мастеру, бизнес-тренеру, а в социальном развитии сотрудников – инициативе обучаемого, его компетенциям, качествам, психологическому профилю, вопросам, проблемам и решениям.
- Вопросы социального развития сотрудников посредством технологий подготовки и обучения нашли свое отражение в работах таких авторов, как Н.О. Аблязова, В.М. Матиашвили, И.В. Гуськова, Н.Л. Захаров; А.М. Бекарев, Ю. Лехто, В. Кюости, М. Микалко, А.П. Панфилова, М. Педлер, Т.В. Радаев, Дж. Уитмор, S. Hidi, J.M. Harnackiewicz, T. Baumann, S. Harfst, A. Swanger, G. Saganski, D. Alwerfalli, A. Cell, L. Christian и др.
- В рамках исследования была сформулирована научная гипотеза: внедрение инновационных технологий в подготовку и обучение персонала способствует социальному развитию сотрудников современных деловых организаций.
- Программы подготовки и обучения могут способствовать социальному развитию сотрудников и формировать дополнительный развивающий ресурс для компании, в том случае если этот процесс будет организован с учётом ряда существенных факторов:
- понимание руководством и сотрудниками сущности, механизмов, технологий и процедур социального развития;
  - понимание руководством и сотрудниками причин низкой эффективности программ социального развития посредством подготовки и обучения сотрудников [17];
  - знание руководством принципов бюджетирования программ социального развития;
  - приданье руководством корпоративному обучению и знаниям высокой ценности и престижности для сотрудников [18];
  - стимулирование в организации инноваций и экспериментов в области совершенствования деятельности компании;
  - создание руководством климата доверия для обмена знаниями между сотрудниками, подразделениями, филиалами и организациями, в качестве формы внедрения технологии бенчмаркинга с целью изучения успешного опыта реализации организационных изменений;

– стимулирование руководством групповых форм обучения с целью максимизации синергетического эффекта от программ социального развития.

В рамках исследования, можно сделать вывод о том, что при соблюдении определенных существенных условий и важных организационных факторов инновационные, тщательно организованные программы подготовки и обучения персонала оказывают явно положительное влияние на процессы социального развития сотрудников.

Таким образом, цель данного научного исследования (определить степень влияния внедрения инновационных технологий подготовки и обучения персонала на социальное развитие сотрудников современных деловых организаций) достигнута.

Программы социального развития персонала – это инвестиции в настоящее и будущее любой организации. Главная ценность любой компании заключается не в финансовых ресурсах, оборудовании и технологиях, а в грамотных и мотивированных сотрудниках. Компетентные сотрудники, обладающие современным организационным знанием, являются настоящим долгостоящим интеллектуальным ресурсом современных деловых организаций, и от эффективности их работы напрямую зависит финансовая состоятельность и конкурентоспособность этих организаций в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Джой-Меттьюз Д., Меггинсон Д., Сюрте М. Развитие человеческих ресурсов / Пер. с англ. 6-е изд. М.: Эксмо, 2018. 432 с.
2. Кибанов А.Я., Дуракова И.Б. Управление персоналом организаций. Актуальные технологии найма, адаптации и аттестации: Учеб. пособие. М.: Кнорус, 2015. 359 с.
3. Маташвили В.М. Технологии корпоративного обучения: Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский гос. технический ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2018. 132 с.
4. Куртиков Н.А. Психология и социология управления: Учеб. пособие. М.: Кн. мир, 2017. 268 с.
5. Радаев Т.В. Корпоративное обучение в системе социального управления: Автореф. дис. ... канд. соцiol. наук. Н. Новгород, 2009. 28 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003485664#?page=1> (дата обращения: 20.11.2019).
6. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Управление социальным развитием организации: Учебник. М.: Инфра-М, 2018. 416 с.
7. Маташвили В.М., Святов В.В., Щербакова О.Н. Исследование систем управления: Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский гос. технический ун-т им. Р.Е. Алексеева. 2017. 109 с.
8. Краснова Н.В. Развитие персонала компаний. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2017. 96 с.
9. Аблязова Н.О., Аверкин М.Г., Гуськова И.В. и др. Управление социальным развитием организации: Учебник. М.: НИЦ Инфра-М, 2013. 416 с.
10. Бекарев А.М., Шакурова А.В. Индивидуальные профессионально-ролевые комплексы как ресурсы эффективной деятельности педагога // Женщина в российском обществе. 2013. № 4 (69).
11. Hidi S., Harackiewicz J.M. Motivating the corporately unmotivated: A critical issue for the 21st century // Review of Educational Research. 2013. № 70 (2). P. 151–179.
12. Инновационные технологии управления системой корпоративного обучения: Материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2013. 185 с.
13. Моргунов Е.Б. Управление персоналом: исследование, оценка, обучение: Учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 562 с.
14. Christian L. Management of social development of personnel in intellectual companies // HR Review. 2016. Vol. 9. № 4. P. 109–129.
15. Федотова Н.В., Минченкова О.Ю. Управление персоналом организаций: Учебник. М.: Кнорус, 2018. 532 с.
16. Белбин Р.М. Команды менеджеров. Как объяснить их успех или неудачу / Пер. с англ. М.: Кивитс, 2016. 240 с.
17. Baumann T., Harfst S., Swanger A., Saganaki G., Alwerfalli D., Cell A. Developing Competency-based, Industry-driven Manufacturing Education in the USA: Bringing together Industry, Government and Education Sectors // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 119. P. 30–39.
18. Старцева В.Н. Модели внедрения инновационных технологий мотивации персонала в организациях: на примере отечественных высокотехнологичных компаний: Автореф. дис. ... канд. соцiol. наук. Н. Новгород, 2009. 28 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003485664#?page=1> (дата обращения: 20.11.2019).

SOCIAL DEVELOPMENT OF PERSONNEL BY MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE TRAINING AND EDUCATION TECHNOLOGIES

V.N. Levkina

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

Social development of an organization involves a set of methods, techniques, procedures required to solve social problems on the basis of scientific approach, knowledge of the laws that govern social processes, an exact analytical calculation and appropriate social norms.

The aim of the study is to determine the impact of innovative training and education technologies on employees' social development in modern business organizations.

Within the framework of employees' social development, one should differentiate the concepts «personnel development» and «personnel training». Personnel training is implemented as part of personnel development programs, and personnel development includes the following components: career planning, rotation, delegation of authority, professional training, professional development and retraining.

The article describes the main concepts, goals, principles and factors that influence the necessity of modern organizations' social development. Specific technologies of social development management are considered in detail. Special attention is paid to possibilities of the personnel development by implementing employee preparation and training technologies. We also give numerous examples demonstrating various ways of employees' social development and characteristic features of their application.

Keywords: personnel development, innovative technologies, training, staff training, learning organization, professional development, retraining, staff motivation.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2020 г.

Д.С. Докучаев

Докучаев Денис Сергеевич, к.филос.н.;
заведующий отделением журналистики, рекламы и связей с общественностью
Ивановского государственного университета
den-dokuchaev@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 20.10.2019
Статья принята к публикации 10.02.2020*

Историческая политика на региональном уровне представляет собой чрезвычайно важное и интересное, с точки зрения исследований, явление. Её стоит рассматривать как частный пример политики памяти и как совокупность региональных практик, используемых различными акторами в целях конструирования образа прошлого. С одной стороны, использование истории на региональном уровне предполагает её включение в имиджевую политику территории (в том числе для продвижения на уровне федерации, развития туризма), с другой стороны, локальная история (и её интерпретации) задействуется в процессе региональной идентификации. Цель настоящего исследования состоит в попытке рассмотреть сквозь призму социального измерения основные принципы интерпретации истории региона и понять, как фиксируется в массовом сознании историческая политика. Эмпирической основой исследования послужил массовый опрос ($N=384$) жителей крупных городов и исторических поселений Ивановской области. Анкетирование проводилось в июле–августе 2019 г. в Иванове, Кинешме, Шуе и Палехе. Исследование позволило в первом приближении определить каналы исторической информации, установить тематическую категоризацию исторической политики на уровне региона, выявить основных участников процесса с точки зрения массового сознания.

Ключевые слова: историческая политика, регионализм, политическая регионалистика, политика памяти, история региона, региональный дискурс.

Введение

В последние годы в России как на федеральном, так и на региональном уровне исторические сюжеты и интерпретация истории стали предметом самых острых дебатов. Из последнего достаточно вспомнить инициативу калужских властей отмечать в России новый праздник – окончание стояния на реке Угре 1480 г. Большинство регионов поддержали идею, но в Татарстане не захотели праздновать поражение орды хана Ахмата [1]. Нarrативы о прошлом актуализируются в массовой культуре и политике по разным причинам. В коллективном прошлом каждое сообщество пытается отыскать основания для воспроизведения социальности, а следовательно, идентичности. Проведение границы между «своими» и «чужими» в процессе идентификации невозможно без обращения к прошлому – как «своему», так и «чужому». В связи с этим история как состоявшееся прошлое локального сообщества, региона, нации или даже всего человечества всегда была и будет подвержена манипуляциям.

Цель настоящего исследования заключается в попытке рассмотреть сквозь призму социального измерения основные принципы интерпре-

тации истории региона для политических целей, а также определить и охарактеризовать основных политических акторов, использующих исторические символы для легитимации и делегитимации власти в регионе, и в конечном счете понять, как фиксируется в массовом сознании историческая политика.

Таким образом, объектом исследования является историческая политика в региональном измерении, рассматриваемая как совокупность региональных практик, используемых различными акторами в целях конструирования образа прошлого. Предмет исследования – общественное мнение о деятельности различных акторов на региональном уровне в контексте политики памяти.

Методология

Мифологизация прошлого связана с тем, что героические страницы истории России все дальше отодвигаются во времени и это дает простор для появления альтернативных и локальных версий прошлого. На региональном уровне подобных героических страниц может быть одна, а может и не быть вовсе. В таком

случае происходит конструирование мифов, воображение локальной истории или замещение её историей общероссийской. Во многом такая ситуация объясняется гетерогенностью регионального ландшафта страны. М.В. Назукина выделила четыре типа региональной идентичности в России, которые можно соотнести с четырьмя типами регионов:

- регионы с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом стратегическом его оформлении;
- регионы с сильным культурным ядром и стратегическим его выражением;
- регионы со слабым ощущением культурного единства при активной имиджевой политике;
- регионы, в которых отсутствует выраженное культурное единство и стратегическое оформление [2].

Рассматриваемую нами в качестве примера Ивановскую область можно отнести к регионам со слабым ощущением культурного единства при активной имиджевой политике, хотя с определенными оговорками.

Многие исследователи склонны рассматривать историческую политику в качестве частного примера глобальной тенденции политизизации истории и одного из примеров политики памяти [3, с. 8; 4]. Под политикой памяти в данном случае понимается «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры» [4, с. 140]. Стоит согласиться с А.И. Миллером в том, что «именно политическая природа феномена, который мы обозначаем понятием историческая политика, требует, чтобы исследователи сосредоточились не только, и даже не столько на различных интерпретациях прошлого в рамках исторической политики, сколько на вопросах об акторах, институтах, методах этой политики» [3, с. 12].

Говоря о политике памяти и исторической политике на региональном уровне, следует понимать, что речь идет прежде всего о конкурентном позиционировании территорий и о формировании региональной (локальной) идентичности, поскольку именно в этих сферах историческая политика проявляется чаще всего (то есть, с одной стороны, использование истории на региональном уровне предполагает её включение в имиджевую политику территории (в том числе для продвижения на уровне федерации, развития туризма и пр.); с другой стороны, локальная история (и её интерпретации) задействуется в процессе региональной идентификации).

Историческая политика, по мнению А.И. Миллера, проявляется в нескольких сферах, и методы её он предлагает разделить на пять групп [3, с. 17–19]. Во-первых, это создание специальных институтов, которые формируют и насаждают конкретные интерпретации истории. Во-вторых, это вмешательство власти в деятельность СМИ. В-третьих, избирательная работа с архивными документами. В-четвертых, создание мер контроля за профессиональными историками. И наконец, в-пятых, вмешательство в сферу исторического образования. Деление, конечно, условное, однако на региональном уровне стоит выделить ещё одну сферу проявления исторической политики – воздействие на музейную коммуникацию при предъявлении артефактов прошлого [5]. Региональный музей стоит рассматривать не только в качестве самостоятельного актора исторической политики, но и в роли проводника официальной позиции органов власти.

В качестве эмпирического материала для настоящего исследования послужил массовый опрос ($N=384$) жителей крупных городов и исторических поселений Ивановской области. Анкетирование проводилось в июле–августе 2019 г. в Иванове, Кинешме, Шуе и Палехе. Задачи указанного социологического исследования предполагали:

- выявление основных форм исторической памяти (региональные праздники, региональные памятники, музеи, бренды, места, интернет-пространство, образовательные программы, сообщества, события, персоны, коммеморативные практики);
- изучение роли региональных органов власти как основных акторов конструирования образа прошлого и настоящего (власть как спонсор, власть как заказчик, власть как партнер, власть как личный интерес);
- изучение практик других акторов конструирования образа региона (музейных работников, профессиональных объединений, ученых, журналистов и др.).

Результаты исследования

Для начала следует определиться с основными «игроками» на поле региональной исторической политики. С одной стороны, можно выявить акторов, которые очевидны большинству респондентов, но, с другой стороны, нельзя забывать и о скрытых от общественного сознания процессах и не столь явных агентах памяти.

Таблица 1

Источники информации об историческом прошлом региона, в % (n=384), множественный ответ

	Среднее по выборке %	Иваново	Шуя	Кинешма	Палех
Из кинофильмов и телепередач	32	35	45	28	21
Из учебной литературы	13	17	17	10	7
Из рассказов людей старшего поколения	49	40	24	52	76
Из мемуаров, художественной литературы	11	2	9	12	21
Из журналов и газет	30	24	21	48	26
Из музеев, выставок	37	32	40	33	45
Из специальной исторической литературы	13	11	16	8	18
Из интернет-источников	29	32	26	32	26
Из радиопередач	5	2	16	4	0
Из семейных архивов	6	3	4	12	7
Другое	1	2	0	0	2
Ниакими источниками не пользуюсь, так как не интересуюсь прошлым региона	7	7	10	10	0

Таблица 2

Источники информации среди различных возрастных групп об историческом прошлом региона, в % (n=384), множественный ответ

	15–23 года	24–36 лет	37–58 лет	59 лет и старше
Из кинофильмов и телепередач	23	23	34	40
Из учебной литературы	28	14	13	6
Из рассказов людей старшего поколения	62	45	43	46
Из мемуаров, художественной литературы	10	11	10	12
Из журналов и газет	9	30	29	41
Из музеев, выставок	41	28	29	48
Из специальной исторической литературы	8	16	15	13
Из интернет-источников	42	33	33	16
Из радиопередач	3	2	5	9
Из семейных архивов	6	9	3	9
Другое	0	0	2	1
Ниакими источниками не пользуюсь, так как не интересуюсь прошлым региона	5	11	9	5

Здесь нам важным кажется вопрос о каналах доставки исторической информации. Практически каждый второй респондент назвал среди источников информации об историческом прошлом региона рассказы людей старшего поколения, каждый третий получает историческое знание из медиапространства (сюда можно отнести разные виды СМИ и Интернет). Высока частотность упоминания музеев и выставок. Это отчасти подтверждение того, что значимое для людей предъявление артефактов прошлого происходит в рамках музейной коммуникации, и число тех, кто обращается к подобной форме интерпретации истории, достаточно велико (табл. 1).

При этом, если взглянуть на возрастной срез (табл. 2), то к музеям в качестве источников исторической информации активно обращается молодежь до 23 лет и люди старше 59 лет. Можно предположить, что для школьников и студентов важна интерактивная подача исторического материала, которую любой современный музей способен предложить, а для людей старше

поколения обращение к предметам прошлого – это возможность самим оценить историческое событие с учетом прожитых лет и знаний.

Практически в каждой возрастной группе, да и в целом по массиву данных, высока частотность упоминания людей старшего поколения в качестве источников исторической информации о региональном прошлом. Объяснить это только преемственностью поколений в передаче исторического знания нельзя. Скорее всего, это вопрос доверия. Несмотря на то что в массовом опросе нами не ставилась задача соотнести источники информации об истории со степенью доверия респондентов к ним, мы можем предположить, что стабильно высокая частотность упоминания людей старшего поколения как раз является подтверждением доверия к такому источнику. Кстати, к подобному выводу, только на материалах Пермского края, приходит и М.А. Красноборов. Исследователь, анализируя источники конструирования исторической памяти пермских школьников, как раз и просит

Таблица 3

Знание истории страны, Ивановской области и своего города, в % (n=384)

	Знаю хорошо	Знаю посредственно	Практически не знаю	Итого
История страны	35	63	2	100
История Ивановской области	14	72	14	100
История города / пгт	30	62	8	100

соотнести разного рода источники информации со степенью доверия к ним. М.А. Красноборов приходит к выводу, что «доверие к источнику исторических представлений тем выше, чем сложнее его контролировать государству», и добавляет, что «респонденты, пользующиеся работами профессиональных историков, семейными рассказами и интернет-изданиями, доверяют этим источникам чаще, чем респонденты, пользующиеся телевидением, кинематографом и школьными уроками» [6, с. 491]. Стоит согласиться с мыслью исследователя и о том, что органам власти удобнее влиять на СМИ в вопросах трансляции конкретного исторического нарратива, нежели пытаться навязывать что-то через Интернет, не говоря уже о семейных рассказах и историях.

Отдельная и, возможно, самая значимая сфера, где на региональном уровне проявляет себя историческая политика, – это образование. Речь идет не только о содержании всякого рода элективных курсов по истории региона в школах или вузах, но и о преподавании соответствующих дисциплин.

В 2012 г. Ассоциация учителей истории и обществознания подготовила обращение к Президенту России с вопросом о создании общей модели регионального компонента, единой линии учебников и учебных пособий по региональной истории. Минобрнауки России осуществило анализ существующих учебных пособий, провело опрос учителей, организовало процедуру отбора учебных материалов по истории и разработало концепцию инновационной модели преподавания регионального (этнокультурного) компонента и истории регионов в контексте истории России. Был предложен принцип культурно-исторической спирали, когда школьники сначала должны были знакомиться с историей родного края в границах их повседневного опыта, а затем охватывать всё большие территории региона и вписывать их в историю страны, а далее во всеобщую историю. В 2013 г. с появлением Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории было зафиксировано многоуровневое представление истории. В документе отмечалось, что «курс отечественной истории должен сочетать историю Российского государства и населяющих его народов, историю регионов и локальную историю (прошлое родного города, села). Такой

подход будет способствовать осознанию школьниками своей социальной идентичности в широком спектре – как граждан своей страны, жителей своего края, города, представителей определенной этносоциальной и религиозной общности» [7, с. 5]. Методической работой в этом направлении в регионах стали заниматься институты развития образования с привлечением вузовской общественности. При этом представители академического сообщества не раз обращали внимание на то, что «региональный компонент на уроках истории и обществознания присутствует фрагментарно» [8, с. 33], несмотря на его формальное закрепление в новом учебно-методическом комплексе еще пять лет назад. Причин этого, на наш взгляд, несколько. С одной стороны, имеет место методическая недоработка: учителя истории не всегда знают, как логичнее «встроить» локальное событие в общероссийскую историю; кроме того, на региональном уровне чаще всего отсутствуют учебные пособия по краеведению. С другой стороны, модульность регионального компонента по истории на практике вполне могла превратиться в его необязательность. Подготовка выпускника школы – это его подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Все усилия затрачиваются именно на это. На изучение вопросов региональной и локальной истории совершенно не остается времени, тем более что ЕГЭ пока не предусматривает блока вопросов или ситуаций по региональной истории. Отсюда и слабое знание местной истории. Многие респонденты оценивают собственные знания об истории региона как «посредственные» (табл. 3).

Тем не менее интерес к региональной истории есть, как есть и потребность обсуждать исторические темы. Это тоже важная задача исторической политики. Она как раз и состоит в том, чтобы поддерживать в обществе интерес к истории и подталкивать к дискуссии. В ходе опроса выяснилось, что каждого второго респондента в качестве темы интересуют быт, обычай и традиции населения региона, каждого третьего – достижения в искусстве и архитектуре. Сорок процентов опрошенных выбрали в качестве ответа значимых для региона людей. Речь о гениях места и просто о тех, кем гордится и кого помнит, чтит сообщество. Без героя прошлого невозможно осознание настоящего и конструирование будущего. Но остается ли перечень этих значимых людей для региона неизменным? Конечно, нет.

Как Вы полагаете, кто должен принимать активное участие в деле сохранения или возрождения исторической региональной памяти?, в % (n=384), вопрос множественный.

Представлен возрастной срез и среднее по выборке значение

	Среднее значение, %	15–23 года	24–36 лет	37–58 лет	59 лет и старше
Население региона	47	50	50	39	53
Органы региональной и муниципальной власти	58	56	48	62	61
Профессиональные историки	34	25	45	28	39
Средства массовой информации	35	33	30	36	39
Политические партии	7	6	6	5	10
Общественные историко-культурные организации	46	48	53	44	44
Учреждения культуры (музеи, библиотеки, театры и пр.)	53	62	69	41	52
Образовательные учреждения	29	39	37	31	20
Религиозные организации	4	0	2	6	9
Другое	2	0	2	3	3

Здесь опять зададимся вопросом об акторах и агентах памяти. Почему одни люди считаются значимыми для региона, а другие нет? Или почему кого-то считали значимой фигурой 30 лет назад, а теперь не считают? Это вопрос выбора самого сообщества, с одной стороны, и сознательного отбора со стороны власти – с другой. О выборе речь идет в социальном контексте, когда сообщество само определяет значимость и масштаб фигуры для локуса или региона. А вот сознательный отбор – это формирование определенного отношения к конкретной фигуре, а значит, и оценка её деятельности, соответствие требованиям времени и идеологии.

Анализируя различные восточноевропейские кейсы, А.И. Миллер констатирует, что «попытки политиков вторгнуться в сферу преподавания и общественного функционирования истории не встречают достаточно сильного сопротивления» [3, с. 15]. Мы, в свою очередь, можем признать, что на уровне среднестатистического российского региона локальные сообщества не то чтобы сопротивляются, а даже, наоборот, поощряют подобные попытки, считая, что региональная история, её сохранение и возрождение – это задача институтов власти. В таблице 4 представлены множественные ответы на вопрос о том, кто должен принимать активное участие в сохранении и возрождении региональной исторической памяти. В 58% ответов респонденты выбрали органы власти. Опрошенные называли учреждения культуры (53%), средства массовой информации (35%), образовательные учреждения (29%). Правда, здесь следует учитывать, что на региональном уровне и учреждения культуры, и образовательные учреждения финансируются из местных бюджетов, а значит, они могут являться проводниками политики учредителей, то есть власти региона.

Одной из задач исторической политики являются создание конкурирующих дискурсов истории, их обсуждение в обществе и выбор, поддержка политически оправданного дискурса в конкретный период времени. Наличие нескольких конкурирующих дискурсов дает власти возможность для маневрирования в случае изменения политической конъюнктуры. Все это накладывает определенный отпечаток на формы проявления интереса к региональной истории представителями сообщества. Неслучайно в проведенном нами опросе большое количество респондентов призналось, что обсуждает исторические события с родственниками и друзьями. В таблице 5 приведены варианты ответов к множественному вопросу о формах проявления интереса к региональной истории. 43% опрошенных заявили, что смотрят передачи на исторические темы, 41% посещает музеи и выставки, 45% обсуждают исторические темы с родственниками и друзьями, фактически каждый четвертый ищет информацию по региональной истории в Интернете. Четкая взаимосвязь медиадискурса и попыток его обсуждения и верификации, на наш взгляд, достаточно хорошо прослеживается.

Заключение

Проведенное нами исследование в первом приближении позволило прежде всего определить каналы доставки исторической информации. Это средства массовой информации (печать, телевидение и Интернет), образовательная и социокультурная среда (музеи, школы, вузы), рассказы старшего поколения об истории региона. В большей степени на региональном уровне под влияние поля власти попадают СМИ и учреждения образования, музеи. В меньшей

Таблица 5

**Формы проявления интереса к региональной истории, в % (n=384), вопрос множественный
(представлен географический срез и средний по выборке показатель)**

	Среднее	Иваново	Шуя	Кинешма	Палех
Обсуждаю исторические события с родственниками и друзьями	45	38	45	47	50
Участвую в историко-краеведческих исследованиях/собраниях	4	0	5	4	8
Смотрю передачи на исторические темы	43	40	44	51	36
Читаю научную литературу по истории региона/города	15	8	15	16	20
Интересуюсь полемикой (спорами) на исторические темы	9	10	6	7	15
Посещаю музеи, выставки, исторические памятники	41	28	47	33	56
Ищу информацию по региональной истории в интернет-пространстве	24	26	21	15	34
Занимаюсь профессионально историческими исследованиями, региональной историей	2	2	2	1	1
Участвую в исторических фестивалях, праздниках, реконструкциях	3	1	7	2	1
Участвую в деятельности исторических клубов, центров	2	0	5	0	3
Слушаю лекции краеведов, ученых	10	4	7	10	19
Другое	1	0	0	1	3
Ни в чем из перечисленного не участвую	13	23	7	17	5

степени – Интернет и семейные истории о прошлом региона. Агентами памяти и акторами исторической политики, таким образом, могут выступать органы власти и отдельные политики, музейное сообщество, педагогическая и вузовская общественность, общественные организации и само региональное сообщество. По крайней мере, именно такой срез общественно-го сознания мы зафиксировали сразу в нескольких множественных ответах.

Тематическая категоризация исторической политики также прослеживается в отношении регионального сообщества к прошлому территории. Интерес у населения вызывают темы, связанные со знаменитыми земляками и историческими деятелями, бытом и традициями общества, а также достижениями в искусстве и архитектуре. На этих «трех китах» чаще всего и основан местный патриотизм, чувство принадлежности к территории и сообществу. Именно эта тематическая направленность задает паттерны звучания регионального исторического дискурса.

Сам исторический дискурс региона не является константой. Нарративы о прошлом могут меняться на протяжении времени и в соответствии с требованиями как власти, так и самого локального сообщества. Задача исторической политики состоит в том, чтобы создавать и продвигать конкурирующие дискурсы истории. Их обсуждение может происходить в самых разных формах. Но очень условная схема продвижения конкурирующих интерпретаций истории может

выглядеть так: предложенный нарратив и его интерпретация – трансляция и закрепление дискурса в СМИ – обсуждение в сообществе – выбор или отбор – принятие или отклонение.

Конкуренция исторических дискурсов, наличие, как минимум, нескольких точек зрения на прошлое региона или отдельных событий в истории сообщества – это возможность для власти совершить маневр в случае изменения политической конъюнктуры или для электоральных целей.

Осознание первостепенной роли власти в вопросах сохранения и возрождения исторической памяти является для массового сознания вполне нормальным явлением. Несмотря на то что сами жители региона отводят себе важную роль в формировании исторического дискурса, все же большинство делегирует эти функции органам власти и учреждениям образования и культуры. С точки зрения населения, общественное функционирование истории должно быть регламентировано и подчинено высшей цели. Общее прошлое сообщества принадлежит всему обществу, и кто-то за него в ответе. Передача этих полномочий органам власти и профессиональному сообществу историков выглядит вполне оправданно, хотя и деятельность общественных организаций на поле региональной истории также фиксируется в массовом сознании.

Отдельная и важная сфера – образование. За последние пять лет, несмотря на утверждение историко-культурного стандарта, заметных движек в преподавании региональной истории

не произошло. Уровень знания местной истории остается низким. Основная проблема здесь – организационно-методическая. Не во всех регионах есть специализированные учебные пособия по краеведению, не везде осуществляется заявленное в стандарте многоуровневое представление истории. Нацеленность на высокие результаты ЕГЭ, которым не предусмотрены вопросы по истории региона, породила слабую мотивацию педагогов подробно разрабатывать и изучать темы местной истории, вписывать их в более широкий исторический контекст. Однако стоит отметить, что в малых городах уровень знания локальной истории всегда выше. За это знание отвечает не только школа, но и само общество, границы которого постоянно заставляют выявлять и подчеркивать уникальность локуса, конструируя идентичность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32123 «Историческая политика в регионах России: от интерпретации прошлого к конструированию будущего».

Список литературы

1. «История подвержена манипуляциям». Россия столетиями переписывала свое прошлое. Что в нем пытались скрыть? // Lenta.ru от 23.09.2019. Режим доступа:

доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/09/23/ugra/> (дата обращения: 04.09.2019).

2. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Автoreф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 26 с.

3. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

4. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158.

5. Докучаев Д.С. Музеефикация региона, или Какие истории нужны локальным сообществам // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2014. № 5. С. 62–66.

6. Красноборов М.А. Источники конструирования исторической памяти пермских школьников (по материалам социологического исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 486–496.

7. Проект Концепции нового УМК по отечественной истории. Режим доступа: www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf (дата обращения: 04.09.2019).

8. Харитонова Л.А., Страхова Н.В. Преподавание регионального компонента при изучении истории и обществознания: Учебное пособие. Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2018. 38 с.

SOCIAL DIMENSION OF HISTORICAL POLITICS AT THE REGIONAL LEVEL (THE CASE OF THE IVANOVO REGION)

D.S. Dokuchaev

Ivanovo State University

Regional historical politics is an extremely important and interesting phenomenon in terms of research. It should be considered as a special case of politics of memory and as a combination of regional practices used by various actors for purposes of the controlled transformation of the image of the past. On the one hand, when history is used at the level of a region, it is included into the image politics of this territory (among other things, for purposes of promoting it at the federal level, and tourism development). On the other hand, local history (as well as its interpretations) is used in the process of regional identification.

The purpose of this research is to attempt to identify, in terms of social dimension, the key principles of interpreting history of a region for political purposes, and to understand how historical politics is established in collective consciousness. The author uses the data of a mass survey (sample of 384 people) of dwellers of large cities and historical settlements of the Ivanovo region. The questionnaire poll was organized in July–August 2019 in Ivanovo, Kineshma, Shuya, and Palekh. The research gives the opportunity to define the channels of transmitting historical information, and to define the key participants of this process in terms of collective consciousness.

Keywords: historical politics, regionalism, political regional science, politics of memory, history of a region, regional discourse.

УДК 316.356.2

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ПОЖИЛОЙ СЕМЬИ

© 2020 г.

К.Д. Барашкова

Барашкова Клавдия Дмитриевна, старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом Северо-Восточного федерального университета, Якутск
bardka@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 21.10.2019
Статья принята к публикации 14.02.2020*

Увеличение количества пожилых людей в общей численности населения российского общества – это результат длительных демографических изменений. Учет перспектив дальнейшего развития и последствий демографического старения – важнейшая задача демографической политики. Пожилая семья – это зрелая супружеская диада, которая живет со своими детьми или самостоятельно. Это период, когда супруги завершают трудовую деятельность и выходят на заслуженный отдых. Появляются условия для решения проблем в жизни семьи, когда пожилая семья должна адаптироваться к новым условиям, это относится и к смене образа жизни, социального статуса, социальной среды. Этот период характерен для некоторых семей повышением трудовой деятельности и дома, и в социуме (рождение внуков, помочь в их воспитании, участие в общественной работе), а для других – забвением и самореализацией в обретенном микросоциуме в основном из своих старых знакомых и друзей. Представлены результаты исследования поведенческих и ценностных установок пожилых семей на материалах Республики Саха (Якутия), проведенного в 2018–2019 гг.

Ключевые слова: институт семьи, пожилая семья, брачные отношения, пожилой возраст, семейные ценности.

Введение

Геронтологи и социологи отмечают, что старость в современном обществе означает неизбежное понижение социального, экономического и профессионального статуса, что, в свою очередь, связано с невозможностью продолжения экономической активности с прежней социальной мобильностью. Так, уход с рынка труда в связи с выходом на пенсию приводит к одновременному снижению всех параметров в системе профессиональной стратификации [1].

Е.А. Здравомыслова и Н.М. Божко говорят о том, что изучение характеристик и задач пожилого возраста позволяет описать наиболее существенные социально-психологические особенности успешно адаптированных людей старшего возраста [2, с. 57]. Исследователи опираются на то, что для старости характерно не только увядание, но и развитие. В этот период жизни пожилые люди освобождаются от нагрузок, связанных с задачами воспитания детей и занятости. Люди в пожилом возрасте выполнили свой долг, которому посвятили предшествующие годы: дети выросли, стали самостоятельными и покинули родительскую семью. С другой стороны, выйдя на пенсию, они получают хоть и небольшой, но устойчивый доход. И в сочетании с удовлетворительными материальными условиями и хорошим физическим и психическим здоровьем пожилых людей появляются богатые возможности самореализации и

насыщенной интересной жизни. Это период, когда люди обладая возможностями и физическими силами могут заниматься активным досугом. Огромный пережитой опыт и знания являются культурным капиталом, который позволяет пожилым людям реализовывать себя, формировать новые отношения [2].

Современные социологические исследования пожилых семей относятся к самым разным научным направлениям. Так, Д.В. Латышев анализирует потенциал пожилой семьи в аспекте институциональных отношений и взаимодействий на микроуровне [3, с. 6].

Исходя из проведенного нами анализа научных исследований, можем утверждать, что пожилая семья является уникальным по своему содержанию социальным институтом, выполняющим взаимодействие между интересами общества и личности. Основой благополучия пожилой семьи являются семейные ценности и устои, которые складывались на протяжении всей семейной жизни.

Следует отметить, что семья и семейные ценности оказываются особенностями для каждого времени, но всегда неизменными в системе общечеловеческих ценностей. В семье происходит усвоение культурных, социальных, нравственных ценностей. Интересно, что семья одновременно является группой, которая передает ценности, и группой, в которой формируются ценности. Семья находится в постоянном движении, изменяясь под воздействием внешней сре-

ды, при этом сохраняя динамическую структуру [4].

В системе приоритетов современного человека семья есть та сфера, в которой удовлетворяются его потребности в воплощении своих потенциальных возможностей, признании, самореализации, общении. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, ценности – это не вещь, не явления, взятые сами по себе, без отношения к человеку. Ценности – это вещи, обращенные к человеку с точки зрения их значимости для него. При всей социальной объективности существования ценности семьи имеют субъективное значение для каждого индивида [5, с. 150].

Наше современное время формирует личность, ориентированную на индивидуальность, автономность в поведении, желающую комфортной жизни и при этом старающуюся сохранить традиционное ценностное отношение к семье, ориентируя человека на семейный уклад жизни.

Э.Е. Чеканова объектом своего исследования выделяет процессы социального конструирования старости на современном этапе развития общества [6, с. 11]. Базисом ценностного отношения к семье являются предоставляемые ею специфические особенности, чтобы удовлетворить целый комплекс личностных потребностей разного уровня. В классификации П.В. Симонова к таковым относятся естественные потребности, потребности в общении, в установлении прочных коммуникативных связей, в принадлежности к социальной группе, потребность быть объектом уважения, духовные потребности [7, с. 147].

В научных исследованиях часто упоминаются важные функции семьи: создание «психологического убежища», удовлетворение потребности в чувстве безопасности, ощущении ценности и значимости своего личностного «Я», удовлетворение ролевых потребностей в отцовстве, материнстве, в воспитании детей, создание условий для полноценного развития всех членов семьи.

Результаты исследования

Приведем результаты социологического исследования, проведенного методом нарративного интервью, имеющего целью определение поведенческих и ценностных установок пожилых семей Якутии. Исследованием были охвачены пожилые семьи, совместно прожившие 50 и более лет в одних брачных отношениях (по нашему определению).

Объектом исследования явились пожилые семьи, проживающие в Республике Саха (Якутия), в городах Якутск, Среднеколымск и 19 улусах (районах). Общее количество интервьюируемых – 46 пожилых респондентов (23 семьи).

Интервью проводилось нами с ноября 2018 г. по февраль 2019 г. Трудность исследования состояла в определении репрезентативной выборки, так как и сами пожилые семьи и их количество не являются объектом сбора статистической информации. Для уточнения общего количества пожилых семей, совместно проживших 50 и более лет, был сделан запрос у руководителей управлений ЗАГС муниципальных округов и улусов (районов) республики сплошным методом. В результате, по состоянию на февраль 2019 г., было выявлено 211 пожилых семей в 15 районах республики (из 35 районов и муниципальных округов республики, по остальным районам при многократном запросе ответов не поступило).

При анализе полученных данных решалась, в том числе, задача выявления ценностных и поведенческих установок пожилых семей, их связи с устойчивостью и долголетием семьи в рассматриваемом нами контексте.

Из 23 семейных пар 9 пожилых семейных пар проживают в городах республики – в Якутске и Среднеколымске (39.2%), 14 семейных пожилых пар (60.8%) проживают в сельской местности, из них в Чурапчинском улусе – 4 семьи, в Момском районе – 5 семей, в Усть-Алданском районе – 1 семья, в Таттинском улусе – 1 семья, в селе Тулагино Городского округа «город Якутск» – 3 семьи.

Хотя в городах Якутск и Среднеколымск постоянно проживают всего 4 семьи (17.3%), а в сельской местности 19 семей (82.6%), почти половина сельских пожилых семей на зимний период переезжает в город к детям и внукам на «зимовку» (обычно с ноября по март–апрель). Зимние якутские холодные месяцы требуют больше усилий по ведению домашнего хозяйства: заготовка дров, льда для питьевой воды, отопление печей для тепла в домах. Порой физических сил у пожилых людей на все это не хватает.

Так как в выборку входят пожилые семьи, прожившие совместно 50 и более лет, представляет интерес возраст супружев. Возраст мужей-респондентов составляет от 71 года до 96 лет. У жен преобладает возраст 69–75 лет, самой старшей из респонденток исполнилось 89 лет.

Все 100% респондентов состоят в единственных брачных отношениях, что вполне традиционно в семейных отношениях послевоенного поколения. Итак, семейный стаж пожилых семей составляет от 50 лет до 66 лет совместной жизни.

Все пожилые семьи имеют детей: две семьи имеют по одному ребенку, у двух семей по два ребенка, у 6 пожилых семей по трое детей, в двух семьях по четыре ребенка, три семьи име-

ют по пять детей, 4 семьи – 6 детей. Наибольшее количество детей имеет одна семья – 8 детей. Для якутских семей характерно воспитание детей родственников, усыновление и удочерение. Одна пожилая семья, не имея возможности по состоянию здоровья иметь своих детей, взяла на воспитание двоих детей.

В качестве основополагающей ценности у всех пожилых семей выявилось отношение к браку как к обязательному условию для создания семьи. Каждая исследуемая семейная пара в добрачных отношениях стремилась узаконить отношения и создать общий быт, реализуя традиционные семейные ценности своего поколения.

Первопричиной создания семьи, по утверждению наших респондентов, была «любовь» (так ответили в два раза больше женщин, чем мужчин). Прозвучали ответы, что «создание семьи является предназначением человека» (такого мнения придерживались в основном мужья). При создании семьи ни одна из семейных пар не думала о будущем своей семьи, не планировала ничего конкретного относительно местности проживания и количества желаемых детей. При беседе с пожилыми супругами выявились несколько иные интерпретации самого понятия «любви» как причины создания семьи. Большинство пожилых супругов говорило, что во времена их молодости понятие «любовь» не применялось в отношениях между мужчинами и женщинами, а отождествлялось со «взаимной симпатией», «доброжелательным отношением мужчины к женщине и наоборот». Это можно объяснить с точки зрения якутской культуры, в которой слово «любовь» было завуалировано и напрямую не проговаривалось. Одна респондентка призналась, что ей и ее мужу даже было неудобно отвечать на некоторые наши вопросы о любви и личных отношениях с супругом.

Используемый нами нарративный метод исследования позволил определить, что любовь не всегда была первопричиной создания семьи. Так, некоторые жены в своих жизнеописаниях проговаривали то, что «надо выйти замуж», а респонденты-мужья к определенному возрасту начинали понимать, что «создание семьи является предназначением человека», «пришла пора создавать семью». Во всех пожилых семьях мнения супругов разделились. Жены причиной создания семьи называли «любовь», это признала половина мужей, а другие мужья ответили, что «на жизнь смотрели одинаково (с будущей супругой), были схожие судьбы».

Большинство респондентов (80%) до создания семьи сформировало свои ценностные представления о семейной жизни по опыту роди-

телей, старших братьев и сестер. Отметим, что респонденты – представители послевоенного поколения; у многих из них не было отцов, семьи старших сестер и братьев жили отдельно, а зачастую в других поселениях, поэтому у некоторых пожилых семей, обследованных нами, «не было особых представлений о семейной жизни».

На вопрос интервью о том, что означало для них создание семьи в тот период, большинство пожилых семей отвечали «родить детей, продолжить свой род», «счастливо прожить семейной жизнью», «стать отцом и матерью семьи», «завести самостоятельное хозяйство». Респондентами было высказано и такое мнение: «иметь семью – быть как все».

При исследовании пожилых семей мы имели уникальную возможность узнать у респондентов, каким образом сложились их семейные судьбы и сбылись ли их представления о семейной жизни, сформировавшиеся в молодости.

Практически все (39 респондентов из 46) ответили, что «да, все оказалось так, как я себе представлял/представляла». «Представления сбылись частично» только у троих респондентов, и еще у троих – «нет, все оказалось по-другому». Отметим, что один респондент не решился ответить на данный вопрос. То есть у большинства семей представления совпали с реальной семейной жизнью.

Поведенческие установки исследуемых пожилых семей, на наш взгляд, являются особенно интересными, с точки зрения их супружеского долголетия. Так, выявилось, что главное в семейных отношениях – «забота о детях, воспитать и вырастить их достойными людьми», «поддерживать хорошие взаимоотношения с супругом, супругой, жить его/ее интересами в жизни и в работе». В большинстве исследуемых пожилых семей мужья сделали успешную профессиональную и экономическую карьеру, обеспечивали семью всем необходимым, а жены сознательно не занимались профессиональной карьерой, посвятив себя профессиональному становлению мужа и воспитанию детей. В одной пожилой семье супруги рассказали о ситуации, которая сильно повлияла на решение жены о получении высшего образования. Она заключалась во встрече с соседкой, известной и успешной в профессиональной карьере и достигшей высот в политической сфере. Соседка, узнав, что наша респондентка собирается подавать документы в медицинский вуз, сказала, что ей самой карьера сломала ее семейную жизнь, сделав ее и мужа несчастными как родителей двух взрослых сыновей. И в результате, обсудив с мужем эту встречу и мнение соседки, решение

о поступлении в вуз было отменено. И в последующей семейной жизни жена занималась преимущественно своей семьей и детьми и поддержкой мужа в его карьере.

Прозвучали ответы о том, что одинаково важными являются и хорошие взаимоотношения между супругами, и забота о детях, и взаимопонимание с родственниками, «всем помогать и поддерживать».

Главами семей у респондентов являются как муж, так и жена. Абсолютно патриархального или матриархального отношения к своей роли нами выявлено не было. Но практически все мужья были согласны с тем, что именно жены держали в своих руках домашнее хозяйство, занимались воспитанием детей. Мужья отвечали, что отдают зарплату женам и в большинстве случаев жены распределяют бюджет самостоятельно. И именно жены определяли главную стратегию семейной жизни.

Воспитание детей являлось главной ответственностью жен. Но больше половины (70%) респондентов ответили, что воспитанием занимались оба родителя. В двух семьях воспитанием внуков занимались в основном бабушки и дедушки, и в одной семье детей воспитывали близкие родственники супругов.

Дети пожилых семей в ходе интервью отмечали, что отцы были добрыми, «мягкими», никогда не ругали своих детей, не наказывали, а матери, наоборот, обладали более строгим отношением к воспитанию своих детей. Одна из дочерей пожилой семьи отметила, что «никогда не было такого, чтобы отец наказывал, ругал нас. Наоборот, отец всегда баловал. Играли с нами наравне».

Нам было интересно узнать, менялись ли роли в течение семейной жизни супруги (например, муж смотрел за детьми, занимался домашним хозяйством, а жена зарабатывала). Выяснилось, что были ситуации, когда в некоторых семьях, несмотря на свою занятость, мужья занимались самостоятельно воспитанием своих детей, вели домашнее хозяйство; а жены работали, зарабатывали деньги и обеспечивали свою семью.

В каждой пожилой семье совместно принимают важные решения; только одна семья ответила, что важные решения принимает муж. Большинство пожилых супружеских пар (85%) не испытывает трудностей при выполнении родительских функций. Но тем не менее часть пожилых семей сталкивалась с некоторыми проблемами в воспитании детей.

Супруги в равной мере старались уделять внимание общественной жизни своих детей. Вместе или по отдельности родители обязательно и постоянно посещали родительские со-

брания, участвовали в школьных мероприятиях, поддерживали детей на соревнованиях, различных школьных конкурсах.

Пожилые родители до сих пор стараются помогать своим детям, внукам и уже даже правнукам в силу материальных сложностей более молодых семей и в силу традиционных устоев. Ни одна пожилая семья не выбирала варианты «Нет, нам самим нужна помощь», «Нет, не помогаем, хотя можем позволить себе». В первую очередь родители думают и заботятся о своих детях. Помощь выражается в денежной поддержке (например, на оплату ипотечного кредита), в передаче продуктов (мясомолочные продукты, овощи, рыба); отцы помогают сыновьям и зятьям в строительстве частного дома.

К внукам и правнукам бабушки и дедушки подходят более дифференцированно, то есть стараются распределять свою помощь по разным видам и по очередности («игрушки», «школьные принадлежности», «одежда», «на обучение»). Ни один респондент не ответил, что не помогает.

Пожилые семьи оказались достаточно самостоятельными в быту, так как почти все семьи живут своим домохозяйством. Из ответов мы видим, что только две семьи проживают совместно с семьями своих детей. И все респонденты поддерживают близкие отношения со своими детьми. Дети, внуки проявляют постоянную заботу о своих пожилых родителях, бабушках, дедушках и стараются оказывать им помощь. В основном это помощь по домашнему хозяйству, покупка продуктов, лекарств, помощь в оформлении документов в учреждениях. Дети, внуки стараются ежедневно по очереди посещать своих родителей, бабушек и дедушек. Внуки-школьники почти каждый день забегают к бабушкам и дедушкам на обед, сделать домашнее задание. Пожилые семьи довольны тем, как сложилась жизнь их детей. В интервью было выяснено, что часть родителей предпочитает особенно не вмешиваться в жизнь детей; они уже довольны тем, что дети получили образование, имеют профессию, семью, детей. Большинство пожилых семей ответили, что хорошо воспитали своих детей, отмечая, что дети получили образование, работают, завели свои семьи, родили им внуков и правнуку.

В каждой семье есть свои принципы и видение будущего своей семьи. Вопрос «Каких моральных принципов в семье вы придерживаитесь как жизненной стратегии?» выявил следующие ответы респондентов: дисциплина в семье, уважение друг к другу и к детям, быть во всем честным и справедливым, воспитывать детей как друзей и партнеров, быть трудолюби-

выми, понимать друг друга, быть верными и любить друг друга, решать конфликты совместно, жить без обмана, быть порядочными.

На вопрос «Считаете ли вы, что именно такой видели свою семейную жизнь?» супруги ответили «да, именно такой», «настоящая семейная жизнь оказалась еще лучше, живем вместе 57 лет», «да, у нас счастливая семейная жизнь», «да, но хотелось бы, чтобы дети жили с нами в одном селе», «да, мы прожили достойно», «не было определенной «программы» семейной жизни, но считаем, что да».

В ходе глубинного интервью выяснились переживания супружеских пар по утерянным возможностям. Так, на вопрос «Что бы вы хотели изменить в вашей семейной жизни, что поменяли бы» нами получены следующие ответы: две семьи жалеют, что жены не получили высшего образования; в одной – что супруга много занималась только семьей и воспитанием детей. Одна пожилая семья ответила, что надо было больше уделять внимания своему здоровью. Был и такой ответ: немного сожалеем, что родили мало детей, так как помешала профессиональная деятельность, но в целом считаем свою семейную жизнь «прожитой достойно, вырастили хороших детей, внуков». Одна пожилая семья, видимо о чем-то сожалея, ответила «Чтобы менять поздно». Но большинство семей ответило, что ничего не хотели бы изменить в своей семейной жизни.

Выводы

В проведенном нами исследовании мы выявили и проанализировали поведенческие и ценностные установки пожилых семей Республики Саха (Якутия), способствующие укреплению долголетних семейных отношений: любовь и доверие друг к другу, крепкие межродственные связи, взаимоуважение, взаимопонимание и доверие, терпение по отношению к друг другу, любовь к детям, внукам, правнукам, верность, универсальные ценности, умение уступать друг другу, иметь семейные традиции.

Актуальность изучения образа жизни пожилых семей прежде всего связана с происходящим в мире и в нашей стране изменением условий жизнедеятельности членов общества, которое влечет за собой изменение и способов организации пожилыми семьями своей жизнедеятельности, образа жизни.

Акцентируя внимание на жизненном мире пожилой семьи, мы выделяем следующие основные признаки: семейные ценности, мотивы вступления в брак, критерии выбора брачного партнера, возрастное соответствие супружеского,

уровень образования, семейные роли, семейная мобильность, здоровье и экономика семьи, социальная поддержка семьи, отношение к детности.

Семейные ценности пожилых семей традиционны – это воспитание детей, согласно моральным ценностям общества и нравственности, получение ими образования, профессии, создание ими своих семей.

Список литературы

- Гаунова И.Б., Рымарь О.С., Шоранова З.В. Динамика ценностей семьи в структуре социальных ценностей современной семьи // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (часть 1). URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18169> (дата обращения: 18.10.2019).
- Здравомыслова Е.А., Божко Н.М. Вызовы третьего возраста и задачи образовательных практик // Сборник статей, лекций, методических и аналитических материалов «Добровольцы – старшему поколению»: В 3 т. / Под общ. ред. В.А. Лукьянова и С.Р. Михайловой. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. Т. 2: Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев. С. 56–57.
- Латышев Д.В. Социальная идентификация пожилой семьи в современном российском контексте: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов: Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, 2007. 20 с. URL: <https://www.disscat.com/content/sotsialnaya-identifikatsiya-pozhiloj-semi-v-sovremennom-rossiiskom-kontekste> (дата обращения: 18.10.2019).
- Митряшкина Н.В. Ценности отношения в семье как объект психологического анализа // Журнал практической психологии и психоанализа. 2015. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/cennostnye-otnosheniya-v-seme-kak-obekt-psihologicheskogo-analiza> (дата обращения: 19.10.2019).
- Курапова И.А., Дикая Л.Г. Отражение современной действительности в нравственно-духовной сфере и психическом состоянии педагогов // Психология человека в современном мире. Т. 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 149–154.
- Чеканова Э.Е. Социальное конструирование старости в современном обществе: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов: Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, 2005. 35 с. URL: <https://www.disscat.com/content/sotsialnoe-konstruirovaniye-starosti-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 18.10.2019).
- Чеканова Э.Е. К вопросу о разработке классификации потребностей в российской научной традиции // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 143–150.

BEHAVIORAL AND VALUE ATTITUDES OF ELDERLY FAMILIES***K.D. Barashkova***

North-East Federal University, Yakutsk

The increase in the share of elderly people in the total population is the result of long demographic changes, shifts in the nature of population reproduction, fertility, mortality, their ratio, and, partially, migration. Taking into account the trends and consequences of demographic aging is one of the most important tasks of any country's demographic policy.

An elderly family is a mature matrimonial dyad, living with their children or on their own. This is the period when spouses usually retire. There are a number of objective conditions for solving certain problems in family life, when an elderly family must adapt to new conditions, this also applies to a change in lifestyle, social status, mode of work and social environment. This period is characterized for some families by the intensification of labor activity, both at home and in society (taking care of grandchildren and participation in their lives, participation in public work), and for others – by oblivion and self-realization in the acquired microenvironment mainly consisting of their old acquaintances and friends. The article presents the results of a study of the behavioral and value attitudes of elderly families based on the materials from the Republic of Sakha (Yakutia) conducted in 2018–2019.

Keywords: institution of the family, elderly family, marriage, old age, family values.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 51:371.383

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ НЕПРОФИЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МАТЕМАТИКЕ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

© 2020 г.

Е.Ю. Бельдягина, М.А. Родионов, Л.А. Купришина

Бельдягина Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры высшей и прикладной математики
Политехнического института Пензенского государственного университета
belkarpnzpgy@mail.ru

Родионов Михаил Алексеевич, д.пед.н., проф.; заведующий кафедрой информатики
и методики обучения информатике и математике Педагогического института им. В.Г. Белинского
Пензенского государственного университета
do7tor@mail.ru

Купришина Лилия Александровна, к.пед.н.; доцент кафедры высшей и прикладной математики
Политехнического института Пензенского государственного университета
liliya_sl@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 01.12.2019
Статья принята к публикации 04.02.2020*

Рассматривается технология обучения математике студентов вузов на основе продуктивного диалогового взаимодействия. Раскрываются различные пути использования программных средств образовательного назначения при организации диалогового взаимодействия на занятиях по математике. Показывается, что рассматриваемый подход в существенной мере способствует повышению качества предметных знаний, формированию устойчивой учебной мотивации, развитию профессионально значимых умений и навыков. Подробно исследуется процесс организации диалогового взаимодействия студентов при обучении математике в контексте авторской типологии ситуаций. Особое внимание уделяется требованиям к организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике, которые положены в основу разработки соответствующей методики.

Ключевые слова: обучение математике, организация диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике, использование программных средств образовательного назначения, развитие учебной мотивации студентов.

Введение

Как известно, современная парадигма отечественного образования опирается на приоритет таких форм и методов обучения, при которых способы решения учебно-познавательных задач открываются самими студентами в ходе совместной и индивидуальной поисковой деятельности. Успешное применение данных способов позволяет обучаемым воспринимать их как собственное «интеллектуальное достояние», а поиск и приобретение подобного рода интеллектуальных ценностей становятся внутренней потребностью личности.

В соответствии с деятельностным подходом, содержание учебного материала по математике должно усваиваться студентами в процессе их

собственной учебной деятельности. От того, какова эта деятельность, из каких частей (отдельных учебных действий) она состоит, как эти части между собой соотносятся, то есть какова структура учебной деятельности, во многом зависит результат обучения, его развивающая и воспитывающая роль [1–3].

В организации учебной деятельности особую роль играет учебный диалог, позволяющий студентам относительно самостоятельно сформулировать основную учебную задачу, которая должна быть решена в процессе изучения данной темы (раздела) программы. При этом учебный диалог может стать одним из основных средств развития учебной мотивации студентов, повышая потенциальную возможность получения новых результатов их совместного поиска

при рассмотрении того или иного фрагмента математического содержания. Знания же, усвоенные таким образом, становятся личностным достоянием студентов, они лучше запоминаются и легко актуализируются.

Существенную поддержку организации продуктивного учебного диалога на занятиях по математике в вузе может оказать целесообразное использование информационно-коммуникационных технологий, позволяющее «динамизировать» и визуализировать учебно-поисковую деятельность студентов. В связи с этим возникает необходимость выявления условий эффективного привлечения возможностей таких технологий к диалоговому взаимодействию всех участников образовательного процесса.

Оценка реального состояния проблемы

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что вопросам, связанным с воплощением идей учебного диалога, всегда уделялось значительное внимание.

Рассматриваемая нами проблема разрабатывалась в трудах многих ученых (Л.В. Выгодский, Е.Л. Мельникова, Г.Л. Цукерман, М.М. Бахтин, В.С. Библер, И.А. Зимняя, В.А. Кан-Калик, В.А. Сухомлинский, С.Ю. Курганов, С.А. Леонов и др.). Так, в исследованиях М.М. Бахтина, В.С. Библера, С.Ю. Курганова и др. под диалоговым обучением понимается прежде всего интерактивное обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и обучающегося, обучающегося и компьютера или обучающихся между собой. Причём взаимодействие – это категория довольно широкого значения, включающая в себя такие процессы, как воздействие различных объектов друг на друга, их взаимная обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого.

В отечественной науке наиболее широко распространено (предложенное М.М. Бахтиным) понимание диалогического метода как общения, которое отвечает определенным принципам. По мнению М.М. Бахтина, диалог не просто средство, а само бытие человека, поскольку «Быть – значит общаться диалогически». Диалог в обучении – это своеобразная форма общения, взаимодействие между людьми в условиях учебной ситуации, осуществляющееся в форме речи; в ходе диалога происходит информационный обмен между партнерами и регулируются отношения между ними.

Однако пока и в теории, и на практике диалог часто отождествляют с другими формами диалогового общения (спором, полемикой, дис-

путом, дискуссией) с заранее заданными процедурами исполнения. Истинный, самосозидающийся, саморазвивающийся характер диалога пока очень слабо изучен и не используется.

Анализ теории позволяет определить такие слабо изученные аспекты диалогового обучения, как динамика группового взаимодействия, стимулирование свободной мысли, технологии столкновения позиций, вариативность диалоговой культуры, индивидуальные формы диалога человека с самим собой. Учебный диалог не находит должного внимания и распространения в связи со следующими особенностями образования:

- в основе образования лежат знания классической науки, которые приняты за истину;
- в устойчивом и нормативном обучении усилия педагогов сосредоточены вокруг усвоения известных в науке знаний;
- педагоги не готовы к допущению вариативности, инаковости, разных способов понимания человеком мира;
- в профессиональном образовании нет специальной подготовки студентов к диалоговому обучению;
- педагоги не умеют использовать программные средства образовательного назначения с целью повышения эффективности диалогового метода.

Применительно к математическому образованию организация учебной деятельности имеет определенную специфику, проистекающую из имманентных особенностей соответствующей науки (высокий уровень абстракции рассматриваемого понятийного аппарата; сложная логическая структура многих определений и формулировок теорем; ориентация содержания прежде всего не на усвоение конкретной информации, а на овладение соответствующими способами предметной деятельности; приоритет логических умозаключений над «правдоподобными» рассуждениями; ведущая роль задач, при решении которых часто используются разнохарактерные компоненты поисковой деятельности, и некоторые другие). Все указанные характеристики создают специфический фон, который, с одной стороны, может «затормозить» исходную ситуативную активность студентов в ходе учебного процесса, а с другой, накладываясь на хронический дефицит учебного времени, затрудняет возможности преподавателя в стимуляции продуктивного учебного взаимодействия.

Сказанное особенно характерно для обучения математике студентов непрофильных направлений. В настоящее время прослеживается тенденция к уменьшению количества аудиторных часов обучения математике студентов непрофильных направлений при сохранении большого объема содержания дисциплины. При

Рис. 1. ПС как средство организации диалогового взаимодействия студентов

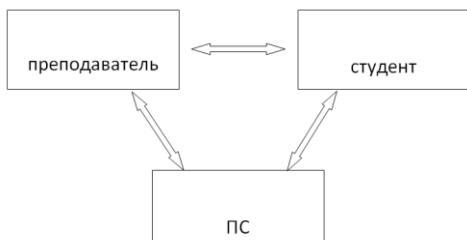

Рис. 2. ПС как участник диалога

этом процессе усвоения знаний математического характера у таких студентов лишен личностного смысла, так как данная дисциплина не является для них профессионально-ориентированной и, следовательно, не расценивается ими как необходимый элемент образовательного тезауруса.

Теоретико-методологические подходы

Наш опыт и анализ литературы позволяют сделать вывод о необходимости организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике в целях повышения качества предметных знаний, формирования устойчивой учебной мотивации, развития профессионально значимых умений и навыков, с учётом следующих выдвигаемых нами требований:

- 1) оптимальное привлечение возможности использования программных средств образовательного назначения;
- 2) субъектность;
- 3) вариативность диалогового взаимодействия;
- 4) профессиональная направленность.

Остановимся на описанных требованиях более подробно.

На сегодняшний день не остается сомнений в необходимости использования программных средств образовательного назначения в учебном процессе. В педагогической литературе в полной мере описаны преимущества программных средств образовательного назначения перед традиционными методами обучения математике, разработаны методики использования программных продуктов в образовательном процессе (Ж.И. Зайцева, Д.А. Картешников, С.А. Кругликов, А.В. Нечаева, М.А. Родионов и др.). Таким образом, открываются широкие возможности использования программных средств образовательного назначения для повышения эффективности диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике.

Все разнообразие электронных средств учебного назначения можно разделить на технические и программные средства. Специалисты выделяют различные классификации программных средств по определенным критериям. Так, например, рассматривая учебный процесс как информационный, можно классифицировать программные средства обучения в зависимости от того, какой из каналов в схеме циркуляции информации совершенствуется с помощью этих средств:

- программные средства предъявления информации, обеспечивающие прямой канал передачи;
- программные средства контроля, обеспечивающие канал обратной связи;
- программные средства управления обучением, обеспечивающие весь замкнутый цикл управления (замыкание может происходить через преподавателя или через компьютер).

На наш взгляд, программные средства (ПС) образовательного назначения в процессе реализации диалогового метода при обучении математике имеют двойственный характер. С одной стороны, они могут выступать в качестве средства организации диалогового взаимодействия студентов (рис. 1); с другой стороны, могут быть непосредственным участником учебного диалога (рис. 2).

Необходимо отметить и слабые стороны использования ПС на занятиях по математике в целом и при организации учебного диалога в частности. Так, во втором случае основной упор делается, в первую очередь, на использование педагогических сценариев программных средств образовательного назначения. Такое обучение предполагает практически непрерывное использование программных средств при организации диалога на каждом занятии, опирающееся на разработку и реализацию специальных учебных программных комплексов. Это несет в себе опасность отвлечения внимания студентов от собственно математического содержания, а также ослабления непосредственных межличностных контактов с участниками образовательного процесса в ходе учебного диалога.

В первом случае компьютер используется нерегулярно – лишь как средство организации диалога, предоставляющее некоторые «универсальные» возможности, которые невозможно или очень сложно получить с помощью традиционных средств обучения. Построенный таким образом диалог, очевидно, не позволяет в полноценной мере реализовать известные преимущества информационных и коммуникационных технологий, и прежде всего возможности эффективной визуализации и динамизации рассматриваемых фактов и закономерностей, а также интерактивный характер этих технологий [4].

В связи с вышеизложенным организация диалогового взаимодействия с учётом требования оптимального привлечения возможности использования программных средств образовательного назначения предполагает активное систематическое привлечение к изложению материала программных средств, обеспечивающее не только актуализацию традиционного учебного диалога, но и эффективную компенсацию негативных сторон использования программных средств в рассматриваемом контексте.

Исходя из выше сказанного, возникает необходимость выдвижения требования субъектности при организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике. Субъектность – это способность человека быть стратегом своей деятельности, ставить и корректировать цели, осознавать мотивы, самостоятельно выстраивать действия и оценивать их соответствие задуманному, выстраивать планы жизни. Термин широко применяется в педагогических исследованиях и педагогической практике как обозначение социально ценного качества личности, которое необходимо формировать в процессе педагогического взаимодействия. Инвариантной основой развития субъектности студентов является учебная деятельность, направленная на формирование совокупности свойств (мотивированность, самоконтроль, ответственность и др.), необходимых для развития полноценной личности.

Использование программных средств образовательного назначения при обучении математике, как правило, подразумевает моносубъектный подход к организации учебной деятельности. Компьютер как «массовый» педагог в большей своей части не умеет перестроить свою деятельность на основе учебного диалога, требующего педагогического мастерства особого характера, наличия общей культуры. Таким образом, требование субъектности при организации диалогового взаимодействия на занятиях по математике способствует компенсации недостатков программных средств образовательного назначения и формирования у студентов способности к саморазвитию и самообразованию.

Рассматривая требование вариативности при организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике с использованием программных средств образовательного назначения, важно учитывать, что процесс передачи информации преподавателем обучаемому включает ряд этапов. Во-первых, необходимо привлечь внимание обучающегося к тому, что сейчас начнётся передача новой порции информации. Во-вторых, нужно заинтересовать обучаемого в необходимости воспринимать её.

Далее требуется поддерживать эту заинтересованность, с тем чтобы у обучаемого появилось устойчивое желание получать новые порции информации, новые знания по математике и смежным дисциплинам, сформировать внутреннюю потребность в совершенствовании своих навыков и умений. Учитывая подъёмы и спады внимания и активности студентов, полагаем целесообразным после выдачи нескольких порций информации активизировать внимание обучаемых, задав им контрольный вопрос, уточняющий дальнейшее продвижение по изучаемой теме.

При этом на первый план выступает вопрос о критериях выбора оптимального программного средства обучения и объёма его использования в процессе организации диалогового взаимодействия в той или иной конкретной учебной ситуации [3]. При отборе программных средств образовательного назначения для организации диалога на занятиях по математике требуется учитывать необходимость соблюдения следующих критериев:

- использование компьютера только при изучении тех разделов и тем, где это оправдано учебной целью занятия;
- сведение к минимуму рутинной работы, связанной с выполнением однотипных операций;
- высвобождение времени и эффективность его использования;
- организация работы с компьютерными программами, предоставляющими возможность освоения студентами логики и алгоритмов вычисления;
- повышение наглядности в обучении.

Организация диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике на основе использования программных средств образовательного назначения, реализуемая за счет внедрения в традиционную структуру метода обучения возможности использования компьютера, может планироваться и реализовываться на различных уровнях с различной степенью детализации:

- на протяжении всего курса;
- на отдельных более «выигрышных» темах курса;
- на отдельных более «выигрышных» учебных занятиях конкретной темы (лекция – изучение нового материала, повторение, систематизация, текущий контроль; практическое занятие – усвоение нового материала, повторение, систематизация, текущий контроль; экзамены, зачёты – итоговый контроль и др.);
- на отдельных более «выигрышных» этапах конкретного учебного занятия (проверка домашнего задания, изучение нового материала, закрепление материала и др.);

– на отдельных более «выигрышных» типах учебных задач конкретного этапа учебного занятия (задачи на введение понятия, задачи на обучение решению упражнений, профессионально направленные задачи и др.);

– на отдельных более «выигрышных» дидактических линиях конкретной учебной задачи (линия организации самостоятельной работы, линия контроля и диагностики, линия поддержки курса, линия индивидуализации и дифференциации обучения, линия обеспечения положительной мотивации студентов, линия реализации принципа профессиональной направленности и др.).

В рамках компетентностного подхода, целью математической подготовки студентов непрофильных специальностей является формирование математической компетентности, под которой подразумевается сложный феномен, выражающийся в способности/готовности выпускника к адекватному применению математических методов в профессиональной деятельности с целью эффективного ее осуществления.

В самом общем виде основным смыслом обучения математике студентов непрофильных специальностей является поиск соответствия между конкретной специальностью, по которой производится обучение, и теми математическими знаниями, умениями и навыками, которыми будущий специалист должен обладать.

Основной из возможностей установления такого соответствия является ориентация содержания обучения математике на будущую профессиональную деятельность студентов. При этом каждый раздел, тему желательно преподносить студентам в тесной взаимосвязи с реалиями будущей профессии.

Под собственно профессиональной направленностью обучения тому или иному предмету понимается своеобразное использование педагогических средств, обеспечивающее усвоение предметных знаний, умений и навыков и в то же время формирование интереса, ценностного отношения к данной профессии, профессиональных качеств личности будущего специалиста [5–6]. Педагогическими средствами при этом могут являться как элементы содержания обучения, так и некоторые формы, методы и средства обучения [7].

В целом сложившийся подход к профессиональному направлению обучения применительно к математической подготовке студентов непрофильных специальностей предполагает три основных направления его реализации:

– формирование математической составляющей готовности студентов к изучению дисциплин по профилю специальности;

– воспитание профессионально значимых качеств личности, ориентация мотивационной сферы личности на положительное отношение к будущей профессии на основе развитых математических способностей;

– осуществление междисциплинарных связей в организации и содержании обучения студентов математике.

В то же время неоправданное превышение профессиональной составляющей может нести в себе и негативный момент – так называемую «раннюю профилизацию» [8]. Одновременно возникают дополнительные сложности в освоении и собственно математического содержания. Поэтому на ранней стадии обучения студентов целесообразно не столько отрывочное включение фрагментарных сведений из профильных дисциплин в математическое содержание, а обеспечение формирования у студентов комплекса умений и компетенций, которые будут необходимы им в будущей профессиональной деятельности.

Отметим, что применительно к различным специальностям роль математики в профессиональной подготовке студентов несколько различается. Так, например, у студентов-лингвистов мотивация к изучению математики значительно ниже, чем у студентов экономического профиля, в силу того, что сама профессия первых не предполагает явного использования математических методов и моделей. И наоборот, для студентов экономического профиля методы анализа экономических процессов и методы, используемые при обучении математике, имеют много общего.

Таким образом, организация деятельности студентов различных специальностей по решению профессионально-ориентированных задач в процессе диалогового взаимодействия должна носить вариативный характер в содержательном и организационном смыслах.

Ниже представлены возможности построения диалогового взаимодействия при решении прикладных задач студентами непрофильных специальностей на примере изучения теории вероятностей (определение вероятности события, основные теоремы теории вероятностей [9; 10]) (табл. 1).

Практическая часть

Содержание курса математики предоставляет богатейшие иллюстративные возможности диалогового взаимодействия студентов на различных этапах учебного процесса.

Рассмотрим два примера: фрагмент лекционного занятия (объяснение нового материала,

Таблица 1

**Построение диалогового взаимодействия при решении прикладных задач
студентами разных специальностей на примере изучения теории вероятностей**

Студенты-лингвисты		Студенты-экономисты	
Задача Слово МАШИНА составлено из букв разрезной азбуки. Наудачу друг за другом извлекают четыре буквы и выкладывают последовательно в ряд. Какова вероятность того, что получится слово ШИНА?		Задача В торговую фирму поступили телевизоры от трёх поставщиков в отношении 1:4:5. Практика показала, что телевизоры, поступающие от 1-го, 2-го и 3-го поставщиков, не требуют ремонта в течение гарантийного срока соответственно в 98, 88 и 92% случаев. Найти вероятность того, что поступивший в торговую фирму телевизор не потребует ремонта в течение гарантийного срока	
Педагог	Студенты	Педагог	Студенты
Испытание состоит в извлечении одной буквы. Сформулируйте элементарные события задачи	B ₁ – случайное событие, что первой извлечена буква Ш; B ₂ – случайное событие, что второй извлечена буква И; B ₃ – случайное событие, что третьей извлечена буква Н; B ₄ – случайное событие, что четвёртой извлечена буква А	По какой формуле будем искать вероятность того, что телевизор не потребует ремонта? Какие выводы можно сделать по условию задачи?	Нужно использовать формулу полной вероятности. Т.к. событие А может произойти вместе с одним из событий H _i (гипотез)
Вероятность какого события необходимо найти?	B – случайное событие, что при произвольном извлечении четырёх букв получится слово ШИНА	Какое событие А и гипотезы можно выделить?	A – случайное событие, что телевизор не требует ремонта; H _i – случайные события, что телевизор поступил в торговую фирму от i-го поставщика
При каком условии произойдёт событие B?	Когда последовательно будут извлечены четыре нужные буквы: и буква Ш, и буква И, и буква Н, и буква А	Сколько гипотез можно выделить по условию задачи?	Три гипотезы, которые образуют полную группу попарно несовместных событий; H ₁ – случайное событие, что телевизор поступил в торговую фирму от 1-го поставщика; H ₂ – случайное событие, что телевизор поступил в торговую фирму от 2-го поставщика; H ₃ – случайное событие, что телевизор поступил в торговую фирму от 3-го поставщика;
Какую операцию нужно применить?	Произведение	Как найти вероятности каждой гипотезы?	Используя классическое определение вероятности: $P(H_1) = \frac{1}{1+4+5} = 0.1$ $P(H_2) = \frac{4}{1+4+5} = 0.4$ $P(H_3) = \frac{5}{1+4+5} = 0.5$
Это значит, что событие B является произведением событий B ₁ , B ₂ , B ₃ и B ₄	B=B ₁ · B ₂ · B ₃ · B ₄	Вероятности каких событий необходимо также найти?	P(A/H _i) – условные вероятности появления события А при каждой гипотезе

Окончание таблицы 1

Студенты-лингвисты	Студенты-экономисты
Эти события являются зависимыми?	Да, т.к. наступление (или ненаступление) каждого предыдущего события изменяет вероятность наступления последующего события Чему равны эти вероятности? $P(A/H_1)=0.98$ $P(A/H_2)=0.88$ $P(A/H_3)=0.92$
Как найти вероятность каждого из событий B_1 , B_2 , B_3 и B_4 ? Вспомните формулу классического определения вероятности события	$P(A)=\frac{m}{n}$ – это формула классического определения вероятности события; m – число элементарных исходов испытания, благоприятствующих появлению события A ; n – общее число возможных элементарных исходов испытания Теперь подставим все найденные значения в формулу полной вероятности и получим: $P(A)=P(H_1) \cdot P(A/H_1)+P(H_2) \cdot P(A/H_2)+P(H_3) \cdot P(A/H_3)=0.1 \cdot 0.98+0.4 \cdot 0.88+0.5 \cdot 0.92=0.91$
Найдите вероятность каждого из событий B_1 , B_2 , B_3 и B_4 . Итак, какой вывод можно сделать? Обратите внимание на то, когда применяется теорема умножения вероятностей	Число исходов испытаний, благоприятствующих событиям B_1 , B_2 , B_3 , равно 1, так как в слове МАШИНА имеется по одной из нужных букв Ш, И и Н. Число исходов испытания, благоприятствующих событию B_4 , равно 2, так как в слове МАШИНА имеется две буквы А, и в трёх предыдущих испытаниях буква А не должна быть извлечена. $P(B_1)=\frac{1}{6}; P(B_2)=\frac{1}{5};$ $P(B_3)=\frac{1}{4}; P(B_4)=\frac{2}{3}$ Находим искомую вероятность по формуле $P(B)=P(B_1) \cdot P(B_2) \cdot P(B_3) \cdot P(B_4)=\frac{1}{6} \cdot \frac{1}{5} \cdot \frac{1}{4} \cdot \frac{2}{3}=\frac{1}{180}$ Эта формула используется при совместном появлении всех событий B_1 , B_2 , B_3 и B_4

введение понятия производной для студентов первого курса факультета машиностроения) и фрагмент самостоятельной работы (в виде лабораторной работы по теме «Линейное программирование» для студентов 2-го курса экономического факультета).

Необходимо отметить, что с понятием производной учащиеся впервые знакомятся в школе, в курсе «Алгебра и начала анализа» (10–11-й классы). Причем при введении производной функции большее внимание уделяется практическим аспектам изучения производной, а определение дается формально, зачастую без использования понятия предела функции. Таким образом, студенты к моменту введения понятия производной умеют находить производ-

ные элементарных функций, знают правила дифференцирования, имеют представление о геометрическом и физическом смыслах производной, приложении производной к исследованию функций.

Вследствие этого считаем, что повышению мотивации способствует использование диалогового метода посредством программных средств образовательного назначения на традиционном лекционном занятии.

Такой подход позволит повысить наглядность и доступность теоретического материала, интерактивность лекционной формы обучения, сэкономить учебное время, побудит к самостоятельной формулировке студентами определения производной.

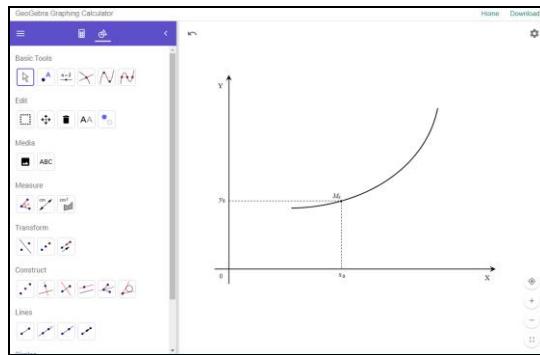

Рис. 3. График произвольной функции

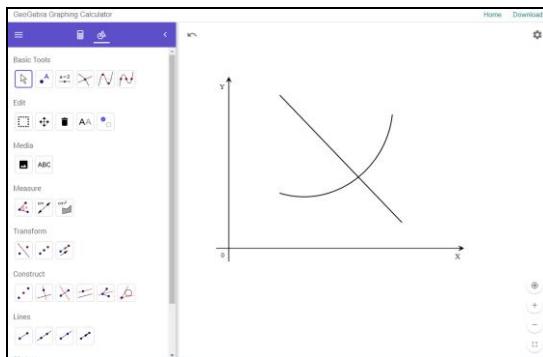

Рис. 4. Иллюстрация контрпримера 1

Вначале предлагается рассмотреть геометрическую, физическую и экономическую задачи, приводящие к понятию производной. С помощью программных средств на экран выводятся условия, графики и решения.

Задача о касательной. Пусть на плоскости Oxy задана непрерывная кривая $y = f(x)$. Необходимо найти уравнение касательной к этой кривой в точке $M_0(x_0; y_0)$ (рис. 3, табл. 2).

На этапе актуализации знаний в ходе обсуждения поставленной задачи студентам предлагается дать определение касательной функции в точке, вспомнив школьный курс математики. Как правило, касательной студенты называют «прямую, имеющую с кривой одну общую точку». Неточность этого определения можно проиллюстрировать приведением контрпримеров (рис. 4, 5).

На рисунке 3 прямая имеет одну общую точку с кривой, но не является касательной к ней; на рисунке 4 прямая имеет две общие точки с кривой, но, очевидно, касается ее в точке, находящейся правее. Результатом такого учебного диалога является возникновение проблемы определения касательной к кривой в точке, что способствует формированию познавательного интереса к рассматриваемому вопросу, поиску возможных решений поставленной задачи.

В итоге студенты приходят к выводу, что для определения касательной к кривой должен быть реализован другой подход.

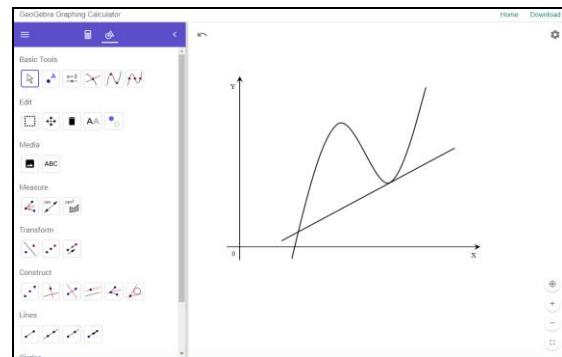

Рис. 5. Иллюстрация контрпримера 2

Дадим x_0 приращение Δx , тогда у получит приращение Δy , перейдем от точки $M_0(x_0; y_0)$ к точке $M_0(x_0 + \Delta x; y_0 + \Delta y)$. Проведем секущую M_0M (рис. 6).

Если устремить $\Delta x \rightarrow 0$, то точка $M \rightarrow M_0$ (т.е. секущая M_0M) примет свое предельное положение.

Анимация движения секущей посредством программных средств позволяет наглядно отобразить стремление приращения аргумента к нулю и перейти от абстрактного предложения к реальному процессу (рис. 7). Повышение интерактивности взаимодействия преподавателя со студентами посредством учебного диалога способствует самостоятельному выводу о том, что касательная является предельным положением секущей при $\Delta x \rightarrow 0$.

Напишем уравнение прямой, проходящей через точку $M_0(x_0; y_0)$, с угловым коэффициентом k : $y - y_0 = k(x - x_0)$.

$$\text{Угловой коэффициент секущей } k = \frac{\Delta y}{\Delta x}.$$

На основании вышеизложенных умозаключений приходим к выводу, что угловой коэффициент касательной k равен угловому коэффициенту предельного положения секущей: $k = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta y}{\Delta x}$.

Далее студентам предлагается рассмотреть задачу о скорости движения. Пусть вдоль некоторой прямой движется точка по закону $S = S(t)$. Найти скорость точки в момент t_0 .

Таблица 2

Использование диалогового метода посредством программных средств образовательного назначения на традиционном лекционном занятии

Преподаватель	Компьютер	Студент
Что такое касательная?	График кривой (рис. 3)	Прямая, имеющая с кривой одну общую точку
Возражая, привожу контрпример	График кривой и секущей с одной общей точкой (рис. 4)	Прямая, имеющая 1 общую точку с кривой
	График кривой с секущей, касающейся кривой (рис. 5)	Прямая, касающаяся кривой
Как же определить производную?	Рисунки 4, 5	Нельзя определить геометрически
Дадим x_0 приращение Δx , тогда у получит приращение Δy , перейдем от точки $M_0(x_0; y_0)$ к точке $M_0(x_0 + \Delta x; y_0 + \Delta y)$. Приведем секущую M_0M (рис. 6)	График функции и секущей M_0M (рис. 6)	Совместная работа с педагогом и ПС
Если устремить $\Delta x \rightarrow 0$, то точка $M \rightarrow M_0$, т.е. секущая M_0M , примет свое предельное положение	Рисунок 7	Совместная работа с педагогом и ПС
Делаем вывод, что называется касательной?		Касательная – это предельное положение секущей при $\Delta x \rightarrow 0$

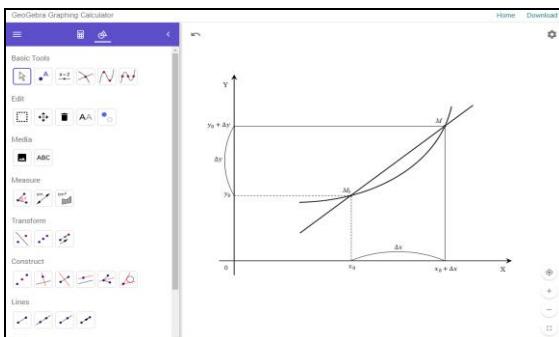

Рис. 6. Иллюстрация решения задачи о касательной с помощью ПС

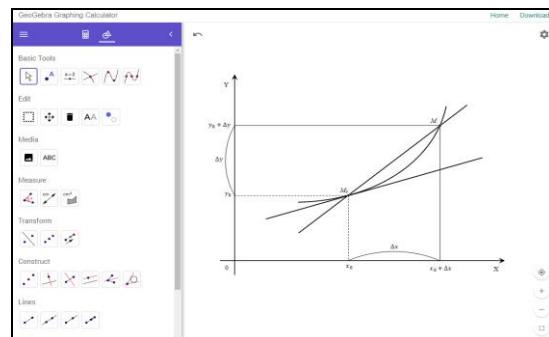

Рис. 7. Иллюстрация решения задачи о касательной с помощью ПС

С помощью программных средств иллюстрация задачи выводится на экран. Аналогично, давая приращение Δt времени t , получаем приращение ΔS .

В рамках учебного диалога студенты называют формулу средней скорости и делают вывод о том, что скорость в момент времени t_0 определяется предельное значение средней скорости.

Таким образом, зная, что средняя скорость $V_{cp} = \frac{\Delta S}{\Delta t}$, и устремляя Δt к нулю, получим, что скорость в момент времени t_0 – это предел средней скорости за промежуток от t_0 до $t_0 + \Delta t$ при $\Delta t \rightarrow 0$: $V = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \frac{\Delta S}{\Delta t}$.

Аналогичным образом можно рассмотреть задачу о производительности труда. В данном случае студенты приходят к выводу, что произ-

водительность труда z в момент времени t_0 можно определить как предельное значение средней производительности за период времени от t_0 до $t_0 + \Delta t$ при $\Delta t \rightarrow 0$: $z = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \frac{\Delta u}{\Delta t}$, где $u = u(t)$ – количество произведенной продукции [11].

Программные средства позволяют вывести одновременно три полученных предела на экран: $k = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta y}{\Delta x}$, $V = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \frac{\Delta S}{\Delta t}$, $z = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \frac{\Delta u}{\Delta t}$, в свою очередь, диалоговая форма подачи материала побуждает студентов самостоятельно сформулировать определение производной и раскрыть ее геометрический, физический и экономический смыслы. Организация эффективной исследовательской познавательной деятельности создаёт, прежде всего, комфортные условия для студентов, позволяя им почувствовать соб-

Ввод исходных данных 1-й симплекс-таблицы: $M = \begin{pmatrix} 6 & 1 & 2 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 8 & 2 & 1 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 1 & -1 & 1 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 2 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 0 & -3 & -2 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}$ <p style="text-align: center;">итерация 2</p>
<p style="text-align: center;">итерация 1</p> $M = JG(M, 4, 2) \rightarrow \begin{pmatrix} 4 & 0 & 2 & 1 & 0 & 0 & -1 \\ 4 & 0 & 1 & 0 & 1 & 0 & -2 \\ 3 & 0 & 1 & 0 & 0 & 1 & 1 \\ 2 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 6 & 0 & -2 & 0 & 0 & 0 & 3 \end{pmatrix}$ $M = JG(M, 1, 3) \rightarrow \begin{pmatrix} 2 & 0 & 1 & \frac{1}{2} & 0 & 0 & -\frac{1}{2} \\ 2 & 0 & 0 & -\frac{1}{2} & 1 & 0 & -\frac{3}{2} \\ 1 & 0 & 0 & -\frac{1}{2} & 0 & 1 & \frac{3}{2} \\ 2 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 10 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 & 2 \end{pmatrix}$

Рис. 8. Иллюстрация решения задачи оптимизации с помощью пакета MathCAD

ственную успешность и интеллектуальность, а следовательно, получить удовлетворение от проделанной работы.

Реализацию второго подхода, когда программные средства выступают в качестве непосредственного участника диалога, рассмотрим на примере решения задачи оптимизации (для студентов экономических направлений). Стандартная задача линейного программирования решается с помощью симплекс-метода, который предполагает составление многомерных симплекс-таблиц, матриц, громоздкое вычисление и, как следствие, большие временные затраты.

По нашему мнению, применение пакета MathCAD для решения таких задач при выполнении индивидуальной лабораторной работы в компьютерном классе (или для самостоятельной работы) позволяет сместить акцент с рутинного умножения и сложения больших чисел в сторону моделирования экономической ситуации, описанной в задаче, и анализа полученного решения.

Рассмотрим следующую задачу.

При заданных условиях-ограничениях

$$\begin{cases} x_1 + 2x_2 \leq 6, \\ 2x_1 + x_2 \leq 8, \\ -x_1 + x_2 \leq 1, \\ x_1 \leq 2, \\ x_1 \geq 0, x_2 \geq 0 \end{cases}$$

определить максимальное значение целевой функции.

Решим задачу в системе MathCAD табличным симплекс-методом.

В линейном программировании, в частности в симплекс-методе, для преобразования симплексной таблицы на каждой итерации применяется правило прямоугольника, в котором используется метод Жордана–Гаусса [12; 13].

Прямоугольник строится по старой симплекс-таблице таким образом, что одну из его диагоналей образуют пересчитываемый $M_{i,j}$ и ключевой $M_{a,b}$ элементы. Вторая диагональ определяется однозначно. Для нахождения но-

вого элемента $N_{i,j}$ из элемента $M_{i,j}$ вычитается $M_{i,b} \cdot M_{a,j}$ произведение элементов противоположной диагонали, деленное на ключевой элемент $M_{a,b}$.

С помощь пакета MathCAD создаётся программный модуль, реализующую преобразование Жордана–Гаусса (рис. 8).

Получено решение исходной задачи: $\max \psi(x^o) = 10$ при $x^o = (2; 2)$.

Таким образом, можно утверждать, что при реализации второго подхода, когда программные средства выступают в качестве непосредственного участника диалога, роль педагога смещается. Преподаватель управляет учебной деятельностью, привлекая внимание студентов к процессу передачи и получения новой информации, заинтересовывая в необходимости восприятия, формируя внутреннюю потребность в совершенствовании навыков и умений на том или ином этапе учебного процесса.

Заключение

В процессе теоретического и экспериментального исследования получены следующие результаты и выводы.

1. Анализ учебной и методической литературы показал необходимость организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике в целях повышения качества предметных знаний, формирования устойчивой учебной мотивации, развития профессионально значимых умений и навыков.

2. Разработаны и раскрыты на конкретных примерах требования, повышающие эффективность организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике: оптимальное привлечение возможности использования программных средств образовательного назначения; субъектность; вариативность диалогового взаимодействия; профессиональная направленность.

3. Предложен ряд методических решений по организации диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике на основе использования программных средств образовательного назначения (на примерах введения понятия производной и решения задачи линейного программирования).

4. Результаты экспериментальной проверки разработанных педагогических решений на не-профильных специальностях Пензенского государственного университета свидетельствуют о том, что организация диалогового взаимодействия студентов на занятиях по математике на

основе выявленных детерминантов в большей степени, чем традиционный подход, способствует повышению качества предметных знаний, формированию устойчивой учебной мотивации, развитию профессионально значимых умений и навыков.

Список литературы

1. Родионов М.А., Гусева Е.В. Организация рефлексивного поиска пути решения математической задачи на основе деятельностно-процессуального подхода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 205–214.
2. Родионов М.А., Храмова Н.Н. Деятельностно-процессуальный подход к обучению школьников поиску пути решения математических задач (методологические предпосылки и примеры реализации): Учебно-методическое пособие для студентов и учителей математики. Пенза: ПГПУ, 2007. 132 с.
3. Rodionov M., Velmisova S. Construction of Mathematical Problems by Students Themselves // Proceedings of the 34th Conference on Applications of Mathematics in Engineering and Economics (AMEE '08); American Institute of Physics (Melville, NY 11747 USA). AIP Conf. Proc. Issue Date: October 30, 2008. V. 1067. P. 221–228. URL: <http://proceedings.aip.org/proceedings/>
4. Толковый словарь понятийного аппарата информатизации образования / Сост. И.В. Роберт, Т.А. Лавина. М.: ИИО РАО, 2009. 96 с.
5. Родионов М.А., Куприяшина Л.А., Пичугина П.Г. Пути обеспечения рационального сочетания традиционных и компьютерно ориентированных методических подходов в профессиональной подготовке студентов вузов. Пенза, 2015.
6. Родионов М.А., Мазей Ю.А. Содержательно-педагогические особенности профессионально ориентированного обучения математике студентов экологических специальностей // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2.
7. Махмутов М.И. Принцип профессиональной направленности обучения // Принципы обучения в современной педагогической теории и практике. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.В. Усова. Челябинск: ЧПУ, 1985. С. 88–100.
8. Попков В.А., Коржуев А.В. Дидактика высшей школы: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 136 с.
9. Тактаров Н.Г. Теория вероятностей и математическая статистика: Краткий курс с примерами и решениями. М.: КомКнига, 2010. 240с.
10. Золоторевская Д.И. Теория вероятностей. Задачи с решениями: Учебное пособие. 6-е изд. М.: ЛиброКом, 2009. 168 с.
11. Кремер Н.Ш. и др. Высшая математика для экономистов: Учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / Под ред. Н.Ш. Кремера. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 479 с.
12. Лунгур К.Н. Линейное программирование. Руководство к решению задач. М.: Физматлит, 2005.
13. Очков В.Ф. Mathcad 14 для студентов и инженеров: русская версия. СПб.: BHV, 2009.

SOME FEATURES OF CONTENT AND METHODOLOGY IN THE ORGANIZATION OF DIALOGUE INTERACTION OF STUDENTS OF NON-CORE SPECIALTIES IN MATHEMATICS CLASSES BASED ON THE USE OF EDUCATIONAL SOFTWARE

E.Yu. Beldyagina, M.A. Rodionov, L.A. Kupryashina

Penza State University

The article examines the technology of teaching mathematics to university students on the basis of productive dialogue interaction. We describe a variety of ways of using educational software for organizing dialogue interaction in mathematics classes. It is shown that the approach proposed by the authors contributes significantly to improving the quality of subject knowledge, to forming a sustainable learning motivation, and to the development of professionally significant skills. A detailed analysis is presented of the process of organizing the dialogue interaction of students when teaching mathematics in the context of the authors' typology of such situations. In particular, a computer can provide only a limited range of dialogue options in student-teacher or student-student pairs, providing purely technological support for the communicative interaction of the subjects of the learning process in terms of appropriate visualization of the dynamic images involved. On the other hand, the teacher can use integral didactic scenarios based on relevant digital educational resources in order to actualize the motivational component of group or collective dialogue interaction between students and the teacher. Thus, it is necessary to determine the criteria for choosing digital educational resources that would take into account both the purely didactic and the communicative potential of these resources in a given particular situation of educational interaction that takes place in the learning process.

Particular attention is given to the requirements for the organization of dialogue interaction between students in mathematics classes. These requirements provide the basis for the development of the corresponding methodology.

The article is intended for university teachers and specialists in the field of teaching mathematics in higher education institutions.

Keywords: teaching mathematics, organization of dialogue interaction of students in mathematics classes, use of educational software, development of students' educational motivation.

УДК 37.02

ПОНИМАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ОСВОЕНИИ ФИЗИКИ СОВРЕМЕННЫМИ ОБУЧАЮЩИМИСЯ КАК СИСТЕМА РЕГУЛЯТИВНЫХ, ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

© 2020 г.

Н.С. Пурышева, О.А. Крысанова

Пурышева Наталья Сергеевна, д.пед.н., проф.; научный руководитель кафедры теории и методики обучения физике им. А.В. Перышкина Московского педагогического государственного университета
purysheva42@rambler.ru

Крысанова Оксана Анатольевна, д.пед.н., доц.; профессор кафедры теории и методики обучения физике им. А.В. Перышкина Московского педагогического государственного университета
koassu@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

Статья принята к публикации 04.02.2020

Обсуждается проблема влияния понимания информационных текстов на достижение обучаемыми образовательных результатов. Рассмотрена структура интеллектуальной компетентности, выделены её компоненты. Показано, что целостная совокупность регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий является механизмом формирования и развития интеллектуальной компетентности, одним из компонентов в структуре которой выступают понятийные способности. Обосновано, что процесс понимания информационных текстов при организации образовательной деятельности по физике, структурированный в виде учебных действий и универсальных учебных действий обучающихся, оказывает влияние на достижение ими предметных и метапредметных образовательных результатов, а также является механизмом формирования и развития различных уровней организации их индивидуальных интеллектуальных ресурсов. Описана специфика современных обучающихся (поколение Z). Проанализированы модели обучения и дидактические средства, которые формируют и развивают интеллектуальную компетентность современных подростков посредством достижения различных уровней понимания информационных текстов. Особое внимание уделено ситуационным задачам.

Ключевые слова: понимание информационных текстов, метапредметные образовательные результаты, интеллектуальная компетентность, поколение Z, освоение физики, модели обучения, дидактические средства, ситуационная задача.

Введение

При разработке перспективных моделей ОГЭ и ЕГЭ для оценки новых – метапредметных – образовательных результатов обучающихся в рамках предметов естественнонаучного цикла выделяется следующая группа умений: 1) овладение естественнонаучными методами познания; 2) решение задач и 3) работа с естественнонаучной информацией и смысловое чтение [1, с. 6].

Отметим, что любая познавательная деятельность начинается с восприятия информационного текста, которое предшествует процессу его понимания. Результатом понимания является смыслобразование, которое задает вектор деятельности по решению конкретной задачи. В данном процессе на первый план выходит предметная специфика научной области «Физика»: символный описательный аппарат, моделирование и экспериментирование как методы естественнонаучного познания, теоретическое мышление как инструмент решения физических

задач. Как пишет Г.Д. Чистякова, предметный «код» является основой понимания текста. Целостность содержания текста, являющаяся условием его понимания, достигается за счет привлекаемых субъектом знаний, представленных в виде неявно выраженной информации, на которую опирается текст [2].

В психолингвистических исследованиях особое внимание уделяется деятельностно-коммуникативной природе понимания. Предполагается, что «запуск» механизмов понимания происходит тогда, когда «задаются» способы «действования» или коммуницирования. В такой трактовке смыслы не понимаются, а генерируются в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях. Понимание создает смыслы, но постигается при этом не смысл текста как таковой, а коммуникативно-деятельностная ситуация, в которой находится «понимающий субъект» [3].

О понимании текста судят по результату данного процесса, причем этот результат харак-

теризует определенные интеллектуальные ресурсы понимающего субъекта. А.И. Новиков акцентирует внимание на том, что необходимо изучение понимания как мыслительного процесса, отражающего продуктивную аналитическую и синтетическую деятельность сознания [4].

Конкретный смысл данный тезис приобретает при анализе структуры и содержания новых образовательных стандартов для школы (ФГОС), которые декларируют новые – метапредметные – образовательные результаты в виде умений (действий) обучающихся регулировать собственную познавательную деятельность, решать учебно-познавательные задачи, применяя различные способы познания, а также эффективно коммуницировать (на «языке» ФГОС – регулятивные, познавательные и коммуникативные универсальные учебные действия).

Физическая задача, с одной стороны, представляет собой концентрированное выражение научной области «Физика», модель научной деятельности. В задаче отражены явления, процессы, физические величины, свойства, законы и т.п. Принципиальное значение имеют такие методы физики, как моделирование и экспериментирование. Физические задачи играют важную роль и в развитии интеллекта, и, в целом, в формировании личностных структур человека.

С другой стороны, физическая задача – совокупность данных (условие), представленных в виде различных информационных текстов, и проблемного вопроса. Деятельность обучающихся по решению физических задач может быть представлена в новом – «понимающем» – контексте, где интеллектуальные процессы понимания информационного текста физической задачи «запускают» саморегуляцию, познание и коммуникацию в рамках образовательной деятельности, в свою очередь характеризующей различные уровни его интеллекта как формы организации индивидуального ментального опыта (М.А. Холодная).

В аспекте организации познавательной деятельности по физике процесс понимания информационных текстов является системным, где информационные тексты выполняют системообразующую роль, и метапредметным, где представлены предметные, меж- и метапредметные контексты как содержательное «поле» для формирования различных учебных действий обучающихся по пониманию разноконтекстных текстов.

Таким образом, процесс понимания информационных текстов в рамках организации образовательной деятельности по физике может быть структурирован в виде учебных действий и универсальных учебных действий современ-

ных обучающихся и оказывает влияние на достижение ими предметных и метапредметных образовательных результатов, а также является механизмом формирования и развития различных уровней организации их индивидуальных интеллектуальных ресурсов.

Теоретико-методологическое обоснование

В исследовании Я.И. Сиповской вводится понятие «интеллектуальная компетентность», которая определяется как метаспособность, обуславливающая возможность достижения высоких результатов в определенном виде предметной деятельности [5, с. 11].

Согласно ФГОС, одним из индикаторов достижения обучающимися метапредметных образовательных результатов является целостная совокупность регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий, которые, на наш взгляд, «формируют» интеллектуальную компетентность. В компетентности присутствует особого рода знание о действии: знание-навык, знание-умение, знание-мастерство, знание-искусство (В.И. Аршинов).

В структуре интеллектуальной компетентности как системно организованной метаспособности, обуславливающей реальные интеллектуальные достижения, основными компонентами являются:

- понятийные (семантические, категориальные, концептуальные) способности, которые характеризуют успешность процессов семантизации, категоризации и концептуализации;
- метакогнитивные (произвольные и непроприозвольные) способности, которые характеризуют успешность процесса саморегуляции интеллектуальной деятельности;
- интенциональные способности, которые характеризуют успешность интеллектуальной деятельности с точки зрения ее избирательности и согласованности с личным опытом;
- качества мышления (познавательная потребность, критичность, креативность, гибкость, самостоятельность, общая умственная культура) [5, с. 7].

Одним из компонентов в структуре интеллектуальной компетентности выступают понятийные способности. Компетентность не сводится к обычным предметным знаниям. Речь идет о «подготовленных» знаниях – структурированных и обобщенных, т.е. о знаниях-концептах как элементах индивидуального понятийного опыта. Понятийные способности выступают в качестве одного из ведущих компонентов в структуре интеллектуальной компетентности. М.А. Холодная определяет существование трех

видов понятийных способностей: а) семантических (способность оперировать содержанием словесных знаков); б) категориальных (способность использовать категории различной степени обобщенности); в) концептуальных (способность выявлять имплицитные связи и порождать новые ментальные содержания) [6].

Суть метакогнитивного компонента интеллектуальной компетентности сводится к двум основным аспектам: во-первых, это знание о своих знаниях, познавательных процессах и способностях; во-вторых, это исполнительный контроль за познавательными процессами, т.е. регулятивный аспект деятельности обучающегося.

Интенциональные способности тесно связаны с феноменом неявного (имплицитного) знания, которое, наряду с эксплицитным знанием, регулирует деятельность человека в различных предметных областях (М. Полани, Р. Стернберг). Среди вариантов проявления неявных знаний называют чувствительность к контексту (С.С. Белова).

В качестве четвертого компонента интеллектуальной компетентности Я.И. Сиповская выделяет определенные качества мышления, являющиеся отличительными признаками компетентного человека (эксперта): высокий уровень познавательной мотивации, критичность, рефлексивность, инициативность и самостоятельность, чрезвычайная целенаправленность в решении проблемы, готовность преодолевать трудности на пути своего профессионального роста и т.п.

Особая роль понятийного мышления, формирование механизмов интеллектуальной саморегуляции, возрастание участия личного опыта в интеллектуальной деятельности характеризуют специфику интеллектуального развития учащихся старшего подросткового возраста (15–17 лет). Отметим, что современные обучающиеся основной и старшей школы – поколение центениалов (поколение Z), рожденное в 1995–2012 годах.

Результатом североамериканского национального исследования «Взаимоотношения поколения Z в трудовом коллективе», проведенного Институтом корпоративной производительности (США), является выявленная специфика их поведения в повседневной жизни и рабочей обстановке:

- в представлении поколения Z реальный и цифровой мир естественным образом «переплетены»;

- представители данного поколения обладают высокой степенью персонализации (начиная с создания собственного имиджа и далее к формулировке собственного перечня своих должностных обязанностей);

- представители поколения Z отличаются pragmatичностью мировоззрения (особенно по отношению к планированию и подготовке к будущему);

- поколение центениалов придерживается принципа «сделай сам» (71% представителей поколения Z утверждают, что согласны с тезисом «если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам»);

- для центениалов характерна мотивированность (они гораздо конкурентоспособнее и при этом большие индивидуалисты, чем предыдущие поколения) [7, с. 21–23].

Освоение является ключевой характеристической поколения центениалов. Отличие процесса освоения чего-либо от обучения состоит, прежде всего, в мотивированной продуктивной самостоятельной деятельности.

Таким образом, выделенная специфика современного поколения Z позволяет учитывать личностные особенности обучающихся основной и старшей школы (прежде всего, мотивацию и самостоятельность) при проектировании методики освоения различных физических знаний (понятия, явления, теории, устройства/приборы), в которой системообразующим фактором выступает организация процесса понимания информационных текстов, заданных в предметных, меж- и метапредметных контекстах.

О.Н. Крыловой выделена целостная система различных видов знаний (информационные, процедурные, оценочные и рефлексивные), которая является современным содержательным ориентиром при проектировании образовательных методик [8]. Однако, несмотря на функциональное расширение видов знаний, образовательной целью освоения физики является усложнение интеллектуальных ресурсов личности обучающегося средствами физики. Как отмечает М.А. Холодная, необходима «не просто адаптация содержания школьного предмета к индивидуальным и возрастным особенностям школьников, а именно кардинальная его перестройка в направлении учета реальных психологических механизмов интеллектуального развития личности» [6, с. 198]. И далее автор пишет об изменении функции школьного учебника на интеллектуальный самоучитель [6, с. 199].

Отметим, что интеллектуальная компетентность как системно организованная метаспособность, на наш взгляд, формируется и развивается принципиально при освоении системы информационных, процедурных, оценочных и рефлексивных знаний-действий. Данные знания-действия являются содержательным (информационные знания) и процессуальным

(процедурные знания) ресурсами при организации деятельности понимания в рамках образовательного процесса по физике, где регулятивный ресурс (оценочные и рефлексивные знания) выступает в качестве целевого ориентира достижения эффективности понимания обучающимися содержания (информационные тексты) и процесса освоения различных элементов физического знания.

В исследовании Я.И. Сиповской доказано, что в качестве прогностических критериев по отношению к интеллектуальной компетентности выступают концептуальные способности (способность конструировать связи между понятиями на основе не связанных по смыслу слов), семантические способности (способность приписывать значения неопределенным визуальным формам), метакогнитивные способности (уровень рефлексивности) и интенциональные способности (способность опираться на интуитивные умонастроения при поиске решения в условиях отсутствия необходимых знаний). Причем обосновано утверждение о том, что наибольшими прогностическими возможностями по отношению к интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте обладают концептуальные способности как один из трех видов понятийных способностей [5, с. 7].

Я.И. Сиповская впервые предложила новую форму операционализации интеллектуальной компетентности через характеристики порождаемого (авторского) текста, которые рассматриваются в качестве достаточно «тонкого» индикатора интеллектуальной компетентности с точки зрения «вклада» в этот текст индивидуальных ментальных ресурсов [5, с. 18]. Текст, как отмечает исследователь, является таким ментальным продуктом, в котором представлены разноуровневые ментальные ресурсы субъекта (как интеллектуальные способности разного типа, так и качества мышления, связанные с особенностями мотивационной и регуляционной сферы личности) [5, с. 25–26], что также подтверждается психолингвистическими исследованиями А.И. Новикова.

Таким образом, информационные тексты предметного, меж- и метапредметного содержания, предназначенные для освоения физики современными обучающимися посредством целостной совокупности регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий, и авторские тексты, которые они производят в процессе понимания информационных обучающих текстов, выступают одновременно и дидактическим инструментом, и средством оценки уровня достижения пред-

метных и метапредметных образовательных результатов.

Международные исследования PIRLS и PISA показали, что 9–10-летние российские школьники понимают учебные тексты (читательская грамотность) превосходно, а 15–16-летние не готовы использовать их для решения образовательных задач, т.е. в основную школу входят читатели, в высшей степени готовые к освоению читательских задач нового уровня (от обучения чтению к чтению для обучения – использование текстовой информации для решения учебно-познавательных задач). Однако из основной школы выходят читатели, не готовые к освоению читательских задач следующего уровня (от чтения для обучения к чтению для жизни – использование текстовой информации при решении любых задач).

Г.А. Цукерман и О.Л. Обухова отмечают, что одним из педагогических условий эффективного формирования читательской грамотности при переходе из начальной школы в основную является использование текста как основного инструмента самообучения, т.е. организация специальной работы по пониманию текстов. По утверждению авторов, разница между естественнонаучной грамотностью и грамотностью читателя текста, описывающего, например, естественнонаучные эксперименты, состоит в том, что, решая предметно-понятийные задачи, ученик должен построить собственную модель определенного предметного отношения. Читая текст, ученик должен реконструировать, восстановить модель предметного отношения, построенную автором текста. В сущности, это разница между мышлением и пониманием как двумя разными человеческими способностями, редко встречающимися в чистом виде. Понимание без мышления, разумеется, невозможно, однако понимание не исчерпывается мышлением [9, с. 16].

Данная точка зрения доказывается в исследовании структуры интеллектуальной компетентности старших подростков (Я.И. Сиповская), подтверждая системный характер когнитивной и аффективной сфер личности подростка при организации его образовательной деятельности.

Г.А. Цукерман и О.Л. Обуховой предлагается измеритель понимания информационных текстов, который позволяет оценить три формы понимания: 1) воссоздающее – ориентировано на эксплицитную информацию текста, отвечающую главным образом на вопросы: «Что?», «Где?», «Когда?» (читатель восстанавливает в воображении те картины жизни, которые изображены в тексте); 2) рефлексивное – ориентировано на имплицитную информацию, отвеча-

ющую на вопросы «Зачем?», «Почему?», «На каком основании?», «Что из этого следует?» (читатель реконструирует авторскую логику); 3) творческое – читатель переносит идеи текста на реалии, не описанные в этом тексте, т.е. отвечает на вопрос «Что будет, если...?» [9, с. 5].

Таким образом, процесс понимания информационных текстов, как интеллектуально-личностный процесс становления, формирования и развития интеллектуальной компетентности, оказывает влияние на достижение современными обучающимися предметных и метапредметных образовательных результатов, где механизмом формирования и развития их индивидуальных ментальных ресурсов выступает целостная совокупность регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий.

Методический инструментарий

В соответствии с выделенными уровнями понимания информационных текстов возможно проектирование моделей обучения и дидактических средств, направленных на формирование целостной системы регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий, которые выступают механизмом формирования и развития интеллектуальной компетентности современных обучающихся, подтверждая тезис «Понимание не исчерпывается мышлением».

Отметим, что с точки зрения содержания обучения различные дидактические средства являются «носителями действий» [10]. В научно-методической литературе присутствует следующая терминология моделей обучения и дидактических средств, направленных на формирование и развитие интеллектуальной компетентности (соответственно, и универсальных учебных действий):

- система обогащающих упражнений (Л.И. Боженкова), направленная на целенаправленное формирование УУД в неразрывном единстве с освоением учебной информации предмета [11, с. 88];

- «обогащающая модель» (Э.Г. Гельфман, М.А. Холодная), основное предназначение которой состоит в интеллектуальном воспитании учащихся за счет актуализации и усложнения ментального (умственного) опыта ребенка средствами специально сконструированных учебных текстов (в частности, учебных пособий по математике для учащихся 5–9-х классов) [12, с. 212];

- модель обучения в формате «перевернутого класса» (*flipped classroom*), при котором изучение материала и выполнение практических заданий происходит в противоположной («пе-

ревернутой») стандартному уроку последовательности. Дома ученик, используя электронные ресурсы, в том числе и Интернет, просматривает (начальный этап процесса понимания информационных текстов) предлагаемую преподавателем теоретическую (лекционную) часть, часто в формате мультимедиа, а на уроке происходит выполнение и обсуждение практических заданий и примеров по теме. Выделяются следующие преимущества данного метода: включение в работу пропустивших занятия школьников (видео как детальное объяснение, своего рода лекция, имеет безусловные преимущества перед материалом, представленным в учебнике), высвобождение времени на взаимодействие «учитель – ученик» и групповую работу в классе, возможность вернуться к пройденному материалу, обратиться к исходному файлу, например для подготовки к контрольной или экзамену [13, с. 209–210]. Как отмечают исследователи, в формате «перевернутого класса» учащиеся лучше усваивают теоретическую и практическую части учебного содержания и активнее вовлекаются в учебный процесс, следствием чего становится улучшение результатов обучения [14; 15].

В качестве дидактического средства освоения физики современными подростками (центениалами) может выступать ситуационная задача, которая представляется в виде следующей структурной модели: название задания; личностно-значимый познавательный вопрос; информация по данному вопросу, представленная в разнообразных формах (текст, таблица, график, статистические данные и т.д.); задания на работу с данной информацией, составленные с учетом актуализации различных интеллектуальных операций (ознакомление, понимание, применение, анализ, синтез, оценка) [16, с. 25; 17; 18].

При конструировании ситуационной задачи, направленной на формирование понимания информационных текстов, необходимо:

- учитывать специфику методологии физики как исследовательской науки (обобщение фактов – выдвижение гипотезы – проведение эксперимента (мысленного, натурного, компьютерного или компьютеризированного) с целью проверки гипотезы – построение модели (явления, теории, понятия и т.д.) – выводы (различные приложения модели));

- использовать предметные, меж- и метапредметные контексты, которые позволяют достигать воссоздающего, рефлексивного и творческого уровней понимания посредством формирования целостной совокупности регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий.

Ситуационная задача как дидактическое средство одновременно может выступать и как содер-

жательный, и как процессуальный компонент при проектировании моделей освоения физики современными школьниками.

Заключение

Современные обучающиеся (центениалы) – поколение, которое через понимание различных информационных текстов формирует персональную образовательную траекторию. Однако современная школа недостаточно учитывает особенности современных подростков при реализации различных образовательных программ. Соответственно, актуализируется проблема проектирования образовательных моделей, направленных на формирование и развитие индивидуального ментального опыта современных обучающихся, который является базисом их интеллектуальной компетентности.

Ядром моделей обучения (освоения) предметно-специфическим знаниям могут выступать дидактические средства (например, ситуационная задача), которые являются «посредниками» [12, с. 7] между системой научного знания и индивидуально-психологическими особенностями обучающихся, в рамках решения которых понимание информационных текстов является основой и условием формирования целостной системы регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий как механизма формирования и развития интеллектуальной компетентности современных обучающихся.

Список литературы

1. Решетникова О.А. Подходы к оценке метапредметных результатов и креативности в контрольных измерительных материалах государственной итоговой аттестации // Педагогические измерения. 2019. № 2. С. 5–8.
2. Чистякова Г.Д. Формирование предметного кода как основы понимания текста // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 50–59.
3. Пешкова Н.П. Имплитность в тексте: препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnost-v-tekste-prepyatstvie-vs-stimul-uslovie-ponimaniya> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-i-kontrtekst-dve-storony-protsessa-ponimaniya> (дата обращения: 10.10.2019).
5. Сиповская Я.И. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2016. 26 с.
6. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
7. Стилман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / Пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
8. Крылова О.Н. Развитие знаниевой традиции в современном содержании отечественного школьного образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. 44 с.
9. Цукерман Г.А., Обухова О.Л. Понимание информационных текстов: что меняется за пять лет обучения? // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 3–17.
10. Саранцев Г.И. Упражнения в обучении математике. М.: Просвещение, 1995. 240 с.
11. Боженкова Л.И. Методика формирования универсальных учебных действий при обучении геометрии. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 205 с.
12. Гельфман Э.Г., Холодная М.А. Психодидактика школьного учебника. Интеллектуальное воспитание учащихся. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
13. Королева Д.О. Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками дома и в школе // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 205–224.
14. DeLozier S.J., Rhodes M.G. Flipped Classrooms: a Review of Key Ideas and Recommendations for Practice // Educational Psychology Review. 2016. Vol. 29. P. 141–151.
15. Estes M., Ingram R., Liu J. A Review of Flipped Classroom Research, Practice, and Technologies // International HETL Review. 2014. July 29. Vol. 4. URL: <https://www.hetl.org/a-review-of-flipped-classroom-research-practice-and-technologies/> (дата обращения: 10.10.2019).
16. Акулова О.В., Писарева С.А., Пискунова Е.В. Конструирование ситуационных задач для оценки компетентности учащихся: Учеб.-метод. пособие для педагогов школ. СПб.: КАРО, 2008. 96 с.
17. Пурышева Н.С., Крысанова О.А. Метапредметный подход в методике обучения физике: Монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 215 с.
18. Пурышева Н.С., Крысанова О.А., Ромашкина Н.В. Формирование личностных образовательных результатов учащихся // Физика в школе. 2012. № 4. С. 11–17.

UNDERSTANDING INFORMATION TEXTS IN THE ACQUISITION OF PHYSICS KNOWLEDGE BY MODERN STUDENTS AS A SYSTEM OF REGULATORY, COGNITIVE AND COMMUNICATIVE UNIVERSAL LEARNING ACTIONS

N.S. Purysheva, O.A. Krysanova

Moscow State Pedagogical University

The article discusses the impact of understanding information texts as an expression of students' intellectual competence to reach learning outcomes. The structure of intellectual competence is considered, its components are identified. It is

shown that a comprehensive set of regulatory, cognitive and communicative universal training actions provides a mechanism for developing intellectual competence, and one of the components of this competence are conceptual abilities.

It is argued that the process of understanding information texts in the organization of educational activities in physics, structured in the form of students' learning actions and universal learning actions, has an impact on their achievement of subject and meta-subject learning outcomes, and provides a mechanism for developing different levels of organization of their individual intellectual resources.

The specific features of modern learners (generation Z) are described. Their key characteristic is the mastering activity. The difference between the process of mastering something and learning consists, first of all, in a motivated productive independent activity. This feature of the modern generation allows one to take into account the personal characteristics of primary and high school students (primarily motivation and self-reliance) when designing the method for acquiring different kinds of physics knowledge (concepts, phenomena, theories, devices/instruments), where the system-forming factor is the organization of the process of understanding information texts presented in subject, inter- and meta-subject contexts.

The training models and didactic tools that form and develop the intellectual competence of modern adolescents by achieving different levels of understanding of information texts have been analyzed. Particular attention is paid to situational tasks.

Keywords: understanding of information texts, meta-subject learning outcomes, intellectual competence, generation Z, acquisition of physics knowledge, teaching models, didactic tools, situational problem.

УДК 378.14

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА СТУДЕНТАМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

© 2019 г.

A.A. Христолюбова

Христолюбова Алина Александровна, к.пед.н.; доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alinakhristolyubova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 29.11.2019
Статья принята к публикации 05.02.2020*

Рассматривается проблема обучения профессионально-ориентированному переводу студентов экономических специальностей. Данный вид перевода описывается с позиции теории перевода. Анализируется термин как основной признак специальных текстов. Приводятся типичные ошибки студентов в соответствии с заявленной структурой переводческих трудностей экономического текста, основными из которых являются перевод терминов и понятий по специальности, а также мотивация студентов нелингвистических специальностей к переводу. Результаты исследования позволяют определить основные направления работы преподавателя на занятиях по профессиональному переводу, что в свою очередь даст возможность более эффективно формировать переводческую компетенцию студентов неязыковых вузов.

Ключевые слова: обучение профессиональному переводу, экономический термин, переводческие трудности профессионально ориентированных текстов.

Введение

В настоящее время проблема обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации становится все более актуальной. Это можно объяснить расширением международных контактов во всех областях нашей жизни. Сфера экономики особенно затронута подобными процессами. Необходимость на достойном уровне осуществлять коммуникацию с представителями международного сообщества требует от современного экономиста не только отличного знания иностранного языка, и в частности английского как наиболее востребованного, но и умения выступать языковым посредником в ситуациях профессиональной деятельности.

В Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в Институте экономики и предпринимательства (ИЭП ННГУ) по программам бакалавриата и специалитета обучение английскому языку студентов организовано в 2 этапа. На 1-м курсе («General English») работа ведется над повышением уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и происходит овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для выполнения коммуникативных задач. На 2-м курсе обучение («Special English») соответствует рабочим программам по дисциплине «Иностранный

язык в профессиональной сфере», основной целью которой является совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции, требуемой для осуществления профессионально-деловой деятельности на основе коммуникативного подхода к обучению иностранному языку.

Обучение переводу студентов экономических специальностей в условиях неязыкового вуза представляется важным и актуальным. «Привитие студентам начальных переводческих навыков необходимо потому, что в своей профессиональной деятельности будущим специалистам неизбежно придется пользоваться изучаемым языком, и прежде всего для перевода профессионально-ориентированных текстов» [1, с. 61]. В рамках учебного процесса перевод является одним из аспектов, умение которого студенты должны продемонстрировать на зачете и экзамене на 2-м курсе обучения. В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по обучаемым специальностям и с рабочими программами по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере» студенты ИЭП ННГУ при проведении промежуточной и итоговой аттестации должны перевести в письменной форме текст по специальности (по пройденным темам) с английского языка на русский с использованием словаря – «Translate the text using a dictionary».

К примеру, одним из результатов обучения студентов по направлению подготовки «Торго-

вое дело» заявлено формирование общекультурной компетенции (ОК-3) – способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, которая включает среди прочих знаний, навыков и умений З З – знать правила перевода текстов по специальности, У З – уметь применять правила перевода текстов по специальности, В З – владеть навыком применения правил перевода текстов по специальности.

В настоящей статье проанализируем представленный на промежуточной и итоговой аттестации по английскому языку вид перевода с точки зрения переводоведения, рассмотрим термин как основную характеристику профессионально-ориентированных текстов по экономике, а также проиллюстрируем основные проблемы и ошибки перевода студентов ИЭП ННГУ.

Теоретические проблемы письменного перевода текстов экономической тематики

В теории перевода существует множество определений понятия «перевод», но до сих пор теоретики переводоведения не пришли к единой формулировке. Следуя традициям отечественной современной школы переводоведения (А.Д. Швейцер, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров), сформировавшейся в 50–60-е годы XX столетия, придерживаясь выработанного этой школой коммуникативно-лингвистического подхода к переводу, мы вслед за В.Н. Комиссаровым будем рассматривать перевод как «вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для поправной замены оригинала в качестве коммуникативно равнозначенного последнему» [2, с. 13].

Существуют две основных классификации видов перевода:

- 1) по характеру переводимых текстов;
- 2) по характеру речевых действий переводчика в процессе перевода.

Первая классификация связана с жанрово-стилистическими особенностями оригинала, вторая – с психолингвистическими особенностями речевых действий в письменной и устной форме.

Жанрово-стилистическая классификация переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала обуславливает выделение двух функциональных видов перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (специальный) перевод.

Психолингвистическая классификация переводов, учитывающая способ восприятия ориги-

нала и создания текста перевода, подразделяет переводческую деятельность на письменный перевод и устный перевод [3, с. 94–97].

В рамках настоящей статьи нас интересует вид перевода, находящийся на стыке этих двух классификаций, а именно письменный перевод по психолингвистической классификации переводов. В качестве текстов, избранных для письменных переводов, будут рассматриваться тексты экономической тематики, т.е. согласно жанрово-стилистической классификации переводов – информативный или специальный перевод, сфера коммуникации – экономика. По общепринятой языковой классификации нас интересует частная теория перевода (пара языков: английский – русский (перевод с исходного языка на родной язык)) и специальная теория перевода (экономическая тематика) [2, с. 15].

В данном исследовании термины «письменный специальный (экономический) перевод», «перевод профессионально-ориентированных текстов», «профессионально-ориентированный перевод» используются как синонимы.

Согласно концепции В.Н. Комиссарова, письменным переводом называется такой вид перевода, при котором речевые произведения, объединяемые в акте межъязыкового общения (оригинал и текст перевода), выступают в процессе перевода в виде фиксированных текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться. Это дает возможность переводчику повторно воспринимать отрезки переводимого текста, сопоставлять их с соответствующими отрезками перевода, вносить в текст перевода любые необходимые изменения до предъявления перевода рецептору, т.е. до завершения процесса перевода. Классическим примером письменного перевода является такой перевод, когда переводчик воспринимает оригинал зり-тельно в виде письменного текста и создает текст перевода также в виде письменного текста (отсюда и само название – письменный перевод) [3, с. 97].

С точки зрения Р.К. Миньяр-Белоручева, научные тексты содержат много терминов, фактов, в которых можно разобраться только имея соответствующую подготовку. Успех работы переводчика в научной сфере определяется чаще его знаниями, умением оперировать терминологией, чем переводческими навыками. Все это и говорит о том, что письменный перевод обретает свою специфику лишь в связи с особенностями исходных текстов, с особенностями использованных в них языковых средств.

Языковые средства и определяют жанровый характер текстов, который служит основой для классификации письменного перевода и опре-

деляет правомерность выделения теории художественного перевода и теории специального перевода [4, с. 12–13].

В информативном переводе подвиды перевода выделяются на основе принадлежности переводимых текстов к различным функциональным стилям исходного языка. При этом необходимо, чтобы функционально-стилистические особенности оригиналов определяли и специфические черты перевода таких текстов. По этому признаку выделяются в особые подвиды перевод научно-технических материалов, перевод официально-деловых материалов, перевод политики-публицистических материалов, перевод газетно-информационных материалов, перевод патентных материалов и др. [3, с. 97].

Интересующая нас сфера экономики разнообразна и требует умения работать со специальными текстами различных функциональных стилей и жанров, используемых в промышленности, в банковском и страховом деле, в сфере государственного управления, в средствах массовой информации, в международных отношениях и т.д. Для занятий по переводу со студентами ИЭП ННГУ используются тексты двух функциональных стилей: научного (тексты из учебных пособий на английском языке) и публицистического (статьи из английских экономических журналов и газет).

Использование подъязыка экономики в широком спектре специальных текстов, относящихся к научно-техническому, публицистическому и официально-деловому стилям, приводит к стилистической неоднородности и жанрово-тематической дифференциации экономических текстов.

Кроме того, специфика экономических текстов заключается также в насыщенности их терминами, которые представляют базовые понятия экономики и в которых заключена основная информация по этой отрасли знаний. Не знание терминологической лексики создает, пожалуй, основные реальные трудности при переводе.

Что касается содержательной стороны специальных текстов по экономике, они требуют знания предметной области в сфере экономики [5, с. 203–204].

Отличительной особенностью профессионально-ориентированного перевода экономических текстов является предметное содержание специальных, относящихся к сфере экономики, текстов. Насыщенность их специальной терминологией и научными понятиями создает трудности лексического характера. Соответственно, основной трудностью перевода для студентов экономических специальностей являются тер-

мины, а главной задачей преподавателя становится расширение словаря студентов специальными терминами на английском языке. Преимуществом же студентов экономических специальностей при осуществлении данного вида перевода является то, что экономика – это сфера их будущей профессиональной деятельности, по которой они обучаются.

Рассмотрим термин как основной признак специальных экономических текстов, используемых в обучении письменному специальному переводу студентов экономических специальностей с позиций логики и лингвистики.

Общеизвестная противоречивость свойств термина как объекта научного описания обусловлена возможностью его рассмотрения с двух точек зрения: с одной стороны, как единицы научного знания, определяемой развитием системы понятий той или иной науки, того или иного производства, с другой – как единицы структурно-языковой, составляющей предмет изучения лингвистики.

В терминоведческой литературе нередко подчеркивается преобладающее значение логико-понятийных характеристик термина. «В настоящее время считается общепринятым, что экстралингвистические признаки составляют основу, сущность терминологичности, лингвистические признаки являются их следствием» [6, с. 34]; «в терминологических системах своеобразно сочетаются и взаимодействуют два типа связей: понятийные и языковые. Понятийные отношения в системе терминов – главные и организующие» [7, с. 268].

Вместе с тем в литературе отмечаются трудности лингвистического изучения терминологии, обусловленные ее внеязыковой соотнесенностью. К примеру, Н.К. Сухов отмечает, что неспециалистам достаточно трудно изучать и осваивать научно-технические термины и понятия. Отсюда тенденция к обоснованию ведущей роли «специалистов», которые «пользуясь методами логики и лингвистики и основываясь на выработанных принципах и методах построения терминологии, оперируют, во всеоружии специальных знаний, понятиями соответствующих разделов науки и техники, отбирают и строят термины, формулируют определения понятий» [8, с. 72].

С логической точки зрения, термин есть прежде всего наименование (название, имя) специального (профессионального) понятия, «форма его существования» [8, с. 72], «представитель понятия в речи» [9, с. 9].

Помимо номинативной функции (служить названием понятия), которая считается первой функцией термина, не менее важной признается

его другая функция, которая заключается в отражении содержания понятия. В этом смысле принято говорить, что термин «выражает» понятие [8, с. 72], «отражает» его [10, с. 49]. По мнению А.В. Суперанской, термин – это прежде всего имя понятия, единого в своей данности. Мы окружены вещами, существующими помимо нас, и даем им названия, основываясь на специфике нашего языка. Но мы не называем подряд каждую вещь, а даем вещам общие имена, ориентируясь на понятия. Все вещи определенных категорий, соотносящиеся с одним и тем же понятием, получают одно общее имя. Понятие «понятие» – центральная часть логики. Свойства, формирующие понятия, называются характеристиками. Между понятиями устанавливаются логические отношения, которые находят отражение в их именах. Поэтому логике принадлежит ведущее место в терминологии как особой научной дисциплине [11, с. 231].

При логическом подходе к термину наряду с изучением реальных терминологий существует ярко выраженная тенденция к созданию моделей терминологий «идеальных», искусственных, лишенных присущих словам-терминам черт и свойств. В этом случае вопрос об отличии термина от нетермина практически вообще не стоит, т.к. у «идеального» термина всё не так, как у слова общего языка: он и однозначен, и «дифинитивен», и точен, и независим от контекста и т.д. Поэтому логический подход к термину оправдан с точки зрения упорядочения и стандартизации и используется в стандартах, словарях [12].

Лингвистическое направление в изучении термина отталкивается, в отличие от логического, от реальных фактов языка. Если при логическом подходе термины рассматриваются прежде всего как наименования понятий о предметах и явлениях объективной действительности, то с лингвистической точки зрения термины анализируются как лексические единицы – слова, словосочетания и морфемы, языковая форма которых (план выражения) соотнесена с определенным языковым значением (планом содержания). При этом термин представляет собой такую лексическую единицу, которая обладает некоторой спецификой чисто языкового порядка, отличающей ее от единиц общеязыковой лексики. Понятие рассматривается в этом случае уже с лингвистических позиций – как мыслительная категория, образующая ядро лексического значения языковых единиц и в большей или меньшей мере совпадающая с этим значением [13].

Несмотря на требования к идеальному термину, в терминологии присутствуют синонимы и варианты, что и создает трудности при переводе.

Опыт преподавания специального перевода в условиях неязыкового вуза

Основной причиной недопонимания экономических текстов для студентов неязыковых вузов часто являются термины; следовательно, задачей преподавателя в обучении специальному переводу становится формирование навыка перевода специальных терминов.

Очевидно, что помимо перевода терминов многие практикующие преподаватели профессионально-ориентированного (письменного) перевода отмечают, что в процессе перевода студенты-нелингвисты сталкиваются с рядом существенных проблем, например:

- 1) отсутствует навык работы со словарями;
- 2) обучающиеся не видят грамматическую схему сложных предложений, что провоцирует смысловые ошибки;
- 3) имеется страх перед трансформациями;
- 4) плохо различаются регистры стилистической окраски лексики;
- 5) отсутствуют фоновые знания о стране изучаемого языка;
- 6) не сформированы учебные умения, необходимые в процессе перевода (например, не выработана система заучивания лексики, введение ее в активный словарный запас и т.д.).

Студенты неязыковых вузов особые затруднения испытывают в переводе профессионально-ориентированных текстов, в которых терминологическая лексика переплетается с характерными грамматическими конструкциями английского языка.

Перевод сложен как вид деятельности сам по себе. Более того, на практике обучающийся должен преодолевать препятствия, которые ещё больше усложняют процесс перевода.

Кроме того, можно затронуть проблему мотивирования переводческой деятельности обучающихся в неязыковом вузе. Как правило, преподаватели, обучающие профессионально-ориентированному переводу, сталкиваются с непреодолимым желанием со стороны студентов «пропустить» оригинал текста через систему компьютерного переводчика. При этом существует ошибочное мнение, что подобными действиями достигается цель переводческой деятельности. Задача преподавателя перевода – довести до сознания обучающихся, что процесс профессионально-ориентированного перевода преследует иные цели. Следовательно, преподавателю надо так организовать процесс обучения профессиональнно-ориентированному переводу, чтобы у обучающихся в нелингвистическом вузе не возникало сомнений в необходимости совершаемых ими действий, чтобы сту-

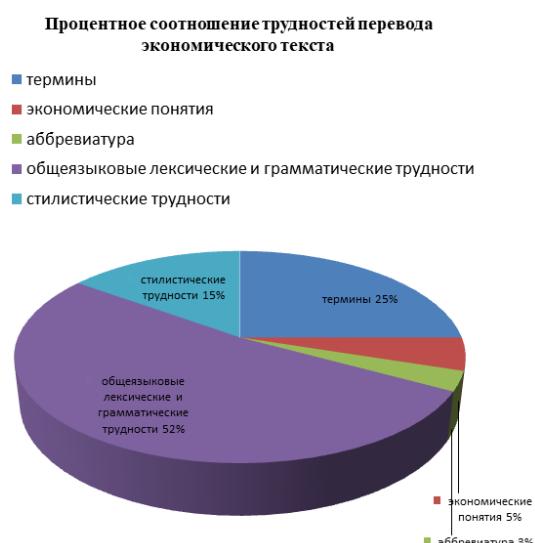

Рис. 1. Соотношение трудностей перевода профессионально ориентированного текста

денты четко видели область применения получаемой из текста информации [14].

В качестве примера проанализируем в данной статье контрольный перевод текста экономической тематики «Online banking», проводимый в середине семестра. Текст взят из учебного пособия по курсу «Business English», т.е. написан научным стилем [15]. Заявленный текст рассказывает об особенностях современной популярной услуги в финансовой сфере – банковском обслуживании через Интернет – «онлайн-банкинге», т.е. текст принадлежит к сфере коммуникации «Экономика».

Количество печатных знаков статьи для перевода составило 800 печатных знаков, согласно действующим программам по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере» для студентов 2-го курса ИЭП ННГУ.

В качестве трудностей, заложенных в специальном экономическом тексте, мы выделяем: 1) точный перевод экономических терминов той узкой сферы, которой посвящен текст; 2) адекватное понимание ситуации и контекста при переводе экономических понятий; 3) общезыковые лексические и грамматические трудности; 4) стилистические трудности, т.е. перевод текстов с учетом разницы двух функциональных стилей (газетно-публицистического стиля и научного). Первый и второй тип трудностей соотносятся со смысловыми ошибками с позиции теории перевода и являются самыми грубыми для студентов – будущих экономистов, поскольку сфера экономики является их специальностью и именно на расширение и усвоение терминологического запаса на английском языке ведется работа на уроках. Знание общей лексики и грамматики является школьной базой, а также результатом обучения на 1-м курсе по

дисциплине «Иностранный язык». Стилистические же трудности, скорее, являются погрешностями ввиду того, что в ИЭП нет дисциплины «Русский язык», в рамках занятий по практике языка почти нет времени и возможности работать над правильным формулированием предложений на родном языке, хотя и этому преподаватель старается уделять внимание. Успех этого аспекта зависит, скорее, от эрудиции и кругозора каждого отдельно взятого студента.

Статья «Onlinebanking», представленная на контрольной работе по переводу, содержит 65 единиц трудностей, из которых 16 единиц – финансовые термины по банковской тематике (onlinebanking, electronicbanking, performingbankingtransactions, Internetbanking, onlineservices, traditionalbanks, physicalbranches, virtualbank, Internetbank, financialinstitutions, topaybillsonline, paymentrecipient, accountdetails, amount, payee, accountbalances); 3 единицы – экономические понятия, правильный перевод которых требует определенной осведомленности в сфере банковской деятельности и экономики в целом (brick-and-mortarbanks противопоставляются brick-and-clickbanks, customers, written statements online statements); 2 единицы – аббревиатуры (из которых 1 единица – экономический термин ATM – automaticteller machine, 1 единица – термин компьютерных технологий PDA – personal digital assistant); остальная часть текста представляет общезыковые лексические и грамматические трудности – 34 единицы, а также стилистические трудности научного текста – 10 единиц.

Состав переводческих трудностей данного текста показан на рис. 1.

При оценивании результатов контрольного перевода текста, то есть качества переводов экономического текста с английского языка на русский, выполненных студентами, мы руководствовались нормой перевода, включающей такие критерии, как:

- 1) адекватность (соответствие перевода коммуникативной интенции отправителя сообщения) и эквивалентность (максимально возможная близость текста перевода к тексту оригинала) на уровне отдельных сегментов текста (что достигается при переводе специальных текстов);
- 2) степень точности передачи информации (требование, предъявляемое к переводу письменных текстов);
- 3) перевод стилистических особенностей газетно-публицистического (научного) текста (с соблюдением норм, характеризующих тексты аналогичного типа в языке перевода);
- 4) соблюдение правил, норм и узуса языка перевода [16, с. 199–226].

Результаты

Ошибки в переводах вышеуказанной статьи студентов можно проиллюстрировать следующими примерами в соответствии со структурой трудностей текста, представленной выше.

1. Ошибочный или неточный перевод экономических терминов: «Online-banking» – перевод студентов «онлайн банк» (онлайн-банк – это либо система, позволяющая совершать финансовые операции, либо веб-приложение, поэтому перевод студентов ошибочен; в данном тексте речь идет об услугах и требуемый перевод термина «онлайн-банкинг» – банковское обслуживание через Интернет); «electronic banking» – студенческий перевод «электронный банк» (следует перевести «электронные банковские операции»). На первый взгляд переводы студентов кажутся правильными, но при более серьезном чтении экономического текста, а студенты обучаются по данной специальности, данные ошибки являются довольно грубыми, поскольку будущие специалисты в области экономики должны видеть разницу между вышеуказанными терминами.

2. Неправильный перевод экономических понятий, демонстрирующий кругозор студентов в своей специальности, а не только знание переводного эквивалента как в случае перевода терминов, хотя и там необходимо умение выбрать нужный термин по контексту: «Brick-and-mortar banks» – студенческий перевод «реальные банки, имеющие юридически закрепленную за ними землю под филиалы» (не подходит к данной ситуации перевода и нарушает контекст, более приемлемый перевод – «традиционный банк, отделение банка»); «to get written statements» – «написать заявление в банк» (банковский термин «statement» имеет эквивалент в русском языке «отчет о состоянии счетов», ни о каком заявлении речь в тексте не идет, и это можно понять из следующего предложения, в котором экономическое понятие «written statement» противопоставляется понятию «online statement» – «онлайн-отчеты», или «отчеты в электронном виде», поэтому данное экономическое понятие следует перевести «бумажные отчеты из банка», «to get» в данном контексте никак не может быть переведено как «писать», а должно переводится как «получить»).

Хочется отметить, что данный вид ошибок или неточностей является самым грубым и дает самое большое снижение оценки за перевод текста, поскольку экономика является будущей специальностью студентов неязыковых вузов и именно в этой сфере они должны демонстрировать компетентность и точность перевода.

3. Общая лексика и грамматика.

В тексте несколько раз используется обращение к читателю «you»; большинство студентов переводит его на русский язык как «вы» с написанием со строчной буквы, что означает в русском языке обращение к читателям во множественном числе, когда очевидно обращение к читателю в единственном числе, т.е. по-русски требуется написание с заглавной буквы «Вы». Это небрежность и неграмотность, которая сразу же бросается в глаза при чтении перевода.

«When you have to pay, select the amount and the name of the payee» – «При оплате платежей Вы можете сортировать и отбирать их по величине, названию получателя». Глагол «select» имеет значение «выбирать, отбирать», в переводе студента это значение стоит на 2-м месте, на 1-м месте «сортировать» – этого значения у глагола «select» нет; кроме того, даны 2 русских эквивалента одному английскому глаголу, что недопустимо в переводе. Значение термина «amount» также не соответствует контексту. Словосочетание «name of the payee» переведено некорректно. Рекомендуемый вариант перевода – «Чтобы совершить платеж, Вам необходимо выбрать сумму и имя получателя».

Предложение «Also, you don't need to wait for the post to get written statements from the bank» – «Также Вам не нужно тратить время в очереди, чтобы написать заявление в банк». Выражение «to wait for the post» переведено неверно (выше описан неправильный перевод понятия «statement»). Один из адекватных вариантов перевода этого предложения – «Также Вам не нужно ждать, когда по почте придут бумажные отчеты из банка».

4. Стилистические погрешности.

«Banks that don't have physical branches» – «банки, не имеющие реальные офисы». В данном случае рекомендуется опустить слово «physical» в языке перевода, на русский язык можно перевести как «банки, у которых нет отделений». Кроме того, большинство студентов грешит пословным переводом конструкции «не имеющие», тогда как в русском языке использование данной грамматической конструкции не узально.

«When you have to pay» – «при оплате платежей», использование двух однокоренных слов недопустимо, тем более что не переведен модальный глагол «have to». Один из правильных вариантов перевода, в котором присутствует трансформация (смена мест главного и придаточного предложений) – «Чтобы совершить платеж, Вам необходимо».

Выводы

Таким образом, в нашем исследовании представлена теоретическая база обучения специ-

альному переводу, выделены типичные ошибки студентов при выполнении профессионально-ориентированного перевода текстов, а также описаны основные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели при обучении переводу студентов экономических специальностей. Главной среди них можно назвать мотивирование переводческой деятельности обучающихся. В соответствии с результатами исследования можно выявить основные направления работы преподавателя на занятиях по обучению письменному переводу специальных текстов в сфере экономики в условиях неязыкового вуза. Среди них можно выделить работу со словарем, формирование других учебных умений в процессе перевода – таких, как распознавание грамматических конструкций, понимание различий функциональных стилей (научного и публицистического), нарабатывание фоновых знаний об англоязычных странах. Главное же внимание преподавателю следует сосредоточить на основной трудности специальных текстов – их насыщенности понятийными и терминологическими трудностями в сфере экономики, т.е. формированию устойчивого навыка перевода экономических терминов и понятий с английского языка на русский, поскольку в своей будущей профессиональной жизни специалистам в сфере экономики придется столкнуться именно с этим – переводом инструкций, договоров, спецификаций, рекламных буклетов и других видов информативных экономических текстов. Вышеуказанные направления работы преподавателя позволят повысить мотивацию студентов неязыковых вузов к переводу, помогут студентам осознать цель переводческой деятельности – адекватный перевод текстов по изучаемой специальности – и, как следствие, сформировать переводческую компетенцию в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по реализуемым направлениям.

Список литературы

1. Жулидов С.Б. Учет лингвистических и социокультурных межязыковых расхождений при обучении переводу // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: Сборник статей по материалам науч.-практ. конф. с междунар. участ. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 61–65.

2. Христолюбова А.А. Методика обучения студентов переводческих факультетов письменному переводу текстов экономической тематики: Дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2013. 268 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
5. Зайченко А.А. Учет некоторых характеристик экономических текстов при обучении профессионально ориентированному переводу // Преподавание иностранных языков и культур: теоретические и прикладные аспекты (Лемпартовские чтения VI): Материалы междунар. научно-метод. симпозиума. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. С. 202–204.
6. Макова М.И. О структурных особенностях специальных словосочетаний в английском языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1972. С. 32–41.
7. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. М.–Л.: Наука, 1966. 288 с.
8. Сухов Н.К. Об основных направлениях современной терминологической работы в технике // Вопросы терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 71–83.
9. Бархударов С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: Сб. науч. тр. М.: Наука, 1970. С. 7–10.
10. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46–54.
11. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
12. Панин Э.Н. Специфика термина и показ словосочетаний в специальном двуязычном словаре (на материале Французско-русского словаря по радиоэлектронике) // Вопросы семантики и методики преподавания иностранных языков. Минск: Наука и техника, 1982. С. 70–79.
13. Панин Э.Н. О языковой специфике термина (в аспекте специальной двуязычной лексикографии) // Вопросы теории, практики и методики перевода: Сб. науч. тр. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998. С. 64–78.
14. Здорнов И.А., Шор Г.А. Трудности перевода специализированных текстов в неязыковом вузе. URL: <http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/7734/1/civil-18-20.pdf> (дата обращения: 25.08.2019).
15. URL: <https://www.pearson.com/english/catalogue/business-english/market-leader.html> (дата обращения: 11.08.2017).
16. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: Учебник для студ. лингв. вузов и фак-в ин. яз. М.: ACT: Восток – Запад, 2006. 448 с.

**SPECIALIZED TRANSLATION TEACHING FOR STUDENTS OF ECONOMIC SPECIALITIES
IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**

A.A. Khristolyubova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the issue of translation teaching for students majoring in economics with a focus on their professional field. Translation of specialized texts is described according to translation theory. Terms are analyzed as a characteristic feature of economic texts. Some of students' typical mistakes are listed with reference to the structure of difficulties in translating economic texts. One of the main problems for students is translation of economic terms, their motivation to translation is another important issue. The results of the study make it possible to identify the main areas of the teacher's work at special translation classes and, consequently, to develop the translation competency of non-linguistic specialities students in a more effective manner.

Keywords: specialized translation teaching, economic term, problems in translating specialized texts.

УДК 378.14

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2020 г.

И.О. Яблочникова

Яблочникова Ирина Остаповна, к.пед.н., доц.; доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения Академии права и управления ФСИН России, Рязань
irayablochnikova@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 25.11.2019
Статья принята к публикации 11.02.2020*

Осуществлен анализ организационных аспектов обеспечения высокого уровня качества профессиональной подготовки магистров финансового профиля в странах Европейского союза, в частности в Польше, Словакии и Чехии. Представлены требования к совокупности компетенций, которыми должны обладать абитуриенты программ магистерской подготовки финансистов, реализуемых в университетах стран Восточной Европы, а также проанализированы структура и содержание, порядок формирования, аккредитации и внедрения таких образовательных программ: обучение магистрантов осуществляется путем освоения ими совокупности обязательных (магистральных) и элективных курсов, прохождения стажировок в финансовых учреждениях различных форм собственности, вузах Европы; обязательные курсы позволяют сформировать у выпускников глубокое понимание актуальных проблем современных национальных и международных финансовых рынков, освоить эффективные методы и инструменты осуществления системного анализа данных и управления различными видами ресурсов; элективные курсы, как правило, ориентированы на изучение специфических вопросов и нюансов. Раскрыты особенности программ, реализуемых путем международного сотрудничества университетов двух и более стран в рамках так называемой академической мобильности. Обоснована возможность разумного заимствования позитивных моментов организации профессионального обучения финансистов.

Ключевые слова: профессиональная подготовка финансистов в высших учебных заведениях, организация магистерских программ, высшее образование в странах Европы.

Введение

Обеспечение наличия профессиональных компетенций, а также высокого уровня качества знаний, умений и навыков у выпускников высших учебных заведений является одним из совокупности весьма важных факторов, определяющих динамичное развитие социально-экономических отношений в государстве и обществе. Производственный и финансовый потенциал, подкрепленный потенциалом кадровым, сформированным вследствие эффективного функционирования национальной и международной систем высшего образования, – это основа обеспечения динамичного развития экономики в целом. Следовательно, успешное создание указанного выше кадрового потенциала в вузах и управление его качеством является актуальной задачей для всего педагогического сообщества.

В нынешних достаточно сложных экономических условиях высококвалифицированным кадрам, особенно это касается магистров, должны быть присущи качества, которые в первую очередь определяются степенью сфор-

мированности теоретических знаний, актуальных практических умений в профессиональной сфере и навыков оптимального использования имеющихся в наличии разного рода ресурсов для эффективной организации функционирования предприятий, учреждений и организаций различных форм собственности, а также производства товаров и услуг. Если речь идет об экономистах и финансистах, то профессионалы такого уровня должны не только уметь планировать и распределять материальные и нематериальные активы, но и успешно прогнозировать возможные сценарии развития событий и оценивать реальные и потенциальные риски.

Для осуществления практической деятельности финансистов также важно обладать компетенциями, позволяющими эффективно использовать финансы, полученные в качестве дохода от реализации на внутреннем и внешнем рынках произведенных предприятиями товаров и оказанных организациями услуг. Эти финансы должны быть успешно и результативно инвестированы в развитие производства. Необходимо также адекватно оценить положительные и отрицательные моменты таких инвестиций.

При этом указанные выше профессионалы просто обязаны понимать свою роль в государстве и обществе, последовательно отстаивая интересы социума в целом и отдельных групп граждан в частности.

Для отечественной педагогики важен анализ причин и следствий эффективного функционирования систем профессионального образования стран, являющихся весьма успешными в реализации социально-экономических задач. Именно поэтому исследование ряда аспектов, касающихся организации качественной подготовки магистров-финансистов (в частности, на примере образовательной деятельности университетов государств Европейского союза), является весьма актуальным.

Цель данной статьи – системный анализ организационных и других аспектов качественной профессиональной подготовки магистров финансового профиля в восточноевропейских государствах (в частности, в Польше, Словакии и Чехии) для дальнейшего заимствования позитивных моментов, с переносом их на отечественную почву реализации образовательной деятельности.

Постановка проблемы

Отмечается, что от качества подготовки финансистов, которые после окончания обучения на магистерских программах университетов осуществляют свою практическую деятельность в банках, финансово-кредитных учреждениях, страховых и инвестиционных компаниях, а также работают в органах налоговой и таможенной службы, финансовых департаментах общестьесударственных и муниципальных органов власти, зависит обеспечение всех без исключения институтов, как государственных, так и частных, одним из основных видов ресурсов – это финансовые ресурсы.

Любые проекты (производственные, экономические, социальные, политические, инвестиционные, образовательные, научные, международные и т.д.) без привлечения этого вида ресурсов невозможно успешно реализовать. Какие бы инновации в сфере организационного управления ни применялись менеджментом всех уровней, если они не подкреплены финансово и финансовые потоки оптимально не синхронизированы с совокупностью управленических действий, достижение успеха является весьма проблематичным.

Анализ публикаций по теме исследования позволяет сделать вывод, что аспектам организации профессиональной подготовки специалистов различного профиля и образовательно-

квалификационных уровней было посвящено достаточно большое количество исследований (в том числе и диссертационных) ученых-педагогов, как отечественных, так и зарубежных. В частности, по нашему мнению, в данном контексте нужно отметить следующих исследователей: Т.Н. Гурьянову [1], Е.В. Егорову [2], О.Т. Лойко и И.В. Петрову [3], Е.Я. Орехову и Л.Н. Полунину [4], Л. Отрошенко [5], С. Яблочникова и М. Купцова [6] и др.

Указанные выше ученые раскрыли в своих научных трудах ряд организационных и методических аспектов. Необходимо отметить, что их исследования касались эффективной организации процессов обучения профессионалов и в гуманитарной, и в технической, и в технологической сферах деятельности. Однако, к сожалению, вне их поля зрения остались вопросы (за некоторым исключением), касающиеся обеспечения профессионального роста и качества подготовки финансистов. Именно по этой причине мы и осуществим попытку анализа вопросов организации образовательных процессов, направленных на формирование профессиональных компетенций будущих магистров в области финансов. В частности, выясним особенности такой педагогической деятельности в восточноевропейских государствах.

Методы исследования

Для достижения цели исследования были использованы такие теоретические методы, как анализ и синтез, которые позволили обобщить педагогический опыт зарубежных коллег по составлению учебных программ обучения магистрантов для формирования профессиональных компетенций.

Результаты исследования

В условиях рыночной экономики, всеобщей цифровизации социально-экономических процессов, при повсеместном использовании информационно-коммуникационных технологий существует потребность в компетентных специалистах с финансовым образованием.

Они должны достаточно хорошо понимать ряд особенностей современного этапа эволюции социума, именуемого Четвертой промышленной революцией, адекватно прогнозировать пути развития финансовой системы в целом и отдельных институтов в частности, иметь навыки обеспечения финансовой стабильности и быть способными работать в условиях интеграции в международное экономическое сообщество.

Вследствие указанных нами выше причин повышаются требования к уровню качества

профессиональной подготовки и степени профессиональной компетентности специалистов финансового профиля; а это требует осуществления весьма глубоких преобразований в системе высшего финансового и экономического образования, в частности модернизации программ подготовки магистров.

Важность этих нюансов в нынешних социально-экономических условиях отчетливо понимают, в частности, в странах Восточной Европы, в университетах которой уделяют большое внимание качественному обучению магистров финансового профиля целого ряда специализаций. В этом смысле весьма показательным является функционирование систем высшего профессионального образования Польши, Словакии и Чехии, которые во многих аспектах достаточно схожи друг с другом. Фактическая эквивалентность структуры и содержания подготовки специалистов с высшим образованием (бакалавров, магистров, докторов философии) подтверждается тем фактом, что процедура нотрификации дипломов в перечисленных выше восточноевропейских государствах отсутствует.

Это следствие их взаимного автоматического признания. Данное обстоятельство также способствует академической и научной мобильности студентов, профессорско-преподавательского состава, а также трудовой мобильности граждан государств Европейского союза в целом. Страны, сфера высшего профессионального образования которых анализируется нами в этой статье, расположены рядом; социально-экономические отношения в них развивались по схожим сценариям (а Чехия и Словакия еще 25 лет тому назад были одной страной).

В Польше, Словакии и Чехии подготовку магистров-финансистов успешно реализует большое количество как государственных, так и частных университетов. При этом такими учреждениями высшего образования являются и специализированные вузы (экономические, финансовые), и непрофильные (технические, технологические, аграрные, социально-гуманитарные, классические и т.п.). Для подтверждения этого тезиса достаточно привести следующие данные, касающиеся высшего профессионального образования Чешской Республики, в которой действует более семидесяти университетов, из которых сорок пять частные: именно в частных университетах почти половина (48%) учебных программ ориентирована на подготовку специалистов по экономике. Фактически аналогичная ситуация в Польше, в которой функционируют такие достаточно крупные приватные высшие учебные заведения, занимающиеся обучением будущих профессионалов экономи-

ческого и финансового профиля, как Университет Лазарского и Университет Козьминского (Варшава).

Отмеченные нами выше образовательные программы по подготовке магистров-финансистов в английской транскрипции имеют как Master in Finance (MiF) – магистр в области финансов или же Master in Finance and Accounting (MIFA) – магистр в области финансов и бухгалтерского учета. Это, как правило, достаточно узко специализированные образовательные программы, ориентированные на формирование совокупности определенных компетенций у высококлассных экономистов, финансистов или же современных управленцев. В последнем случае программу идентифицируют как MBA (Master of Business Administration) с акцентом на будущую практическую деятельность в финансовой сфере.

Магистерские степени MiF, MIFA или же MBA можно получить также в национальном филиале одной из авторитетных европейских бизнес-школ, которые достаточно активно реализуют свою деятельность в Польше, Чехии и Словакии. Отдельно необходимо отметить, что в большинстве чешских и словацких высших учебных заведений вместо магистерской степени (MSc), которую получают их выпускники, применяют фактически эквивалентную академическую степень Inženyr (Ing).

Основное внимание в таких программах акцентируется на изучении актуальных проблем современных национальных и международных финансовых рынков, корпоративных финансов, а также на теории и практике инвестиций, риск-менеджмента, эффективных методов, средств и инструментов осуществления системного анализа финансовых данных с применением вычислительной техники и прикладных компьютерных программ и других важных аспектах. Достаточно большую роль в таком образовательном процессе в университетах Восточной Европы играют производственная практика и стажировка в международных компаниях. В частности, во время прохождения практики студенты магистерских программ MiF, MIFA, MBA создают собственные индивидуальные проекты, используя для анализа и последующего синтеза реальные статистические данные, которые касаются практической финансовой деятельности соответствующих институций.

Как правило, создание таких инвестиционных или же финансовых проектов осуществляется на базе компаний (фирмы), в которой будущий магистр-финансист проходит производственную практику или стажировку. Эти проекты могут быть реально внедрены в практиче-

скую деятельность данной организации или учреждения. Кроме того, достаточно много обучающихся на магистерских программах может получить существенную финансовую поддержку как за счет государственного бюджета, так и из средств многочисленных фондов в виде различного рода стипендий, грантов и представления льготных банковских кредитов.

Общий срок обучения на магистерских программах MiF и MIFA в вузах указанных выше восточноевропейских стран, как правило, составляет два года, а объем таких программ в ECTS – 120 кредитов. Формы реализации обучения магистров-финансистов в польских, чешских и словацких университетах следующие: дневная (full-time), вечерняя или же заочная (part-time), экстернат (или дистанционное обучение). Кроме того, обучение по программам подготовки магистров сферы финансов может быть реализовано гражданами Польши, Словакии и Чехии как на государственных языках этих стран (польском, словацком или чешском), так и на других языках Европейского союза (английском, французском, немецком, испанском и т.д.). При этом освоение одного или даже двух иностранных языков на достаточно высоком уровне (не ниже, чем уровень B2 или даже C1) в рамках обучения на магистерских программах является обязательным.

В Восточной Европе существует также большое количество магистерских образовательных программ, которые реализуются совместно университетами двух и более стран. В данном случае магистры получают так называемые «двойные дипломы». Важными инструментами в реализации международного сотрудничества восточноевропейских университетов являются программы непосредственно Европейского содружества; программы, направленные на обеспечение сотрудничества ЕС с иными странами мира (Erasmus Mundus, EU-USA, EU-Canada); региональные программы, в частности такие, как FM EHP/Норвегия, CEEPUS, Aktion и другие.

Так, университеты Чехии достаточно успешно сотрудничают в рамках программы Life Long Learning Programme (LLP) – Erasmus, в соответствии с которой на протяжении 2010–2016 годов на обучение или же стажировку за границу выезжали более девяти тысяч студентов государственных чешских университетов в год. Кроме того, в университеты Чехии приезжало почти по семь тысяч иностранных студентов каждый год. Кроме указанных выше программ обмена студентами реализуются совместные проекты отдельных восточноевропейских университетов, направленные на развитие образо-

вательных программ, подготовку к участию в них, организацию летних школ и университетов и прочее.

Министерство образования принимает активное участие в поддержке сотрудничества университетов Чехии с зарубежными вузами. Одним из инструментов такой поддержки является финансирование международных программ за счет фондов государственного бюджета. Так, в 2014–2016 годах объемы финансирования программ LLP, CEEPUS и Aktion достигли уровня почти 270 миллионов чешских крон.

Как правило, структура магистерской образовательной программы состоит из совокупности основных курсов, которые осваивают все ее участники без исключения (обязательные или магистральные курсы), и курсов по выбору (так называемых элективных курсов). При этом элективные курсы – это множество, состоящее из нескольких десятков учебных предметов, из перечня которых кандидат в магистры выбирает лишь те, что, по его мнению, будут ему необходимы в будущей практической или же научной деятельности.

Для успешного окончания программы и получения диплома о соответствующей квалификации магистранту необходимо «набрать» определенное организаторами образовательной программы минимальное количество «кредитов» («кредит» – определенная условная зачетная единица). Как правило, количество отмеченных выше кредитов за полный курс соответствует количеству запланированных аудиторных занятий на одну неделю на протяжении учебного семестра.

Общий объем «кредитов», обязательных для освоения участником образовательной программы магистерской подготовки MiF (MIFA) в восточноевропейских университетах, состоит из следующих структурных элементов: количество и вид занятий, которые он должен посетить или отработать; производственная практика (стажировка); зачеты и экзамены; индивидуальный финансовый (инвестиционный) проект или (и) подготовка магистерской диссертации. Магистерское диссертационное исследование реализуется под руководством одного или же одновременно нескольких преподавателей кафедры, факультета или же нескольких факультетов (университетов), на базе которых была сформирована магистерская программа. Публичная защита такой диссертации в обязательном порядке происходит в присутствии членов официальной (государственной) комиссии.

Удовлетворив все требования избранной им магистерской программы, исполнив учебную нагрузку в соответствии с учебным планом, вы-

пускники получают из рук руководителя программы соответствующий диплом, который подтверждает успешное окончание ими обучения в университете, а также им присваивается степень Master in Finance, Master in Finance and Accounting или Master of Business Administration. Далее магистр в области финансов выбирает один из двух путей реализации своей профессиональной карьеры: практическая профессиональная деятельность в одной из финансовых институтов; дальнейшее обучение в университете на программе подготовки докторов философии (PhD).

В государствах Восточной Европы в наличии достаточно большое количество специализаций подготовки магистров-финансистов. Как свидетельствует реализованный нами анализ образовательных программ Польши, Чехии и Словакии, в восточноевропейских университетах готовят магистров по таким видам специализаций, как «Корпоративные финансы и бизнес», «Финансы и финансовые услуги», «Финансы, банковское дело и инвестиции», «Финансы предприятия», «Финансовый консалтинг», «Финансы и кредит», «Финансы и бухгалтерский учет», «Финансовый менеджмент», «Управление финансовыми рисками» и т.п. Каждый из польских, словацких или чешских университетов, реализующих подготовку магистров-финансистов, исходя из общей специфики его образовательной деятельности, совокупности и уровня квалификации имеющегося в наличии профессорско-преподавательского состава, а также насущных потребностей регионального и общеевропейского рынков труда, формирует собственную специфическую программу. Такую программу он аккредитирует в соответствующем национальном государственном органе сферы образования. Достаточно часто образовательные программы, одновременно с этим, аккредитируются также и в одной из общеевропейских институтов.

В любом случае в обязательном порядке университетом назначается научный руководитель магистерской программы, которыйPersonally отвечает за формирование ее структуры и содержания, подготовку учебно-методического обеспечения, ее практическую реализацию. Одновременно с этим руководитель программы выступает своеобразным гарантом высокого качества подготовки специалистов в университете по соответствующему направлению. Как правило, это довольно известный в своей области специалист, которого уважают в международном научном сообществе и который имеет существенные научные, профессиональные и методические достижения.

Рассмотрим учебный план подготовки магистров в области финансов и бухгалтерского учета в Варшавской школе экономики – одном из самых крупных высших учебных заведений Польши, основанном в 1906 году. Обучение на программе подготовки магистра длится четыре семестра, при этом необходимо успешно освоить 120 ECTS и сформировать расширенные знания относительно финансового управления хозяйствующими субъектами (включая финансовые учреждения) с акцентом на принятии управленческих решений, основанных на результатах проведенного финансового анализа. Как заявляют авторы образовательной программы, такое обучение является фундаментом для реализации профессиональной деятельности, а также пролонгирования образования в рамках обучения на протяжении всей жизни. Сформированные в результате обучения компетенции позволяют (после прохождения соответствующей практики) успешно выполнять профессиональные обязанности в качестве эксперта или менеджера в данной области финансов и бухгалтерского учета либо заниматься собственным бизнесом, а также дают возможность получить различные сертификаты или лицензии в Польше и за рубежом. Успешное окончание обучения на магистерских программах подготавливает обучающихся к обучению в аспирантуре для получения научной степени [7].

Для освоения магистерской программы «Финансы и бухгалтерский учет» абитуриент должен иметь диплом об успешном окончании бакалавриата и знания в области финансов, а также базовые знания, позволяющие проводить финансовый анализ. Обучение на первом цикле (бакалавриат) формирует компетенции, которые позволяют выпускникам приступить к профессиональной деятельности в качестве специалиста в области финансов и бухгалтерского учета либо заниматься собственным бизнесом. Разработчики программы бакалавриата декларируют, что в случае успешного окончания обучения у выпускников будут сформированы следующие компетенции: знания механизмов функционирования предприятий, сектора государственных финансов, финансовых рынков, банков и страховых компаний, источников финансирования бизнес-операций и инвестиционных проектов, критериев выбора правильных решений, понимание взаимозависимости между финансами и реальной сферой экономики, применение основных принципов финансового учета, проведение финансового анализа предприятий и финансовых учреждений, владение финансовыми инструментами и критериями их правильного выбора с учетом потребностей

компании или домашнего хозяйства. Кроме того, у выпускников должны быть сформированы умения реализовывать экономический и финансовый анализ хозяйствующего субъекта и обосновывать сформулированную оценку, рассчитывать и выбирать наиболее эффективный финансовый инструмент, оценивать финансовые и социальные последствия принятых решений, оценивать надежность финансовых данных и экономического анализа, представлять результаты проведенного анализа и оценки и уметь их аргументировать, свободно владеть двумя иностранными языками (выпускники заочного обучения – говорить на одном иностранном языке на продвинутом уровне) [7].

К социальным компетенциям, сформированным у выпускников бакалавриата по программе «Финансы и бухгалтерский учет», разработчики относят готовность к работе в команде, осведомленность о правилах работы в команде, способность дополнять и совершенствовать приобретенные знания и навыки, понимание социальных проблем, способность формировать суждения по важным социальным и идеологическим вопросам, а также понимание и соблюдение принципов этики в области финансов и бухгалтерского учета. Так как в описании учебной программы нет четкой формулировки необходимых входных компетенций для обучения в магистратуре, в их качестве можно принять сформированные компетенции выпускников бакалавриата по аналогичной программе.

Обучение по программам магистратуры формирует более углубленные знания, умения и навыки в определенной области, подготавливает студентов к работе управленцев среднего звена, поэтому большое внимание уделяется дисциплинам узкой специализации, изучение которых направлено на реализацию конкретной профессиональной деятельности. Структура учебного плана следующая: обязательные предметы – 58.5 кредитов ECTS (48%), дисциплины по выбору – 31 кредит ECTS (включая дисциплины по выбору студента – 15 кредитов ECTS), что составляет 26% и 12% соответственно. На изучение иностранного языка программой предусмотрено 10.5 кредитов ECTS (9%). Во время второго года обучения будущие магистры обязаны написать и защитить магистерскую диссертацию под руководством научного руководителя. Для этого учебным планом предусмотрено 20 кредитов ECTS (в третьем семестре 8 кредитов ECTS и 12 кредитов ECTS – в четвертом).

Кроме того, обучающиеся, окончившие бакалавриат не по экономическим специальностям, обязаны пройти экономический семинар –

3 кредита ECTS. Студенты, которые обучаются на английском языке, вместо курса иностранного языка могут выбрать себе другие дисциплины в аналогичном размере (10.5 кредитов ECTS).

Программой предусмотрена следующая специализация: банковское дело, финансы предприятий, международные финансовые рынки, налоги, бухгалтерский учет, страхование, инвестиционный консалтинг, биржевой маклер [7].

Таким образом, в результате обучения по программе «Финансы и бухгалтерский учет» у обучающихся должны быть сформированы следующие компетенции:

– знания: о влиянии денежно-кредитной политики на ситуацию на финансовых рынках, на деятельность финансовых учреждений и других хозяйствующих субъектов; о сущности и применении передовых принципов финансового учета; о сущности и применении инструментов управлеченческого учета (включая учет затрат); об анализе, сравнении и выборе инвестиционного решения и о том, как аккумулировать средства для бизнес-операций; значимости выявления, оценки и прогнозирования последствий риска в деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе финансовых учреждений; правовых норм (в том числе налоговых) и их влияния на осуществление предпринимательской деятельности; о процессе финансового планирования и правил выбора соответствующих инструментов планирования и контроля;

– умения: интегрировать финансовые вопросы с другими аспектами ведения бизнеса (например, маркетинг, управление); реализовывать углубленный финансовый анализ, в том числе на основе инструментов управлеченческого учета, и формулировать выводы и рекомендации на основании полученных данных; рассчитывать эффективность инвестиций и стоимость финансирования с учетом размера оптимального инвестиционного портфеля или источников финансирования; оценивать уровень финансового риска и формулировать выводы и рекомендации; эффективно работать в условиях стресса и нехватки времени; разрабатывать финансовый план для хозяйствующего субъекта; обосновывать предложенные решения и критически их оценивать; свободно владеть хотя бы одним иностранным языком.

К сформированным у магистров социальным компетенциям авторы программы относят инициативность и участие в организации работы команд, в том числе межсекторальных, готовность к самообразованию и расширению своих специальных знаний с учетом инновационного отечественного и зарубежного опыта; понимание принципов корпоративной социальной от-

ветственности и необходимости их соблюдения; понимание и принятие этики в области финансов и бухгалтерского учета, включая кодексы надлежащей практики.

Контроль уровня сформированности компетенций осуществляется во время сдачи зачетов и экзаменов, а также во время защиты магистерской диссертации. Для студентов, обучающихся в вечернее время и в выходные дни, предусмотрено электронное обучение с использованием информационных технологий в размере 30–50% учебного времени.

Одним из принципов Болонского процесса является принцип автономности вузов, в соответствии с которым учебному заведению дано право самостоятельно формировать содержание образования и профессорско-преподавательский состав, выбирать необходимые методы и методики обучения. Нормативно-законодательными актами, в которых описаны квалификации, относящиеся к высшему образованию, являются Закон о высшем образовании и науке от 20 июля 2018 года и Закон «Об интегрированной системе квалификаций» от 22 декабря 2015 года [9]. Так, Законом о высшем образовании и науке предусмотрено, что исследования в конкретной области, на конкретном уровне и профиле проводятся на основе учебной программы, которая определяет:

- результаты обучения, указанные в Законе от 22 декабря 2015 года о комплексной системе квалификаций, с учетом универсальных характеристик первого и второго циклов обучения;
- описание процесса, ведущего к результатам обучения;
- количество кредитов ECTS, которые необходимо освоить на каждом цикле обучения [9].

Информация о результатах обучения и количестве кредитов ECTS составляет основу для разработки описания синтетических характеристик квалификации для высшего образования.

В соответствии с Законом о высшем образовании и науке, учреждение учебных заведений в данной области является обязанностью ректора университета. В задачи сената входят, в частности:

- разработка учебных программ для аспирантуры и специального обучения;
- разработка учебных программ для докторантуры;
- определение того, как подтвердить результаты обучения;
- определение критериев для подтверждения результатов обучения и присвоения уровней квалификаций в соответствии с Польской рамкой квалификаций.

Формирование единого экономического пространства и повышение мобильности рабо-

чей силы побудило европейское общество разработать общие подходы к измерению оценки качества высшего образования. В 2005 году были приняты «Стандарты и рекомендации по обеспечению качества образования на Европейском пространстве высшего образования». Позже, в 2015 году, эти стандарты были усовершенствованы и приняты в новой редакции. Польша является страной-участницей Болонского процесса, поэтому придерживается общеевропейской политики обеспечения качества высшего образования, для чего созданы внутренняя и внешняя системы обеспечения качества, а также агентства по обеспечению качества.

В настоящее время польские университеты не предоставляют описания синтетических характеристик присужденных квалификаций, которые содержали бы информацию, необходимую заказчикам образовательных услуг (абитуриентам и работодателям). Описание квалификаций, содержащееся в документах, принятых соответствующими университетскими органами, обычно нигде не публикуется или публикуется ограниченно. Поэтому информация об образовательных услугах для определенной сферы аккумулируется в Интегрированной информационной системе высшего образования и науки POL-on, которая содержит данные обо всех польских научных подразделениях. В помощь разработчикам образовательных программ для описания сформированных компетенций Варшавский научно-исследовательский институт образования в 2018 году подготовил издание «Подготовка описания синтетических характеристик полных квалификаций высшего образования. Руководство с примерами описания» [10]. В публикации приведены примеры характеристики квалификаций в области гуманитарных, общественных, естественных, технических, медицинских, сельскохозяйственных и точных наук, а также в области образования и искусства с учетом языка обучения (польского или английского).

Магистерские программы подготовки финансистов, реализуемые в восточноевропейских университетах на языках Европейского союза, в частности такие, как «Международный финансовый менеджмент», «Финансы и бухгалтерский учет», «Корпоративная стратегия и финансы в Европе», позволяют их выпускникам успешно использовать приобретенные в процессе обучения теоретические знания, умения и навыки в практической работе на соответствующих должностях в национальных бизнес-структурах и крупных международных компаниях. При этом внимание сосредоточивается на

успешном формировании у выпускников компетенций, позволяющих им критически оценивать актуальную проблему, реализовать ее системный анализ, предложить оптимальное решение, применяя полученные во время учебы навыки и способности эффективной работы в команде высококлассных специалистов.

Неотъемлемый структурный компонент магистерской программы – обязательная стажировка будущих магистров-финансистов в одном из финансовых учреждений государств Европейского союза или США, с которыми у восточноевропейских университетов заключены договоры о сотрудничестве. По сути дела, указанные выше образовательные программы реализуются в рамках одного из европейских проектов международного обмена (академической мобильности) или же научной стажировки. Успешное обучение также помогает будущим магистрам сферы финансов получить преференции при сдаче определенного количества экзаменов начального уровня для вступления в международные профессиональные бухгалтерские сообщества (институции), в частности такие, как Ассоциация дипломированных сертифицированных бухгалтеров (ACCA), Институт дипломированных бухгалтеров Англии и Уэльса (ICAEW) и другие весьма уважаемые в профессиональном сообществе объединения.

Выводы

Рассмотренные нами программы профессиональной подготовки магистров-финансистов, вследствие их освоения, позволяют будущим специалистам глубоко понимать и на научной основе анализировать современные тенденции в области корпоративного управления, а также деятельность компаний в контексте общеевропейского экономического и социального развития, корпоративной и социальной ответственности. Приобретенные в процессе обучения компетенции способствуют успешной адаптации выпускников восточноевропейских университетов к динамическим изменениям социально-экономических условий, требованиям рынка труда, а также осуществлению эффективной практической деятельности на протяжении всей жизни. Они ориентированы на выявление вероятных проблем и угроз, а также «вооружены» навыками результативного использования современных средств прогнозирования и планирования процессов управления.

Специализация программ достигается за счет наличия широкого спектра дисциплин по выбору студентов, изучаемых в объеме 15 кредитов ECTS, что позволяет оставаться конку-

рентоспособным на рынке труда, мобильным в плане изменения направления профессиональной деятельности, повышения квалификации или образования на протяжении всей жизни.

Отсутствие жесткого контроля со стороны государства и ответственность вузов за содержание учебных программ и соответствие заявленных результатов обучения фактическим позволяет мгновенно реагировать на изменения в запросах работодателей на подготовку специалистов в определенной узкой области, имеющих актуальные теоретические знания и практические навыки.

Разумное заимствование положительного опыта организации учебного процесса в странах Восточной Европы позволит оптимизировать учебные программы и, как следствие, повысить качество обучения в отечественных вузах.

Список литературы

- Гурьянова Т.Н. Инженерное образование в Германии: интерактивные методы обучения (на примере технического университета Брауншвейга) // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 11. С. 240–245.
- Егорова Е.В. Подготовка преподавателей-филологов в России и Германии в контексте Болонского процесса: проблемы и перспективы // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 43. С. 5–7.
- Лойко О.Т., Петрова И.В. Подготовка профессиональных кадров в Германии и России как реализация принципа «LIFELONG LEARNING» // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 4(16). С. 172–175.
- Орехова Е.Я., Полунина Л.Н. Подготовка учителей в магистратуре: европейский опыт // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 2. С. 201–201.
- Отрошенко Л. Формування професійної компетентності майбутніх фахівців зовнішньоекономічного профілю у вищій освіті Німеччини: Монографія. Суми: ДВНЗ «УАБС НБУ», 2010. 169 с.
- Yablochnikov S., Kuptsov M., Yablochnikova I. Innovative approach for the education quality assessment // IDIMT-2018. Strategic Modeling in Management, Economy and Society. 26th Interdisciplinary Information Management Talks (Sept. 5–7, 2018, Kutná Hora, Czech Republic). TRAUNER Druck GmbH & Co KG, Linz, 2018. P. 497–505.
- https://dziekanat.sgh.waw.pl/informatory/informatory_2018_opis_sl_sm.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
- Ustawa z dnia 22 grudnia 2015 r. o Zintegrowanym Systemie Kwalifikacji. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160000064> (дата обращения: 25.07.2019).
- Prawo o szkolnictwie wyższym i nauce. Ustawa z dnia 20 lipca 2018 r. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20180001668/T/D20181668L.pdf> (дата обращения: 22.07.2019).
- Przygotowanie opisów syntetycznych charakterystyk kwalifikacji pełnych właściwych dla szkolnictwa wyższego Wytyczne wraz z przykładami opisów [Электронный ресурс] // Chłoń-Domińczak A., Chmielecka E.,

Kraśniewski A. Przygotowanie opisów syntetycznych charakterystyk kwalifikacji pełnych właściwych dla szkolnictwa wyższego. Wytyczne wraz z przykładami opisów. Warszawa: Instytut Badań Edukacyjnych, 2018. URL: <https://www.ibe.edu.pl/download/Publikacje-ZRK/ZRK-ekspertyzy.pdf> (дата обращения: 17.10.2019).

SOME FEATURES OF TRAINING MASTERS STUDENTS IN THE AREA OF FINANCE IN EASTERN EUROPE

I.O. Yablochnikova

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

The article presents an analysis of organizational aspects contributing to ensuring a high level of quality of professional training of masters students majoring in finance in the countries of the European Union, in particular in Poland, Slovakia and the Czech Republic. The author presents the requirements for the set of competencies that applicants for master's degree programs in finance implemented in universities in Eastern Europe must demonstrate and also examines the structure and content, the procedure for the development, accreditation and implementation of such educational programs. The training of masters students is carried out by means of a set of mandatory (main) and elective courses, internships in financial institutions of various forms of ownership, and universities in Europe. Mandatory courses allow graduates to develop a deep understanding of the current problems of modern national and international financial markets, to learn effective methods and tools for systematic data analysis and management of various types of resources. Elective courses are usually focused on the study of specific issues and nuances. The author describes the features of programs implemented through international cooperation of universities of two or more countries in the framework of academic mobility and substantiates the possibility of rational borrowing of the positive aspects in the organization of professional training of experts in finance.

Keywords: professional training of experts in finance at higher educational institutions, organization of masters programs, higher education in European countries.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Историческая память: студенты России о Великой Отечественной войне

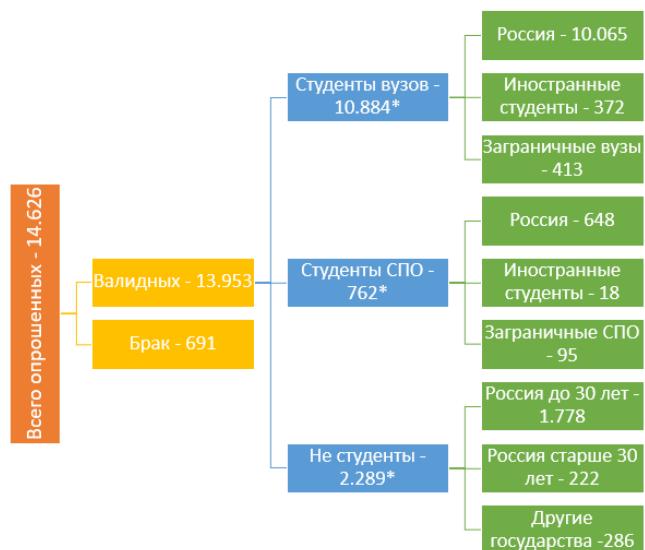
Российское общество социологов (РОС) в марте 2020 г. завершило онлайн-опрос исторической памяти молодежи. Это четвертый этап трендового исследования, посвященного Великой Отечественной войне. В год 75-летия Победы будет проведено немало исторических исследований, посвященных знаменательному юбилею. Уникальность же полученных Российским обществом социологов результатов в том, что это четвертое исследование по практическим аутентичному инструментарию. Первая волна этого масштабного проекта, начатого в 2005 г. к 60-летию Победы, дала столь значительные результаты, что было решено продолжать его с интервалом в пять лет.

За прошедшие годы выросло новое поколение молодежи, сменились идеологические приоритеты, патриотизм провозглашен национальной идеей, а подвиг народа в годы Войны – ее стержнем. В городах и селах практически нет уже участников боевых действий, и даже детей войны на всю страну всего около 13 млн человек. Коммуникативная память все больше становится публичной памятью, которая формируется школьными учебниками, кинофильмами, СМИ.

Рассматривая социологический опрос как форму актуализации исторической памяти, РОС старался расширить круг своих респондентов, обращаясь ко всем вузам страны. В 2005 г. к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне анкеты заполнили около 2000 студентов из разных регионов России. В 2010 г. к 65-летию Победы – уже 3482 студента 36 вузов из 15 городов России. В 2015 г. откликнулись на инициативу РОС 4652 человека, в том числе 4591 студент из 45 вузов 20 различных городов России и 61 молодой специалист. В этом году впервые в истории исследований РОС были опробованы методики on-line-анкетирования. Через интернет-опрос на CAWI-сервере организаторы получили 1295 анкет. Новая форма опроса заставила внести корректировки в формулировку вопросов и построение анкеты, но ее основа сохранялась на всех этапах, что позволяет проследить тренды изменений в общественном сознании молодежи.

2020 г., объявленный Годом Памяти и Славы с целью сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., активизировал, с одной стороны, самые разные формы работы по патриотическому воспитанию, с другой – усилил идеологическую борьбу вокруг вопросов о роли Советского Союза во Второй мировой войне. Ряд острых обсуждаемых проблем нашел отражение в новом варианте инструментария исследования «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», решение о проведении которого объявил на президиуме РОС в ноябре 2019 г. президент РОС профессор В.А. Мансуров.

В марте 2020 г. завершился полевой этап интернет-опроса. Эта форма позволила включиться в исследование всем желающим. В результате значительно расширилась география участников, среди которых граждане других государств, представители самых разных социальных групп (см. рис.).

* в том числе незначительное количество студентов с неидентифицированным гражданством

Рис. Структура респондентов, принявших участие в социологическом исследовании

Участие в исследованиях РОС – это научное волонтерство, и поэтому руководитель исследования (бессменным руководителем всех четырех волн исследования является д.филос.н., проф. Юрий Рудольфович Вишневский (Екатеринбург)), и другие члены авторского коллектива (д.соц.н., проф. Н.В. Дулина (Волгоград); к.соц.н., доцент Е.Н. Икингин (Нижневартовск); с.н.с. ФНИСЦ РАН Е.И. Пронина (Москва); д.соц.н., проф. Г.С. Широкалова (Нижний Новгород); к.соц.н., доцент Д.В. Шкурин, организовавший работу с общим массивом и первичную обработку собранной в ходе исследования информации (Екатеринбург)), особо благодарят преподавателей, проводивших социологический опрос в своих вузах все 4 волны (как, например, д.и.н., проф. З.Х. Саралиева, Нижегородский государственный университет), и надеются на дальнейшую совместную работу.

По сложившейся традиции обобщенные данные об итогах исследования будут выставлены на сайте РОС, чтобы все интересующиеся историей могли использовать их в своей работе. Анализ ответов респондентов с результатами предыдущих исследований, представленных в многочисленных публикациях в научном информационном поле, позволит сделать обоснованные выводы о трендах в общественном сознании молодежи и влиянии публичной истории на ее мировоззрение.

Надеемся, что результаты исследований исторической памяти будут представлены на Всероссийском социологическом конгрессе в Тюмени в 2020 г., в том числе на одной из сессий конгресса «Помним, гордимся... Молодежь России о Великой Отечественной войне и проблемах патриотизма».

*Ю.Р. Вишневский, Н.В. Дулина, Е.Н. Икингин,
В.А. Мансуров, Е.И. Пронина, Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин.*

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (57)

2020

**Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский**

Формат 60×84 1/8.

**Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 43,7. Усл. печ. л. 37,9. Тираж 100 экз. Заказ № 54.**

**Дата выхода в свет: 31.03.2020
Свободная цена**

**Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»**

**Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23**

**Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37**

**Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.**

Информационная продукция для детей старше 16 лет